

Н.Н. Соцков

ОСОБИСТ

Борис Михайлович Пидемский

(07 января 1918 г. – 24 августа 2017 г.)

**100 лет Особым Отделам ВЧК-КГБ-ФСБ
(1918 – 2018)**

Издательство Юридического института
Санкт-Петербург
2018

Автор выражает искреннюю благодарность за поддержку в издании книги – Региональному объединению ветеранов военной контрразведки Западного военного округа, Региональной общественной организации «Вологодское землячество» в г. Санкт-Петербурге и Фонду поддержки офицеров запаса государственной безопасности.

Санкт-Петербургская общественная организация
Региональное объединение
ветеранов военной контрразведки
Западного военного округа

Фонд поддержки
офицеров запаса
государственной
безопасности

РОО «Вологодское землячество» в г. Санкт-Петербурге

Главный редактор: Александр Викторович Чернышев

Н.Н. Соцков

ОСОБИСТ. История о Борисе Михайловиче Пидемском (07 января 1918 г. – 24 августа 2017 г.). – СПб: Изд-во Юридического института, 2018 г. – 368 с.

Литературно-публицистическое издание ОСОБИСТ посвящено долгой и плодотворной жизни уникального человека – вологодского парня Бориса Михайловича Пидемского – участника войны с Финляндией; с марта 1941 г. служившего в органах военной контрразведки; участника обороны Ленинграда.

С 1957 г. по 1964 г. – начальника особого отдела КГБ по 6-й отдельной армии Войск ПВО страны, а затем создавшего и длительное время руководившего в Федеральном государственном бюджетном учреждении «Центральное экспортное издательство «Аврора», ориентированном на экспорт.

Полковника в отставке, награждённого шестью орденами нашей Родины. Лауреата премии ФСБ России в номинации «Художественная литература и журналистика» (за книгу «Под стук метронома»). Заслуженного работника культуры России, члена Союза писателей России.

Издается к 100-летию образования в России Особых Отделов ВЧК-КГБ-ФСБ (1918 – 2018).

© Б.М. Пидемский, «Кусочек биографии», 2018

ISBN 978-5-86247-150-2

© Н.Н. Соцков, автор-составитель книги, 2018

© О.Б. Пидемский, составитель архива, 2018

© А.В. Чернышев, редакция, оформление, 2018

*Авторы-составители и Совет
ветеранов военной контрразведки
Западного военного округа выражают
искреннюю благодарность за помощь в
издании книги*

Малых Николаю Александровичу

Светлой памяти
Бориса Михайловича Пидежского
посвящается

Вместо предисловия

По давно заведённой традиции накануне Дня Победы поехал я с группой ветеранов-чекистов на Невский пяточок, чтобы почтить память погибших там воинов, цветы возложить и по 100 граммов фронтовых принять.

Ехал я первый раз, и потому все вокруг мне было интересно. Ехал под впечатлением прочитанной накануне книги Б.М. Пидемского «Под стук Метронома». Более пронзительной и правдивой книги о войне я не читал, но об этом чуть позже.

Переполненный эмоциями от увиденного и услышанного, а также прочитанного, вернувшись домой, я тут же написал стихи о Невском пяточке.

Я решил, что посвящу их Борису Михайловичу Пидемскому, и первому же их прочитаю. Объясню почему. Дело в том, что мы с ним особисты, да ещё и земляки. Он родом из Череповецкой губернии, а я родился в Череповце и до поступления в Ленинградское военно-морское училище проживал там.

Борис Михайлович учился в Череповце в медицинском техникуме. Места, где он родился, были подвергнуты затоплению. Предки мои по материнской линии тоже из этих мест. Я неоднократно бывал там и видел печальную водную гладь огромных территорий с торчащими остовами мертвых деревьев, затопленную церковь. Эта удручающая картина навсегда отразилась в моей детской памяти. Вот почему я очень хотел встретиться с Борисом Михайловичем и поговорить обо всем. Мои предки и родственники по материнской линии из тех же мест и тоже долгожители. Бабушка моя, Прасковья Алексеевна, несмотря на трудную и тяжёлую жизнь 95 лет прожила. Дочь Паня, тетка моя, в

Ленинграде в госпитале работала, в блокаду пропала без вести. Тётка Катерина в 98 лет половики ткала, и стихи сочиняла, сын ее, брат мой двоюродный – Николай, 92 года которому недавно отметили, до сих пор ни одной зимней рыбалки не пропустит. Вот такие они, вологодские...

Словом было о чем поговорить мне с Борисом Михайловичем. Но по нехорошей привычке своей откладывать дела на потом, успею мол, не позволили мне встретиться со знатным земляком. Не успел! 24 августа ушёл из жизни Борис Михайлович...

Как я ругал себя и продолжаю ругать. Вот тогда-то и решил я написать книгу о Борисе Михайловиче Пидемском, замечательном человеке, моем земляке, Особисте с большой буквы.

Написать книгу, конечно это громко сказано, а вот собрать воедино материалы из разных источников – это я думаю под силу любому образованному человеку, желание только иметь надобно. Поэтому в данной ситуации я не писатель, всего лишь автор-составитель.

Большую помощь в подборе материалов оказали мне сын Бориса Михайловича – Олег Борисович, внук Андрей Владимирович, хорошо знавшие его чекисты-ветераны Юрий Николаевич Бабушкин, Анатолий Павлович Канташов, Сергей Васильевич Рац, ну и разумеется вологодские земляки Виталий Федорович Виноградов и Александр Андреевич Некипелов.

Неоценимый вклад в обработку материалов, компьютерный дизайн и оформление книги внёс мой давний друг и товарищ по службе – Александр Викторович Чернышев. Всем им огромное спасибо и низкий поклон.

В этом году исполняется 100лет образования особых отделов ВЧК-КГБ. Борис Михайлович их ровесник. Совсем немного не дожил он до своего 100-летнего юбилея.

И да поможет эта книга сохранить память о Борисе Михайловиче Пидемском, о всех героях его повествований, осмыслить, а может и переосмыслить историю и предназначение военной контрразведки, отношение наше к людям.

У читателя я хочу попросить прощения за то, что в представленных в этой книге материалах часто встречаются информационные повторы биографических данных Бориса Михайловича. Отдельных эпизодов из его жизни, событий, происходящих на «Невском пяточке», и др. Полагаю, нет необходимости объяснять, почему это так.

И ещё, надеюсь, что у авторов публикаций и фотографий, использованных в книге, не будет претензий к редакции.

Глава 1

Откуда родом и как попал в ЧК...

Биографическая справка

Пидемский Борис Михайлович, полковник в отставке, инвалид Великой Отечественной войны, родился 7 января 1918 года в селе Петропавловское (ныне Чарозеро) Кирилловского уезда Череповецкой губернии (ныне районы Вологодской области).

Село находилось в 250 м от железной дороги и в 60 км от ближайшей пристани. В семилетнем возрасте, в связи с переводом родителей – медицинских работников, в соседний Белозерский район, переехал с родителями вначале в посад Крохино (до 1352 г. место древнего Белозерска), где пошел в первый класс, а затем в село Мегра того же района. В с. Мегра и г. Белозерске закончил семилетку. В 1934 г. поступил в медицинский техникум г. Череповца, который окончил в 1937 году.

В техникуме был председателем профкома, затем секретарем организации ВЛКСМ. Одновременно учился в летно-планерной школе Осоавиахима при «Доме обороны». Сдал зачеты на значки «ГТО», «ГСО» и «ППХО». По окончании техникума поступил добровольно по призыву ГУ ПВО на службу в пограничные войска, и был, после краткой стажировки при Военно-медицинской академии в Ленинграде, назначен на должность лекпома¹ погранотряда на границе с Эстонией. Через год переведен на должность старшего лекпома, с присвоением воинского звания

¹ Лекпом – подлекарь, лекарский помощник, фельдшер, помощник врача

«военфельдшер» (лейтенант мед. службы) в 51-й Октябрьский полк по охране жел./дор. сооружений (Ленинград-Новгород), В 1939 году принят в ВКП(б). А в начале марта 1940 г. командирован на Советско – Финляндский фронт и после окончания войны назначен в г. Виипури КФСР (г. Выборг) на должность начальника аптеки 100-го полка 2-ой дивизии жел./дор. войск. Одновременно был избран секретарем первичной парторганизации штаба полка.

18 марта 1941 г., по решению командования и политотдела, откомандирован на оперативную работу в 3-й отдел НКО в Ленинградском военном округе. Продолжил ее, с началом ВОВ в 3-м, затем Особом Отделе Северного (с 23.08.1941 г. Ленинградского) фронта,

При участии в переброске агента через линию фронта был ранен. По выздоровлении продолжил работу в 6-м отделении ОО Ленфронта. С 15.10.1941г. направлен в должности оперативного уполномоченного ОО ЛенВО в 20-ю дивизию Невской оперативной группы, форсировавшей р. Неву в районе Невской Дубровки. Участвовал в боях на «Невском пяточке» с 27.10.1941 г. по 15.11.1941 г. Был ранен и контужен. После выписки из-госпиталя, с 09.12.1941 г. по 24.14.1949 г. в Особом Отделе ЛенВО, затем в Управлении военной контрразведки «СМЕРШ» фронта в должностях ст. оперуполномоченного, зам. начальника отделения, начальника 1-го отделения в звании политрук, старший политрук, капитан, майор. Весь период – военной контрразведки «СМЕРШ» проходил службу в блокадном Ленинграде.

С 24.11.1949 г. по 29.12.1949 г. – безработный. Уволен из военной контрразведки на общевоинский учет без оснований, без пенсии, без объяснения причин (в связи со сфабрикованным Москвой т.н. «ленинградским делом»).

29 декабря, благодаря содействию армейского командования, призван вновь на военную службу. Назначен старшим военным цензором 25-й воздушно-истребительной армии. Командующим войсками ПВО страны присвоено звание подполковник. Служил в 25-й ВИА ПВО около 3-х лет. Окончил исторический факультет Ленинградского Гос. университета (заочно), получив специальность историк.

В 1952 г, без моей просьбы, по требованию КГБ СССР приказом зам. министра Обороны маршала Соколовского возвращен на службу в органы военной контрразведки, «как ошибочно уволенный», и назначен вначале на должность начальника отделения, затем зам. начальника отдела (сектора) Управления контрразведки ЛенВО. С 1954 г. выдвинут на должность начальника ОО Военно-морских академий и учебных заведений СССР, а затем, в феврале 1957 года, назначен начальником военной контрразведки 6-ой Отдельной армии ПВО.

Уволился в запас из вооруженных сил 05.04.1964 г., в связи с болезнью и выслугой лет, в воинском звании полковник. Общий стаж военной службы – 34 года.

С декабря 1964 года до октября 1968 года работал в должности директора Ленинградского отделения издательства «Советский художник». Убедившись в практике работы в возможности государственной целесообразности резкого увеличения названий, видов, тиражей изданий по искусству, удалось через Министерство печати СССР (впоследствии Госкомиздат СССР) добиться прямого подчинения Ленинградского отделения «Советского художника» Министерству. Обязанность перед центральным издательством в Москве осталась лишь в согласовании с ним годового тематического плана во избежание параллелизма тематики изданий. Это позволило расширить выпуск продукции, увеличить штат специалистов и финансовый план. Увеличить прибыль государству.

Учитывая ежегодный рост числа иностранных туристов в Ленинград, их большой интерес к архитектурным памятникам и музеям СССР, в 1968 году разработал предложение о создании в Ленинграде первого в стране издательства центрального подчинения по выпуску и реализации за валюту на внутреннем и внешнем рынках изобразительной продукции на иностранных языках.

При поддержке Обкома и ЦК КПСС, несмотря на резкое сопротивление председателя Госкомиздата, министра Н. Михайлова, решение о создании такого издательства – Ленинградского издательства «Аврора» – было принято.

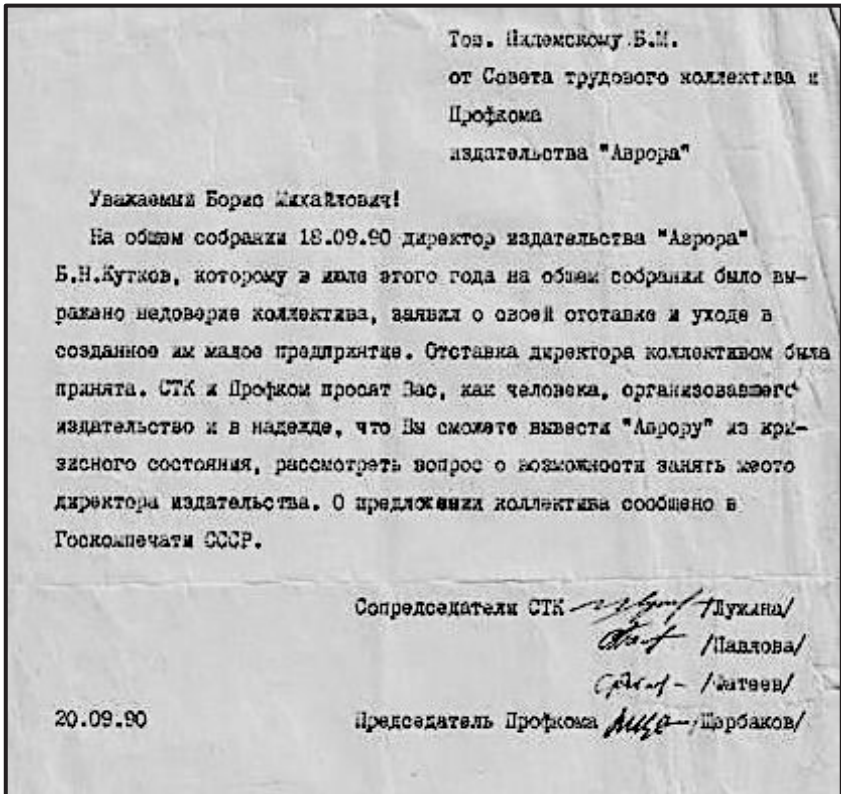
Для формирования издательства в октябре 1968 года был назначен его директором, без освобождения, на период создания «Авроры», от должности директора «Советского художника». В 1969 году издательство было создано.

Ленинградское издательство «Аврора» получило отделение в Москве, право распоряжаться 10% заработанной валюты, два этажа здания на Невском проспекте. Первый альбом нового, издательства вышел уже в марте 1969 года. В дальнейшем удалось вывести «Аврору», выпускавшую издания на 11 языках, получившую международный авторитет и премию Гуттенберга², в число известных мировых издательств. Впервые советское издательство по изобразительному искусству по своей инициативе вступило в международную издательскую кооперацию, начав совместные издания с инофирмами.

Работал в должности директора «Авроры» до 1981 года. Затем был назначен заместителем начальника

² В память о немецком первопечатнике этой премией награждают библиофилов за особый вклад в развитие искусства книги. Премия Гуттенберга, учредителем которой является международное общество родившегося в Майнце Иоганна Гуттенберга, присуждается ежегодно. Общество Иоганна Гуттенберга, носящее имя изобретателя книгопечатания, занимается изучением истории и развития типографской техники. В нем состоят свыше тысячи специалистов из 35 стран мира. Общество вручает ежегодную премию Гуттенберга с призовым фондом в 10 тысяч евро поочередно с Лейпцигом – городом, который, как и Майнц, знаменит традициями книгопечатания. (А.В.Ч. – Гл. редактор)

ГлавиздатЭКСПОРТА в Москву. После выхода на пенсию в 67 лет, в связи с началом развала издательства «Аврора» при новом руководстве, по просьбе руководства Госкомиздата и настояниям коллектива издательства снова возглавил «Аврору» в должности Генерального директора.

Проработав еще 4 года и убедившись в 90-е годы, в условиях развала народного хозяйства, в бесполезности усилий возратить «Аврору» на прежний уровень, попросил освободить от занимаемой должности. Был переведен на должность председателя вновь созданного Издательского совета Санкт-Петербурга. Уволился вновь на пенсию в 2004 году, проработав на издательском поприще 30 лет.

С 1955 года приобщился к литературной работе.

Член Союза журналистов СССР, а затем России; с 1980 года – Член Союза писателей России (ранее Международной ассоциации писателей, баталистов и маринистов}.

Почетные звания и награды Правительства и Государственных органов:

Звания:

- «Заслуженный работник культуры России»;
- «Ветеран Великой Отечественной войны»;
- «Ветеран военной контрразведки «СМЕРШ»;
- «Ветеран вооруженных сил»;
- «Лауреат премии ФСБ России за лучшее произведение литературы и искусства о деятельности органов Федеральной службы безопасности»;
- «Почетный гражданин Белозерского района» Вологодской области;
- «Почетный житель округа «Гражданка» г. Санкт-Петербурга».

Ордена:

- Два «Отечественной войны I степени»;
- «Отечественной войны II степени»;
- «Красной звезды»;
- «Дружбы народов»;
- «Ветеранский крест I степени».

Медали:

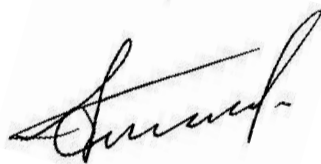
- «За отвагу»;
- «За боевые заслуги»;
- «За оборону Ленинграда»;
- «За победу над Германией»;
- «За доблестный труд»;
- «За безупречную службу»;
- «Имени Г.К. Жукова» и 23 юбилейных медалей;
- Почетный знак «Отличник печати СССР».

Звания и награды общественных организаций:

- Лауреат российского форума «Общественное признание»;
- Орден «Великая Победа» (Национального комитета общественных наград РФ);
- Медаль «За жертвенное служение» (от. Московской патриархии);
- Почетный знак «За активное участие в. ветеранском движении» (Российского комитета ветеранов войны и военной службы);
- Медаль ветерана Невского пяточка и др.

Награды иностранных государств:

- Медали Болгарии, Финляндии, ГДР, Японии;
- Звание и медаль «Заслуженный деятель культуры Польши».

Б.М. Пидемский

* * *

Почетные звания и награды

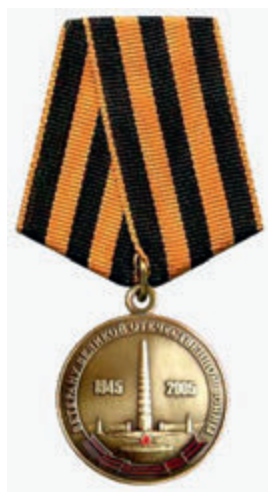
Почетные звания

*Заслуженный
работник культуры*

*«Почетный гражданин
г. Белозерска»*

*Медаль «Ветеран
ВОВ»*

*Ветеран военной
контрразведки*

*Ветеран
вооруженных сил*

*Медаль Лауреата
премии ФСБ России*

Ордена и медали

**Орден Отечественной
Войны I степени**

**Орден Отечественной
Войны I степени**

**Орден Отечественной
Войны II ст.**

**Орден «Красной
Звезда»**

**Орден «Дружбы
народов»**

**Орден «Ветеранский
крест I степени»**

Медаль «За отвагу»

**Медаль «За боевые
заслуги»**

**Медаль «За оборону
Ленинграда»**

*Медаль «За победу над
Германией»*

*Медаль «Имени Г.К.
Жукова»*

*Медаль «За
доблестный труд»*

I степени

II степени

III степени

Медаль "За безупречную службу"

Звания и награды общественных организаций:

***«Отличник печати
СССР»***

***Медаль «Ветеран
государственной
безопасности»***

***Медаль «Ветерану
Невской Дубровки»***

Знак «Ветерану Невской Дубровки»

***Медаль «За жертвенное
служение» от Московской
Патриархии***

Кроме этих наград Борис Михайлович имеет награды иностранных государств:

- Медали Болгарии, Финляндии, ГДР, Японии;
- Звание и медаль «Заслуженный деятель культуры Польши».

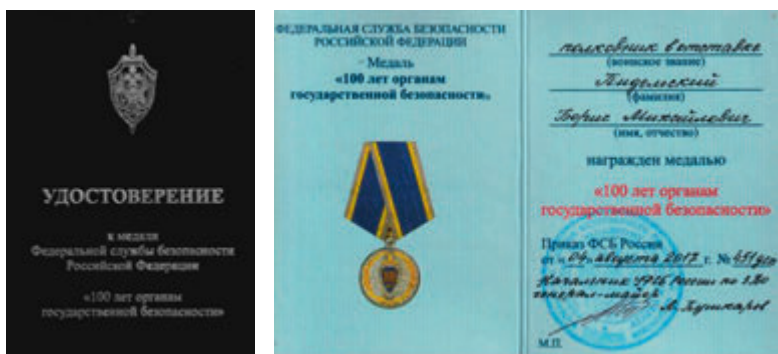
* * *

Последняя награда Бориса Михайловича...

19 декабря 2017 года сына Бориса Михайловича Пидемского – Олега Борисовича пригласили на торжественное собрание, посвященное 100-летию образования органов ВЧК–КГБ–ФСБ. Это было впервые и вызвало много вопросов у родных и близких.

На собрании ему вручили Юбилейную медаль и удостоверение. Так вышло, что эта была последняя награда Бориса Михайловича...

Удостоверение было подписано 04 августа 2017 г., а 24 августа 2017 г. его не стало.

Официальная биография Бориса Михайловича довольно подробно и профессионально раскрывает его довоенную и послевоенную жизнь (с рождения до 2004 года), когда он уже в третий раз, в свои 86 лет, ушел окончательно на пенсию. Но он продолжал много работать и в последующие годы: – в Региональном объединении ветеранов военной контрразведки Западного военного округа; на встречах с молодыми чекистами, воинами российской армии,

студентами и учащимися; на литературном поприще и в СПб отделении Союза Писателей России; специальным консультантом на киностудии Ленфильм.

Дополнительные штрихи к биографии приведены в нижеприведенной статье: «СМЕРШ» – Легенды и были»

* * *

Статья «СМЕРШ» – Легенды и были»

*на сайте СПб Регионального объединения ветеранов
военной контрразведки Западного военного округа*

В годы Великой Отечественной войны погибли более шести тысяч военных контрразведчиков — сотрудников особых отделов НКВД, 3-го управления Наркомата обороны, легендарного «Смерша».

Сегодня на месте кровопролитных боёв в посёлке Невская Дубровка Ленинградской области, где плечом к плечу с другими войсковыми соединениями Красной Армии сражались четыре дивизии войск НКВД, из которых на Большую землю вернулись только по 300–400 человек стоит часовня-памятник, возведенная по инициативе и при содействии Региональной общественной организации «Ветераны военной контрразведки».

Ветеран Великой Отечественной войны Пидемский Борис Михайлович – кавалер четырёх боевых орденов, молодой офицер-контрразведчик был в самой гуще боев.

Его наградной лист (прилагается) служит прекрасным подтверждением того, что офицеры контрразведки не только выполняли сложнейшую задачу борьбы с Абвером, но и в сложную минуту брали командование над красноармейцами и лично вели их в бой.

1а 066 ац

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

На Оперуполномоченного 00 НКВД 20 стр. дивизии НКВД
(должность, наименование войсковой части, соединения, учреждения или заведения)
Политрука ПИДЕМЮКОГО Бориса Михайловича
(воинское звание, фамилия, имя и отчество)
орден "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"
(наименование награды)

1. Год рождения 1918
2. Национальность русский
3. Социальное положение служащий
4. Партийность член ВКП/б/
5. С какого времени в РККА с 1937 г.
6. Участие в гражданской войне нет
7. Ранения и контузии нет
8. Представлялся ли ранее к награде, когда и за что нет
9. Какие имеет поощрения и награды и за что нет
10. Постоянный адрес: ..

I. КРАТКОЕ КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ
(составляется в штабе войсковой части, соединения, учреждения или заведения)

Несмотря на то, что т. ПИДЕМЮКИЙ молодой человек, оперативную работу осваивал хорошо и практически по обеспечению государственной безопасности в частях Кр. Армии работает так же хорошо. Инициативный и дисциплинированный товарищ.

Будучи Уполномоченным 8 стр. полка 20 стр. дивизии, находясь на передовой линии /левый берег р. Невы/ с организовал 50 человек красноармейцев и в целях отбоя контратаки противника, сам лично повел в атаку красноармейцев.

Тип 00 Урацкого Зав 484 6-9

Благодаря этому атака противника была отбита с большими потерями для фашистов, а тов. ПИДЕМЮКИЙ занял выгодный рубеж, на котором закрепился. С занятого рубежа т. ПИДЕМЮКИЙ, путем продуманного прицельного ручейно-пулеметного огня, нанес большой урон в живой силе противника.

НАЧ. 4 ОТД-НИЯ 00 НКВД ЛЕН. ФРОНТА
Старший политрук:
/ПОДПИСАНО/

15 декабря 1941 г.

В списке, представленном на награждение под № 10, указан «Политрук Пидемский Борис Михайлович – оперативный уполномоченный ОО НКВД 20 стрелковой дивизии».

Наградной лист, кстати, был представлен на Орден «Красной Звезды», но кем-то из руководства подписан сверху листа рукой: «**За отвагу**».

* * *

В числе почётных гостей, приглашённых на открытие памятника, которое состоялось 22 июня 2011 года в 4 часа утра, – ветеран Великой Отечественной войны, кавалер четырёх боевых орденов полковник в отставке Борис Пидемский – участник боёв на Невском пятачке в составе 20-й стрелковой дивизии НКВД, военный контрразведчик, фронтовик, писатель.

*А.П. Конташов
Председатель СПб Совета ветеранов военной
контрразведки Ленинградского военного округа.*

22 июня 2011 г.

*Статья опубликована на сайте СПб УВКР
<http://uvkr.ru/boris-pidemskij>*

* * *

Копия учетной карточки из архива КГБ СССР

 СССР	
КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ -----	ОО КГБ по Ленинградской – 6-й отдельной армии ПВО
В 1960 г. Ленинградская армия ПВО была преобразована в 6-ю отдельную. В 1980 г. расформирована, в 1986 г. восстановлена. <u>Начальники:</u> ДИКАРЕВ М.Н. (... – 1957 г.), полковник; ПИДЕМСКИЙ Борис Михайлович (1957 – 1964 г.), полковник; БАРЫШЕВ Б.В. (на 1969 г.), полковник;	
 Б.М.Пидемский	 Б.В.Барышев
© Валентин Мзареулов, 2009 – 2017 Копирование материалов разрешено только по согласованию .	

Кусочек истории...

У меня в руках два уникальных документа, которые передал мне Сергей Васильевич Рац после того, как я озвучил ему идею о желании написать книгу о своём земляке Б.М. Пидемском. Это собственноручно написанные Борисом Михайловичем биографическая справка (приведена выше) и документальная повесть «Кусочек биографии» о том, как его без объяснения причин уволили из органов.

С.В. Рац – член Союза писателей России, председатель Лиги офицеров госбезопасности Северо-западного федерального округа.

С Б.М. Пидемским у него были прекрасные отношения. В одну из последних встреч Борис Михайлович и передал ему вышеупомянутые рукописи.

Когда я читал этот маленький «Кусочек биографии», у меня внутри все переворачивалось. Перед глазами очень явственно предстала картина, происходящих событий с Борисом Михайловичем: – дело в том, что на моем жизненном пути, как и в случае с Борисом Михайловичем, встречались такие же карьерные подлецы, как этот генерал Бударев.

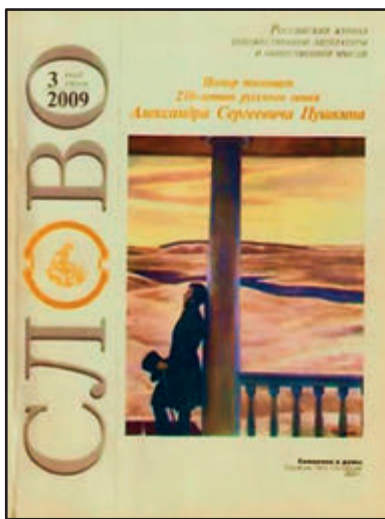
И по иронии судьбы даже инициалы у них были одинаковые. Правда, времена были другие. И, наверное, нет смысла разъяснять читателю, чем рисковал Борис Михайлович и чем, например, рисковал я от действий карьерного подлеца.

К сожалению, подлость, низость, коварство, ложь, предательство, измена были, есть и очевидно будут всегда, суть их неизменна. Но если исходят они от людей, облеченных властью, – это страшно!

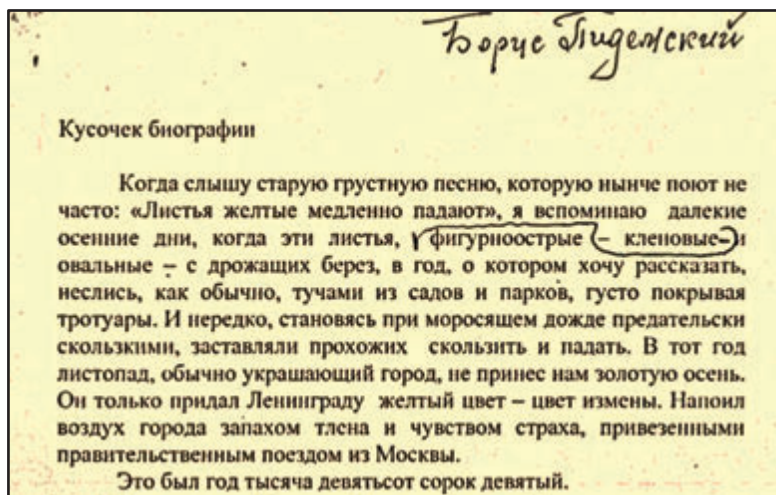
И я рассматриваю то, что написал Борис Михайлович, документальной повестью, которую назвал бы *кусочком Истории наших органов...*

* * *

Повесть – «Кусочек биографии» в сокращенном варианте была впервые опубликована в 2009 г. как очерк «Это был 1949 год...» в журнале «Слово» № 3.

Полностью повесть публикуется впервые по просьбе Бориса Михайловича, которую он изложил при передаче рукописи.

Отрывок из оригинала Повести...

Впрочем, я предлагаю читателю самому ознакомиться с рукописью Б.М. Пидемского и составить свое мнение. И да избавит Вас Господь от подлецов на Вашем жизненном пути!... .

* * *

© Пидемский Б.М.

«Кусочек биографии»

Когда слышу старую грустную песню, которую нынче поют не часто: «Листья желтые медленно падают», я вспоминаю далекие осенние дни, когда эти листья, кленово-овальные и фигурноострые – с дрожащих берез, в год, о котором хочу рассказать, неслись, как обычно, тучами из садов и парков, густо покрывая тротуары.

Ленинград, 1942 г. После ранения...

И нередко, становясь при моросящем дожде предательски скользкими, заставляли прохожих скользить и падать. В тот год листопад, обычно украшающий город, не принес нам золотую осень. Он только придал Ленинграду желтый цвет – цвет измены. Напоил воздух города запахом тлена и чувством страха, привезенными правительственным поездом из Москвы.

Это был год тысяча девятьсот сорок девятый.

Нет, город работал в обычном режиме. Продолжал, как и вся Отчизна, самоотверженно восстанавливать войной разрушенное хозяйство. (Был один из тех победных годов, что известны в истории как годы всенародного энтузиазма). И казалось бы тревожные необычностью весна и лето, когда город полнился слухами о перемещениях, исчезновении, замене десятков известных должностных лиц, многих из которых он чтит, как героев войны и блокады, не вносили общественного беспокойства. Наоборот, многие считали, что заслуги, авторитет и опыт этих лиц по достоинству ценят в столице. Авторитетнейший среди населения в блокаду и после А.А. Кузнецов – первый секретарь Обкома ВКПб, стал секретарем ЦК. Председатель Ленгорисполкома П.С. Попков – первым секретарем Обкома партии, членом президиума Верховного совета. На выдвижение в столицу ушли десятки ленинградцев. Многие заслуженные партийные, советские, научные работники были направлены на посты руководителей Обкомов, Горкомов партии и учреждений других областей, как правило, наиболее пострадавших от военных действий. Еще 22 декабря 1948 года в докладе Объединенной ленинградской областной и городской партийных конференций П.С. Попков с гордостью сказал, что за два года Ленинградская партийная организация выдвинула на руководящие посты 12 тысяч достойных работников, в том числе 800 за пределы области.

Может, это упоение трудом и пришедшая с Победой уверенность, что теперь все будет достойно, и породили на долгие месяцы спокойное отношение к происходящему в

30

непосвященных людям. А таких было большинство. Никто, в том числе и П.С. Попков, не могли даже предположить, что готовится предательский удар по Ленинграду, по его заслугам, по самым активным и ценным кадрам партийных и советских организаций, научных и учебных заведений, всех отраслей промышленности, ленинградскому военному округу, совсем недавно образованному из Ленфронта, по правоохранительным органам.

Однако провокационный удар не только созрел в верховных инстанциях, а постепенно, иезуитски, втайне уже начал осуществляться.

Карьеристские побуждения Маленкова, Бери и иже с ними, боявшихся, что, в случае кончины Сталина, к руководству страной придут вместо них ленинградцы, подтолкнули их черную совесть на кровавое преступление – клеветнический вымысел о якобы раскрытом ими заговоре в Ленинграде против ЦК ВКПб, Сталина, партийной политики. Тщательно сфальсифицировав это надуманное обвинение и используя маниакальную подозрительность вождя в отношении к Ленинграду со времен зиновьевской оппозиции, они получили санкцию на принятие решительных репрессивных мер – фактически на устранение возможных конкурентов в руководстве страной, разгром ленинградских и партийной, и советской организаций. Масштабы осуществленной расправы, названной позднее «Ленинградским делом», были беспрецедентны. Само название «Ленинградское дело», в немалой степени, ошибочно. Жертвами кровавой вакханалии стали не только люди, работавшие в Ленинграде, но и опасные для московских фальсификаторов ответственные работники, переведенные из Ленинграда в другие области.

Практическими организаторами и исполнителями ликвидации сфабрикованного «заговора», массовых незаконных репрессий стали привезенные из Москвы

Маленковым и Абакумовым³ генералы и, фактически не избранный, а назначенный первым секретарем Ленинградского обкома ВКПб В.М. Андрианов – бывший член Оргбюро ЦК, сыгравший роль не партийного руководителя, а палача великого города.

Придуманное грязное дело вели в Ленинграде московские следователи, московские прокуроры, судьи, члены пресловутых «троек». Даже охрана арестованных была из Москвы. К тому же лица, заранее предназначенные к высшей мере, не задерживались долго в питерских тюрьмах, а этапировались в столицу.

Это «дело» нанесло страшнейший урон народному хозяйству страны, послевоенному его становлению, не говоря уже о несравнимом ни с чем моральном ущербе для общества.

Достаточно напомнить только несколько актов кровавого произвола.

Были арестованы без всякой вины и расстреляны талантливые руководители: член политбюро ЦК ВКПб, председатель Совета министров и Госплана СССР академик Н.А. Вознесенский, его брат Министр просвещения РСФСР (бывший ректор ЛГУ) А.А. Вознесенский, их сестра – первый секретарь Куйбышевского РК ВКПб Ленинграда М.А. Вознесенская. Были репрессированы до двадцати членов их семей в разных городах, а также уже упомянутый секретарь ЦК ВКПб А.А. Кузнецов; председатель правительства РСФСР, кандидат в члены ЦК ВКПб М.И. Родионов и его первый заместитель М.В. Басов; первый секретарь Ленинградского обкома, кандидат в члены ЦК ВКПб П.С. Попков и секретарь Обкома Г.Ф. Бадаев; первый секретарь Ленинградского Горкома ВКПб Я.Ф. Капустин и секретарь Горкома П.И. Левин; председатель Исполкома Леиоблсовета И.С. Харитонов, председатель Исполкома

³ Современная оценка некоторых историков роли В.С. Абакумова в Ленинградском деле не совпадает с позицией автора, т.е. Б.М. Пидемского.

Ленгорсовета П.Г. Лазутин и секретарь Ленгорсовета А.А. Бубнов; секретарь Ленинградского ОК и ГК ВЛКСМ, только что избранный секретарем ЦК комсомола В.Н. Иванов; редактор газеты «На страже Родины» М.И. Гордон.

Кровавая волна, прокатившаяся из Ленинграда, захлестнула все области, где были выдвиженцы из города-героя, где чувствовался «ленинградский дух». Были расстреляны или замучены на допросах секретари Обкомов ВКПб: Мурманской области – А.Д. Вербицкий, Саратовской – Н.Г. Талюша, Эстонской ССР – Я.М. Лукас; председатель Новгородского Облисполкома М.И. Сафонов. Приговорены к десяткам лет заключения руководители Обкомов и Горкомов партии в Петрозаводске, Новгороде, Пскове, Ярославле, Рязани, Севастополе, Горьком. Первый секретарь Крымского Обкома ВКПб Н.В. Соловьев, бывший член Военного Совета Ленинградского фронта по тылу – организатор легендарной «Дороги жизни», не дожил до суда. Он был растоптан сапогами лефортовских тюремщиков-костоломов во время допроса в присутствии Маленкова и Берии.

Абакумовско-андриановская адская кухня под руководством этих выроdkов, как стало известно через многие годы, с февраля 1949 до конца 1952 года переварила в своих котлах массу деятельнейших честнейших сыновей и дочерей Ленинграда, в основном, переживших блокаду, помогавших выстоять городу в железном кольце. Этой банде инсинуаторов явно требовалось принизить, подавить гордость ленинградцев мужеством и победой в войне, поскольку одним из основных обвинений было измышление, что ленинградцы, якобы, умышленно преуменьшают помощь в обороне городу со стороны «Большой земли» и лично «Великого Сталина», собираются учредить Ленинград как столицу России.

Те люди из питерского актива, на которых не удалось собрать даже толику компромата типа «измены Родине» или связей с «антипартийной группой», как именовалась уже группа первых расстрелянных – Кузнецова, Вознесенского,

Попкова и Родионова, или же те, в отношении кого не смогли получить доносов, хотя бы о каких-либо злоупотреблениях, чтобы использовать кляузы для ареста, подвергались другим репрессиям.

Тысячи одаренных умом, верных народу и отечеству патриотов, были оклеветаны, ошельмованы, сняты с работы, лишены наград, сосланы (путем перевода на другую работу) в отдаленные районы Союза. Руководство всех отраслей жизнедеятельности города было, по сути, разгромлено. Андриановская партколлегия, по данным ленинградского партархива, исключила из партии 95 человек только из числа руководящих работников, более ста членам партии из руководящего звена объявила взыскания. Кроме семи бывших основных руководителей Обкома и Горкома ВКПб, исключили из партии 19 секретарей райкомов (по сути, во всех районах города), шесть председателей райисполкомов. Только за один день 15 августа 1952 года, уже на закате жуткой компании, были арестованы и преданы суду до 50-ти человек, работавших во время блокады и после войны секретарями райкомов и председателями райисполкомов. Это не считая работавших уже вне Ленинграда. За период «Ленинградского дела» были исключены из партии 20 директоров предприятий, десять руководителей ВУЗов. Только с июня 1950 года по июнь 1952 года сняли с работы 18 ректоров и 29 заведующих кафедрами социально-экономических наук высших учебных заведений. Из одного лишь Ленинградского государственного университета, возглавлявшегося в свое время А.А. Вознесенским, уволили около 300 человек. Каждого седьмого профессора, доцента, ассистента, преподавателя. Десятки из них были исключены из партии, арестованы, расстреляны.

Репрессиям подверглись не только люди.

Был уничтожен созданный горожанами и фронтовиками прекрасный Музей обороны Ленинграда, руководители же музея арестованы. По указанию Андрианова и компании из библиотек, книготорговой сети, книжных складов и

типографий были изъяты все книги, брошюры, журналы, газеты, а из фильмотек – документальные фильмы, в которых упоминались фамилии или печатались портреты кого-либо из репрессированных руководителей обороны, участников войны.

Большинство уникальных экспонатов музея, кинодокументов, литературы сжигались в траншеях за городом, как во времена инквизиции или германского фашизма. Да, собственно, иначе как инквизицией эту обстановку и не назвать, когда в переполненные тюрьмы гнали (пусть на машинах) десятки, сотни людей, а пламя костров, задымляя небо, сжигало книги – документы истории. И только желтые листья осени и зимняя вьюга были свидетелями позорища.

Маленковско-абакумовско-андриановская метла прошла и по кабинетам ленинградского «Большого дома», как в народе называли Управление МГБ. За несколько месяцев до начала кровавой массовой вакханалии был арестован и расстрелян в Москве переведенный за год до этого в МГБ СССР «на повышение» начальник Ленинградского управления П.Н. Кубаткин. Генерал, почти весь период войны и блокады обеспечивавший госбезопасность в нашем городе, был репрессирован, как и другие, за причастность к придуманной Маленковым «антипартийной группе». Во всех отделах, отделениях, службах, как стало известно, под видом проверки качества партийной работы, укрепления партдисциплины, начались целенаправленные проработки офицеров-сотрудников на собраниях, совещаниях, вызовы на парткомиссию. Затем – увольнения, переводы по службе, взыскания даже за личное знакомство с кем-то из репрессированных партийных работников. Постепенно, без лишнего шума и, упаси бог, прессы или радио. К примеру, заместителя начальника отдела УМГБ Цуцаева уволили из органов в связи с тем, что одновременно учился в институте с кем-то из родственников Попкова. Секретаря Комитета комсомола Управления

«затаскали» по андриановским комиссиям за то, что поздравил с Днем рождения личной телеграммой приятеля – одного из бывших секретарей Горкома ВЛКСМ. Когда же в городе начались массовые репрессии, из управления МГБ разогнали сотрудников, начиная со старшего оперуполномоченного и выше по должности.

Расправившись с руководством партийных и советских органов города, шайка кремлевско-лубянских заправил взялась за Ленинградский военный округ.

На смену маленковско-абакумовской следственной группе МГБ прибыла комиссия Главного Политического Управления Советской Армии и Военно-морского флота во главе с начальником Главпура. Её появление было выдано за плановую проверку качества партийно-политической работы в штабе и войсках округа, но имело ту же репрессивную цель. Однако здесь, доселе купавшаяся в крови, маленковская колесница стала неожиданно вылетать из наезженной колеи. В штабе, Политуправлении и в войсках не нашлось доносчиков, клеветников на командование, чем обычно в других местах пользовались организаторы репрессий для фабрикации обвинительных актов.

Начальник Управления военной контрразведки ЛенВО генерал А.С. Быстров тоже не дал, несмотря на нажим, компрометирующих материалов на командующего, его заместителей, члена Военного Совета, начальника штаба. Его обвиняли в укрывательстве (как сказали бы сейчас «крышевании»), грозили санкциями, если хоть что-либо не даст негативного на лидеров округа. Не дал ничего. Расплату за честное поведение он вскоре почувствовал.

В результате проверки Округа, столичное военное руководство на основании доклада комиссии было вынуждено ограничиться снятием с должности, «для пользы службе», командующего войсками ЛенВО генерал-полковника Д.Н. Гусева – в войну начальника штаба фронта, кавалера высших наград страны, в том числе 4-х орденов Ленина, орденов Суворова, Кутузова и многих других.

Переводом (фактически ссылкой) его на должность командующего Восточно-Сибирским, затем Забайкальским Округами. Освобождением от должности члена Военного Совета генерал-лейтенанта В.Н. Богаткина, разгоном ряда руководящих командиров и политработников по внутренним округам.

И здесь я должен остановить разбег авторучки и извиниться перед читателем: все, что было до сих пор мной написано, хоть и правдиво, но основано на выписках из документов Ленинградского партийного архива, архива МК и МГК КПСС, КПК и НМЛ при ЦК КПСС, а также рассказах очевидцев, участников и отдельных жертв происходившего и стало известно в таком объеме через много лет после чудовищной осени⁴. (Для точности добавлю, что фабрикация «Ленинградского дела» в Кремле началась даже не осенью, а в феврале 1949 года, через полгода после смерти Жданова).

Я же, оставляя написанное как преамбулу, хочу рассказать лишь о том, что видел, знал и испытал в те годы сам. Представить маленький *кусочек своей биографии* на общем фоне творившегося тогда в стране и в моем Ленинграде, в боях за который не раз довелось участвовать в дни его обороны и блокады.

Возможно, этот кусочек жизни, на фоне сказанного, покажется кому-то незначительным. А может, наоборот, кое-кому поможет понять, как вершились судьбы рядовых, ни к чему негативному не причастных офицеров военной контрразведки, в коей имел честь тогда служить. Поможет понять обстановку тех дней в Ленинградских органах госбезопасности. Ибо до сих пор они, иногда, в ряде средств массовой информации, в силу должно быть недостаточной компетенции, обвиняются как участники или соучастники преступного дела.

⁴ Архивные сведения взяты из сборника Института Истории партии Ленинградского Обкома КПСС «Ленинградское дело». Составители В.И. Демидов, В.А. Кутузов. – Л.: Лениздат, 1990

Офицеры контрразведки Военного округа (Особых отделов), не так давно переподчиненной Министру госбезопасности из Министерства Вооруженных сил, не могли и не имели полномочий активно вникать в происходившее в городе, питаясь отрывочными сведениями. Конспирация в работе органов настолько, по закону, была строга, что даже сотрудник, работавший за соседним столом, не имел права знать, что делает или получает от агентуры его сосед – товарищ по комнате и отделению, если они не выполняли одно и то же задание или работали по разным делам. Начальник отделения не мог и не должен был знать о том, чем занят коллега – начальник другого подразделения. Эта вертикаль информированности – начальник (зам. начальника) отделения – начальник отдела (его заместитель) – строго соблюдалась, была общепринятой. Никаких рассказов о служебных делах, кроме как начальнику. Другое дело, если передача каких-то оперативных данных получала санкцию или несколько сотрудников участвовали в одном и том же деле. А в период явной провокации центра, о которой никто не информировался, конспирация соблюдалась особенно строго.

До меня, работавшего тогда исполняющим обязанности начальника отделения в контрразведке Ленинградского военного округа, доходили лишь слухи о том, что, кроме скупой объявленной в прессе, без указания конкретных причин, замене партийных руководителей областного, городского масштаба, заменяют также некоторых секретарей районных комитетов. Но не было известно, что большинство их арестованы и находятся, в основном, до отправки в Москву или до окончания следствия во внутренней тюрьме «Большого дома». По сути дела, в сотне шагов от наших комнат. Единственно, что мы знали тогда (видели лично), как для какой-то, прибывшей из столицы, следственной группы в коридоре, из которого был вход в здание тюрьмы, для следователей и подследственных, за сутки, отгородили

стеной десять или пятнадцать комнат, выдворив оттуда работников Ленинградского Управления.

Ни о массовости арестов, расстрелов, ссылок, ни о том, что кого-то из руководителей в городе арестовали и судили, нашим сотрудникам (думаю, что и руководителям контрразведки) известно не было. Знали только, что продолжаются, режиссируемые сверху, партийные собрания с обязательным «Одобрям'с» решениям ЦК об «антипартийной группе», сути которой толком не ведали, да еще с критикой поведения руководителей учреждений и других коммунистов. Доходило иногда до грустных анекдотов.

Одного из инструкторов Райкома партии «строгали» за то, что кто-то нашел у него частушку:

*«Мы в Октябрьские плясали
Туфли развалилися
Секретарши хохотали
Чуть не отелилися».*

Здесь узрели и дискредитацию Великого праздника, и насмешку над качеством советской обуви, и аморальное отношение к коллегам – женщинам.

Я пишу «кто-то нашел», а значит «кто-то» искал и подслушал этот опус для критики. Эти «кто-то», как выяснилось, и провоцировали парткарателей, как по конвейеру передавая критические замечания, или доносы: одни – на парткомиссию, другие – группе МГБ СССР.

Нашелся провокатор и у нас в Управлении военной контрразведки ЛенВО – заместитель начальника отдела кадров подполковник «К.», метивший на повышение по службе. Из карьеристских побуждений он добился приема у Андрианова и оклеветал начальника Управления А.С. Быстрова, характеризуя его как человека близкого к бывшему руководству Ленинградом и областью, алкоголика, собутыльника подчиненных, хама в обращении с неугодными ему людьми.

Андрианов, запомнивший, что Быстров отказался представить какие-либо материалы, компрометирующие командование Округом, дал указание подготовить разгромное партийное собрание в Управлении военной контрразведки, не считая нужным согласовать это решение с новым руководством Политуправления военным округом и секретарем нашего парткома.

Секретарь парткома П. Спиридонов, получив информацию от «К.» об указании Андрианова, пытался было протестовать. Но где тут! Воля первого секретаря Обкома, назначенного только что для наведения порядка, была непререкаема. Через несколько дней открытое партийное собрание организации Управления контрразведки, подготовленное не парткомом, а самолично «К.», объявившим себя представителем, уполномоченным Андриановым, состоялось.

Зал Управления был полон. Не помню, какая и кем была объявлена повестка дня собрания, но должно быть, как персональное дело начальника Управления, поскольку «К.» попросил генерала подняться на сцену, но сесть не в президиум, где находились все члены парткома, а где-то сбоку, в заранее подготовленное кресло.

Начались выступления, как помню, со лживой информации «К.» о якобы выявленном новом составом Областного комитета партии, моральном разложении генерала А.С. Быстрова, в связи с чем он – «К.» и «был приглашен» к Андрианову.

Это «разложение», в основном, сводилось к якобы частому употреблению спиртных напитков, совместным пьянкам с подчиненными, а так же к грубости по отношению к провинившимся сотрудникам. Все это в выступлении перемежалось ссылками на требование Андрианова разоблачать «последышей» ликвидированной ЦК ВКПб «антипартийной группы».

После «информации» «К.» выступили несколько его приспешников, явно подготовленных заранее. Все их «обвинения» сводились к тому же. Вспоминали, как генерал

покрыл их матом при разборе проваленной ими операции, как пил с ними водку на рыбалке, как «несправедливо» объявил кому-то выговор за расшифрованного агента...

Я слушал эти заученные, в каком-то полу-товарищеском тоне вяло излагаемые факты, и глядел на Александра Семеновича. Генерал сидел спокойно, молча, повесив свою тяжелую гладко выбритую голову и, вроде, рассматривал носки сапог. Казалось, он ничего не слышит, погрузившись целиком в свои нелегкие мысли. Только его короткая жилистая шея то бледнела, то на глазах наливалась кровью. Ему-то, единственному из всех находившихся в зале, уже было известно, чем тогда кончались импровизированные собрания-спектакли и «партийно-товарищеская» критика.

Слушать эти мелкие выпады против заслуженного человека, обеспечившего самоотверженной организаторской работой безопасность в войсках фронта на протяжении всех лет войны, авторитетнейшего в коллективе, было стыдно. Стыдно за выступающих и за себя – члена партбюро.

И я не выдержал – выступил. Выступил вразрез с выступлениями, подготовленными клеветниками. Помню, как в запале начал с того, что меня никто не обвинит в подхалимаже. Что я «не лизал голенища сапог» ни ранее Куприну или Сидневу, ни их заместителям, ни Быстрову, ни Лоркишу⁵ И это все знают. Но что мне непонятно, во-первых, почему сегодняшние «обличители» генерала все годы, когда он, по их словам, «разлагался» и разлагал подчиненных «совместной пьянкой», молчали, хотя партийных собраний за это время прошли десятки. Не заходили и в партбюро. Во-вторых, можно ли считать моральным разложением совместный воскресный выезд начальников и подчиненных, не занятых работой, на рыбалку или по грибы и «распитие» там за завтраком по сто – сто пятьдесят «фронтовых». Пусть выступят и скажут кто и где пил меньше? Не коллективный

⁵ Бывшие начальники управления и их заместители.

ли это отдых на природе, общепринятый и не разлагающий, а сплывающий коллектив.

Грубость коммуниста Быстрова – дело другое. Она требует партийного осуждения и исправления. Но почему никто раньше – тот же Павел Иванович К. – работник кадров или наш парторг Спиридонов – ему по партийному не подсказали, что негоже генералу промахи в работе подчиненных разъяснять матом. Кстати, распинавшийся по этому поводу Павел Иванович, сам не святой по части матерщины, и об этом знали все. И что проработку начальника сегодня устроили, по моему мнению, только потому, что в данное время это стало модным для тех «кто вполне не уразумел политику Партии».

А затем я задал вопрос, почему товарищи, выступая, забыли, что под руководством морально «разложившегося» начальника, «разложившийся» или «разлагающийся» коллектив заставил фельдмаршала Кейтеля признать: «Мы ни разу из-под Петербурга не получили разведданных, которые бы оказали серьезное воздействие на развитие военных событий», а немецкий генерал-полковник Йодль на допросе признал: «В нашей (т.е. германской – Б.П.) разведке были крупные провалы... Основную массу разведданных в ходе войны (до 90%) составляли материалы радиоразведки и опросы военнопленных». Это он говорил о Ленинградском фронте и Северо- Западе. А где были тысячи немецких агентов? Да в наших лагерях, в нашей русской земле и в их абверовских разведшколах, куда наше Управление их внедрило. Это лучшие из оценок «разложившемся» начальнику нашей контрразведки.

Не скажу, что слова были именно эти, но память сохранила весь смысл того, что удалось произнести.

Вопреки ожиданиям «К.» и К°, зал ответил аплодисментами. Коммунисты начали выступать с осуждением «партспектакля», специально устроенного для компрометации руководства. Соответствующим этим настроениям оказалось и постановление.

Запомнился еще один эпизод, который не могу не привести.

После описанного собрания и решения судьбы Быстрова, о чем несколько ниже, произошла в коллективе встреча «К.» и приехавшего из Москвы, уже давно работавшего в МВД, подполковника В.В. Герасимова – нашего бывшего сотрудника, когда-то тащившего меня, раненого, по нейтралке к своим, после переброски агента в тыл врага. «К.» помчался к нему на встречу, протягивая руку, чтобы поздороваться. Герасимов, демонстративно спрятав обе ладони за спину, резко произнес при всем честном народе: «До сих пор я подавал руку только людям порядочным» и отошел от Павла Ивановича. Рука последнего повисла в воздухе.

В конце октября 1949 года, после того, как в столицу отбыли группы и комиссии, «проверявшие» организации города, УМГБ и Военный округ, к нам заявила комиссия 3-го Главного управления МГБ СССР (военная контрразведка) во главе с зам. начальника генералом Бударевым – то ли ее вызвал Андрианов, то ли маленковцы-абакумовцы вспомнили о нашем нетронутом Управлении, автономном по отношению к УМГБ.

Бударев начал «проверку» работы Управления не с беседы с его руководителем, а, заняв кабинет одного из замов, с ночных вызовов контрразведчиков для конфиденциальных разговоров о политико-моральном облике руководства.

В час ночи одного из рабочих дней был вызван и я. Генерал, в расстегнутой, не подпоясанной гимнастерке (ремень брошен на спинку стула), не подавая руки, не здороваясь, глухим надтреснутым голосом предложил: «Садитесь, майор».

И, прочитав какую-то бумажку, лежавшую на столе, без всяких предисловий, перешел к делу:

– Что Вы можете сказать о порочном стиле работы и поведения начальника вашего Управления и его морально-политическом облике?

– Ничего, товарищ генерал, – спокойно, но с какой-то дрожью в груди, ответил я. – Не знаю ничего порочащего. Да и по должности и.о. начальника отделения, общаться непосредственно с генералом приходится редко.

– Ну, а начальник вашего Отдела, кажется Жутяев? Он чем «прославился» в коллективе?

Помню, на это саркастическое «прославился» ответил, как бы ни замечая злой иронии:

– Только самоотдачей в работе и уважением в Управлении.

Бударев вспыхнул. Хлопнув ладонью по столу, вышел из-за него, отчего гимнастерка вздернулась, как тряпка на ветру. Прошагал к окну.

– Вы что, ребенок? Не понимаете, что я спрашиваю о его безобразиях, а не об «уважениях»?!

– Таковых не знаю, товарищ генерал, – собрав себя в кулак, ответил я.

– Что Вы обслуживаете, майор? Ваше отделение?

– Штаб округа и приданные ему Управления.

– В том числе и Управление Военторга? – с каким-то нажимом на последнее слово рявкнул Бударев и снова сел.

– Да, и его тоже, – ответил я.

– Так, так, – с какой-то ноткой угрозы произнес генерал, – значит и Военторг?! А скажите, откуда у жены Жутяева появилась заячья шуба?

Следует сказать, что в трудные послевоенные годы, все дефицитные промтовары, в том числе и дешевое платье, продавалось по ордерам, выдаваемым на предприятиях, в организациях, в воинских частях.

– Должно быть, товарищ генерал, подполковник Жутяев получил ордер на ее покупку.

– А вы такой ордер получили? Нет?... Почему же Ваш начальник его получил?... А откуда, скажите, у него появились новые наручные часы? – снова, с язвительной улыбкой, спросил генерал.

– Видимо, тоже по ордеру! – уже более резко ответил я, почувствовав, что постепенно начинаю выходить из себя.

Какое право имеет этот распоясавшийся вояка в чем-то подозревать Георгия Жутяева? Честнейшего и скромнейшего из наших сотрудников?

Сразу вспомнился один эпизод поведения Георгия Никитича.

Зимой сорок второго года, мне, после ранения, довелось быть его заместителем в отделении, оперативно обеспечивавшем тыл Ленфронта. Однажды, в кабинете комиссара Военно-санитарного управления Шелемехи, со мной случился голодный обморок и меня, с диагнозом дистрофия, отвезли в стационар. Дивизионный комиссар, перед отправкой, заперев мой партийный билет в свой сейф, вынул из стола и сунул мне в карман маленький сверточек из газеты, в котором оказался, по тем временам, драгоценный подарок – пятнадцать-двадцать клецок (сухих кусочков теста, которыми хозяйки обычно заправляли суп). Полковник Шелемеха получил их в личной посылке с «Большой земли». Сберег я эти клецки до выписки из госпиталя и положил в рабочий стол в кабинете, где мы работали вдвоем с Жутяевым, предварительно двумя-тремя угостив его. Недели через две почувствовал, что Георгий что-то переживает, чем-то здорово обеспокоен, что-то, вроде бы, хочет сказать и не решается. Спрашиваю: «Что с тобой?» Молчит, или: «Да, ничего. Так».

Наконец, ночью, когда мы между столами ложились спать, он каким-то хриловатым голосом заговорил:

– Борис, прости меня, ради Бога, но я съел у тебя из газеты несколько шариков. Не мог удержаться. Сосало под ложечкой, а тебя не было. Не хочу быть вором.

А я эти клецки, конечно, не считал и не знал бы об этом. Вот какой был подполковник Жутяев. А тут...

– Честный человек подполковник Жутяев! – резко вырвалось у меня.

Наступила напряженная пауза. Минутная тишина, что бывает обычно предгрозем. Бударев молча зло смотрел мне в глаза. Я старался свои не прятать.

– Ну, а ваши тыловые начальники, то есть в Округе, интендантки! Тоже, видимо, святые, беспорочные? Не воруют, не расхищают, не ублажают своих дам за государственный счет, а? – голос Бударева все больше наполнялся презрительным тоном, насмешкой, раздражением, – Не делятся, конечно, стесняются поделиться, ни с Вами, ни с Вашими начальниками?

– Да, я не знаю такого случая ни в отношении себя, ни в отношении моих начальников. Конечно и в штабе, и в войсках агентурой, попутно с выполнением наших заданий, выявлялись и такие случаи. Но, по нашей информации, командующим и прокурором немедленно принимались меры.

– Врете, майор! – снова хлопнув по столу, крикнул Бударев, нервным движением застегивая пуговицу гимнастерки. – Не может такого быть! «Немедленно...», «отдельные случаи»... А я скажу, что Быстров и Вы покрываете командующего, потому что он командующий. Или, чего не может быть, ни черта не видите! Ваша агентура ни черта не видит! Не хотите работать!

При всем старании, я не выдержал, вскочил со стула:

– Товарищ, генерал! Я не знаю, кто Вас информировал, но эти обвинения оскорбительны. Разрешите напомнить, что даже в войну мы не подлаживались к начальству, не покрывали. Генерал Хозин был отстранен от командования фронтом по-нашему, вернее, генерала Быстрова, спецсообщению, что командующий увлекся коньячными и дамскими делами в Волховской группе войск, упуская руководство войсками фронта.

– Садись! – махнул рукой генерал, – хрен с ним, с командующим. Там другие проверяют. Но почему Вы укрываете своих? Часики, шубки, ордера – все по закону? Ну, ладно, Жутяев. А что Вы скажете о подполковнике Можегове?

– уже как-то вкрадчиво-иронически спросил Бударев. – Ведь, кажется, Вы недавно были под его началом?

– Да, я был в пятом отделении. А сказать могу лишь то, что работник хороший, как и семья. У него ведь семеро детей.

– Сколько, сколько? – с какой-то скользкой улыбкой и явным удивлением спросил генерал.

– Семеро! – повторил я.

– Ну и настрогал! – цинично возопил Бударев и снова, видимо уже по привычке, хлопнул ладонью по столу, – Хороший работник! Да когда ему, заслуженному е...рю работать то было? Паечки, пеленочки, сосочки, пустышечки. Ну и кадры! И Вы скажете, что он тоже не ворует?

– Нет, не ворует, товарищ генерал, Если так судить, то, простите меня, все матери-героини воровки.

– Слушайте, майор! Не забывайте, с кем изволите разговаривать! Вижу, что Вы ничего не понимаете. Все Вам кажутся ангелочками в погонах. А в Управлении бардак, не работа. Вот что – идите и подумайте, майор. Хорошо подумайте! Даю Вам сутки на то, чтобы вспомнить все, что Вам известно о Вашем начальстве. И запомните: людей без изъянов не бывает. Их надо знать и выкорчевывать!

Действительно, следующей ночью снова вызвали к Будареву.

Разговор был короткий. Даже без предложения или команды сесть.

– Ну, так что же Вы вспомнили, майор, нехорошего? Хорошее мы сами все знаем. Отрешились, наконец, от Ваших идеальных оценок?

– Мне нечего было вспоминать, товарищ генерал, – подчеркнуто спокойно ответил я ему. – Я говорил Вам правду.

– Ну, что же, «правдолюб», идите, – вначале в совершенно спокойном тоне заявил генерал, – но помните, контрразведка – это анализ. Глубокий анализ. А Вы и черта в поповской рясе не обнаружите. Пожалеете, майор. – И вдруг:

– Идите! – с угрозой в голосе, на полукрике.

Я повернулся, ушел к себе. Мои сотрудники уже разошлись по домам. Час тридцать ночи.

Надев шинель, я вышел из подъезда на улицу Воинова (ныне Шпалерная). Дошел до Невы. Меня лихорадило. Увы, не от октябрьской прохлады, а, как писал Маяковский, «у нервов уже подкашивались ноги». Ветер с освещенной набережной, из-под арок, с дворовых скверов нес листья, забивавшиеся за воротник, задевавшие щеки поцелуем лягушки. Противно, муторно на душе.

Комиссия, «понавызывав» таким образом ряд сотрудников и пробыв в Управлении 3–4 дня, уехала без какого-либо итогового «разбора» или гласной информации. А через несколько дней стало известно, что, без всяких вызовов в Москву, генерал-лейтенант Быстров отстранен от занимаемой должности.

Несколько руководящих работников аппарата Управления и подчиненных ему отделов сняты с работы, уволены или переведены, как правило, в отдаленные округа. К примеру, исключен из партии и уволен из органов один из начальников подразделения отдела контрразведки Военно-морской базы М.С. Харитонов – брат расстрелянного председателя исполкома ЛЕНОБЛСОВЕТА. Исключен и уволен после того, как сам рапортом по команде доложил об аресте брата и что личную связь с ним поддерживал вплоть до ареста.

Один из опытных руководителей 2-го отдела Управления, занимавшийся всю войну успешной зафронтовой работой, Н. Ковалдин был отправлен в г. Читу. Подполковник, работа которого шла годами на предельном напряжении, не выдержал незаслуженной ссылки и в Чите застрелился.

5 ноября 1949 года был приглашен в Отдел кадров и я. Подполковник «К.» с явно деланным огорченным видом тихо сказал, барабанив нервно пальцами по столу:

– Здравствуй, Борис. Неприятное сообщение...– и подал мне телеграмму Главка: «И.О. начальника отделения УКР

ЛенВО майор Пидемский Борис Михайлович уволен из органов Госбезопасности за невозможностью дальнейшего использования, с постановкой на общевоинский учет. Бударев. Приказ № 273».

Что значит «за невозможностью дальнейшего использования»? – спросил я. – Только что, в октябре, мне вручили еще одну правительственную награду – медаль «За боевые заслуги». Две недели назад повысили в должности, в чем «невозможность использования»? Павел Иванович, что же мне делать?

– Сдавайте оружие и документы. Идите в военкомат района, вставайте на учет. А потом у Вас немало знакомых и в Штабе Округа. Неужели не найдут работы? А что от нас зависит, что можно из Вашего личного дела, мы туда перешлем. Если хотите, можем выдать на руки и характеристики, так сказать, для помощи при устройстве. Положенное выходное пособие тоже сегодня получите. Да, не печальтесь. С наступающим праздником!

Форточка окна кабинета, будто не выдержав этого издевательского поздравления, громко захлопнулась, как бы ставя точку в разговоре.

Получил выходное. Меньше оклада содержания за месяц. Сдал документы, табельный пистолет «ТТ» и маузер, хранимый, как память о фронтовых днях.... Куда идти? Кого просить об устройстве на работу? Пенсии не будет. Трудовой стаж лишь двенадцать лет. Дома жена, не имеющая профессии, поскольку ушла на фронт с первого курса Горного института, а после войны продолжить учебу не позволили дети. Их у меня трое. От пяти лет до шести месяцев.

На иждивении и старуха-мать с пенсией сельской акушерки, на которую не проживешь. Никаких накоплений, никаких «могущественных» связей – поскольку дни, ночи, годы отдавал работе. С семьей удавалось быть только в выходные, да и то если позволяла «оперативная обстановка».

Сейчас это многим может быть непонятно, но контрразведчики узаконено имели тринадцатичасовой

рабочий день (начальники же, начиная с начальника отделения, несколько больше). Работа начиналась с 9 часов утра. С семнадцати до двадцати – перерыв на обед и сон. С двадцати до часу-двух ночи снова работа. Анализ информации, отработка по ней решений, доклады начальству, разработка планов операций, срочные оперативные совещания. И так, кроме ежегодного, обычного отпуска, все двадцать пять – тридцать лет напряженной службы на безопасность Советской Армии, Отечества. Если, как в данном случае, не уволят раньше.

Подумав, решил обратиться к начальнику разведотдела Штаба Округа полковнику Алексееву, только что сменившему генерала Евстигнеева. Как тот, так и другой – ветераны Ленфронта, хорошо мне знакомы. А в последнее время, как и прочие Управления и Отделы штаба, разведотдел был в моем, как у нас выражались, оперативном обслуживании.

Еду на набережную Невы, где располагался разведотдел. По пропуску штаба Лен. Воен. Округа, который, как и удостоверение офицера Управления контрразведки, пока не сдал, прохожу к начальнику отдела.

Полковник Алексеев встречает, как всегда радушно. Выходит из-за стола, обнимает за плечи.

Всегда подкупали в нем прямота, безыскусственность выражения чувств, искренняя расположенность к людям, соответствовавшие его внешнему виду. Какая-то особая стать, открытость в умных темно-серых глазах, красивое мужественное лицо, привлекавшее необычно правильными пропорциями. Подчеркнутая аккуратность в прическе, в ношении формы. Мне в нем, как в человеке и офицере, нравилось все. Даже то, что вопреки Положению, он свой первый орден «Красной Звезды» носил не на правой стороне груди, а слева, над сердцем.

– Садись, Борис Михайлович. Чем порадуешь?

– Не пораду, огорчу, Василий Ефимович, – отвечаю ему.

По мере рассказа о моем увольнении лицо Алексеева мрачнеет. Он нервно погружает свои тонкие длинные пальцы

в темные волосы. Между его черных густых бровей прорезается глубокая складка.

– Что же это такое делается-то? – вырывается у него. – То у нас в штабе шуровали, то уже и разведчики в чем-то провинились. Александр Семенович-то на месте? (Это он о Быстрове).

– Нет, Василий Ефимович. Сняли. Готовит к сдаче дела.

Полковник долго молчал, продолжая беспокоить волосы.

– Ну а ко мне, зачем пришел? Хотя уже, пожалуй, догадываюсь.

– Василий Ефимович, ведь я разведчик. Кроме разведки, никакого опыта. Возьмите к себе. По работе не пожалеете...

– Да, знаю, – перебивает полковник, – но у меня ничего равноценного-то нет. И начальники отделений и заместители – все на месте, – и секунду подумав, – а на старшего офицера пойдешь? Нету больше ничего.

Я обрадовано согласился.

– Тогда неси из своего заведения допуск к сов. секретной работе. То, что до сих пор ты мне и сам подписывал. Думаю, тут задержки не будет. И все в порядке. Выходи на работу.

Окрыленный, мчусь на Литейный. Иду к своему бывшему начальнику отдела Белоусову.

– Товарищ подполковник, меня берет к себе на работу в разведотдел полковник Алексеев. У него есть должность старшего офицера. Подпишите, пожалуйста, допуск.

У меня даже в мыслях не было, что у меня, независимо от увольнения, могут быть осложнения с допуском к секретной работе. Ведь, действительно, только что сам их подписывал и выдавал на офицеров штаба.

– Нет, Пидемский, не обижайся, не могу.

– Почему?

– Ну, во-первых, потому, что не знаю, за что Вас уволили, а сам Вас знаю две-три недели (Белоусов был действительно назначен недавно).

– А во-вторых? – начал закипать я.

– А во-вторых, почему-то тебя уволили не как всех наших, то есть на спецучет органов, а в военкомат, на общевойсковой учет. Откуда я знаю почему? У нас уже прибыл новый начальник Управления – генерал Ивашутин. Идите к нему. Если он разрешит, кто-то допуск подпишет. Не обижайся, Борис Михайлович, не могу.

Узнаю, что генерал Ивашутин уже занял кабинет начальника Управления, а освобожденный от должности Александр Семенович Быстров готовит дела в кабинете заместителя.

Иду в приемную. Офицер для поручений начальника Управления, слава Богу, не сменившийся, капитан Игорь Чистяков, с которым мы были давно дружны, в задумчивости стоял у окна. Рассказываю ему о приеме у Алексеева и Белоусова.

Высоченный, под два метра с лишним, и сухой как вобла, блондин, Игорь матерится по адресу моего бывшего шефа. Пропускает меня в кабинет начальника Управления:

– Иди, иди, пока он один. И, вроде, человек вполне порядочный.

Как никогда было нелегко открывать тяжелую дубовую дверь с тамбуром, весомость которой раньше не замечал. Попросил разрешения войти, обратиться. Остановился шагах в трех от двери.

За столом сидел широкоплечий, плотно сложенный, круглолицый генерал, в застегнутом наглухо кителе и, как вначале показалось, с довольно жестким выражением лица.

– Здравствуйте. Слушаю Вас, майор, – как-то мягко, не соответствуя своей фигуре, произнес генерал.

Я, стараясь как можно короче, доложил о своем непонятном увольнении, представившейся возможности прохождения службы в округе, о непонятном мне отказе Белоусова без санкции начальника Управления выдать допуск.

Внимательно, не перебивая и не задавая вопросов, Ивашутин тем же мягким, располагающим к нему тоном, ответил:

– Товарищ майор, я еще не принял дела и вникать в какие-то истории с увольнениями не готов. Александр Семенович еще здесь. И не сдал дела. Прошу все это доложить ему и пусть он решит. Я отнюдь не против. Ему же видней.

Иду к Быстрову. Вижу за столом утомленного, бледного человека, нервно перебирающего бумаги. Приветливо, с горечью встречает:

– Здравствуй, Пидемский! Заслужили мы с тобой добавку к орденам и званиям.

Подает руку. Понимаю – не случайно упоминает ордена. У него их шесть. Да каких! Орден Ленина, три «Боевого Красного Знамени», «Красной Звезды», даже орден Суворова. И заслуженных.

– Ну, садись! Что еще случилось?

Докладываю о своей беде. Круглая, без единого волоска, голова генерала начинает краснеть. Первый признак предстоящего гнева. Срывает трубку телефона, нажимает кнопку начальника Первого отдела и громкой связи. Помню разговор почти дословно:

– Белоусов?!

– Так точно, товарищ генерал.

– Ты, (такую твою мать) почему не выписываешь допуск Пидемскому?

– Не могу, товарищ генерал. Я послал его к Ивашутину. Если он разрешит...

– А я посылаю тебя, дерьмо такое, к е... матери. Дожили! Вчера человек был советским разведчиком, твоим помощником, сам давал эти допуски, а сегодня что? Стал американским шпионом? Так что ли? До чего ты дошел, Белоусов!

– Не могу, товарищ генерал. Пусть разрешит Петр Иванович.

– Значит я уже для тебя не Александр Семенович, а чей-то генерал? К твоему сведению, Белоусов, я еще не оставил должность. Торопишься отмежеваться?! Немедленно дай указание выдать допуск.

– Не могу, Александр Семенович. Пусть разрешит назначенный приказом начальник. Мне нужна его подпись.

Быстров в раздражении бросил трубку, рывком вышел из-за стола, подошел, матерясь, к окну.

Учитывая его состояние, я тихо спросил:

– Александр Семенович, что же делать?

– Ты что, не видишь? Мы уже ничто, – ответил он с болью в голосе. – Иди! – и махнул рукой к двери.

Допуска к секретной работе я так и не получил.

Сдал в Отдел кадров удостоверение сотрудника Органов безопасности, а в военкомат Дзержинского района документы об увольнении с воинской службы, служебную и партийную характеристики.

Не могу здесь не привести их, поскольку даже офицер, оформлявший в военкомате личное дело «майора запаса», прочитав его, пожал плечами и спросил: «Почему же Вас уволили и к нам, а не в свой запас?». Помню до сих пор, как он спросил «Почему?», а не «За что уволили?».

Служебная характеристика

на майора Пидемского Бориса Михайловича.

За период работы в органах характеризуется, как честный и способный офицер. К исполнению служебных обязанностей относится добросовестно. Лично дисциплинирован и требователен. В работе инициативен. Политически развит. Над повышением своего идейно-политического уровня работает.

В политической жизни участие принимает. Морально устойчив.

Зам. начальника отдела кадров контрразведки ЛенВО

подполковник

(подпись)

27 октября 1949 г.

Что, кроме этих девяти строчек, мог написать подполковник, который всего месяц-два назад подписывал и представлял меня к правительственной награде, визировал приказ о моем выдвижении по службе.

Партийная характеристика, коей тогда придавалось значение более чем какой-то иной, гласила:

«Член ВКП(б) с 1940 года, образование среднее. На партийном учете в партийной организации №1 УПРАВЛЕНИЯ КОНТРРАЗВЕДКИ ЛЕНВО состоит с марта 1941 года. В партийной жизни принимает активное участие. Выполнял ряд серьезных партийных поручений. На собраниях коммунистов неоднократно выступал с докладами по различным вопросам партийно-воспитательной работы. К поручениям относится добросовестно. С начала сентября 1949 года является членом партбюро первичной парторганизации. На партсобраниях и заседаниях в партбюро активен. Политически развит хорошо. Морально устойчив. В быту скромн. Партвзысканий не имеет. Над повышением своего идейно-теоретического уровня работает самостоятельно. В 1948–1949 г.г. был слушателем Университета марксизма-ленинизма, к семинарским занятиям готовился глубоко и добросовестно, но в связи с болезнью из университета был отчислен. В практической основной работе командованием характеризуется положительно.

*Секретарь партбюро п/о № 1 майор Старовойтов
27.10.49 г.*

Утверждена на заседании партбюро УКР ЛВО. Протокол № 27»

Итак, в руках две положительные характеристики с места службы, откуда выгнали, не знаю за что, военный билет, полученный в райвоенкомате по месту жительства, общегосударственный паспорт, который в те годы не был положен военнослужащим, да партбилет.

Образования высшего нет. Знания, полученные в техникуме, давно улетучились. Ноль сбережений. Тает выходное пособие.

Устроиться куда-то чернорабочим? А как прокормить пять человек семьи, не считая себя? Пойти на работу чиновную, административную? Невозможно. Кто возьмет в дни погрома всех административных, партийных, профсоюзных, промышленных аппаратов?

Первая задача в этом хмуром мокро-снежном предзимнем месяце – найти хоть какую-то чуточку денег, заплатить за дрова, за свет, хотя они в те годы и стоили копейки. (Но где их взять?). Накормить детей.

Поехало на лестничную площадку на своих маленьких медных колесиках пианино «Фибигер», только недавно купленное для растущей дочки. Проданы более-менее ценные книги из домашней библиотеки. Бедняга-жена, сняв с руки обручальное колечко, отнесла в ломбард. А что дальше? Кто может выручить? Кто может помочь? Да, кроме всего прочего, не отпускала мысль и о том, что так же, как могли уволить, без оснований отказать в допуске к секретной работе, могут не сегодня-завтра без повода и арестовать. Информация, что вначале без всяких оснований исключают из партии, без объяснений снимают с работы, а затем арестовывают, уже появилась.

Надо быть готовым ко всему. А главное – не подвести невольно под репрессии родственников, друзей, товарищей – свои «связи». И я решаюсь.

Иду в гастроном. Покупаю большого свежемороженого судака, очищенного от внутренностей, благо килограмм его стоил тогда 10 рублей 50 копеек. Дома заворачиваю в вощаную компрессную бумагу два блокнота с адресами и номерами телефонов, закладываю в рыбу, зашивая живот, а рыбу, обернув фольгой, укладываю с прочей снедью в авоську. Подвешиваю ее, высунувшись из форточки, на давно приспособленный для хранения продуктов гвоздь в кирпичной внешней стене. Так, на морозе, благо начался он в ноябре, и спасались адресные книжки от возможного обыска до того, как обстоятельства избавят от виртуальной угрозы.

Выручка и помощь пришли неожиданно.

В один из последних вечеров ноября нас, контрразведчиков – бывших и действующих, на пробирающем до костей ленинградском ветру и вьюге, собралось человек тридцать. Переминаясь с ноги на ногу, толкая, согреваясь, локтями друг друга, мы стояли у вагона поезда Ленинград–Львов. Пришли проводить генерала Быстрова к месту нового назначения – заместителем начальника Управления контрразведки второстепенного Прикарпатского военного округа. Забегая вперед, скажу, что и в этой должности Александр Семенович проработает не долго. Через полгода или год он будет переведен из контрразведки в систему МВД и отправлен в поселок Инта на Север начальником охраны лагеря. Заслуженный генерал на штатную должность милицейского капитана.

На вокзале смесь шинелей, морских бушлатов и штатских пальто. Папахи, меховые шапки, фуражки, засыпанные снегом, как ритуальными покрытиями, прорывались к тамбуру вагона, чтобы пожать руку в добром напутствии человеку, с которым они провели четыре года войны, общих испытаний голодом, холодом, артиллерийскими налетами, разбивая хитроумные козни противника.

Александр Семенович без шапки, в меховой бекеше с площадки тамбура только успевает подавать руку, обнимать, отвечать на сердечные слова. Подумалось: «Вот бы эти бударевы и андриановы посмотрели, как прощаются подчиненные с «грубияном, матерщинником, пьяницей, хамом» – начальником». Многие, особенно женщины, украдкой вытирали глаза. Да и сам генерал невольно рукавом вытирал лицо, как будто бы от летящего мокрого снега. И дело было не в том, что Быстрова так уж глубоко и щедро любили. Его жалели как близкого в самые страшные годы блокады человека, несправедливо оказавшегося в беде. Большинство из этой толпы вместе с ним, под его руководством, разрабатывали сложные, рискованные операции по захвату германских лазутчиков, диверсантов, по предотвращению диверсий и чрезвычайных происшествий в

Армии, по внедрению наших агентов в разведку немцев, в их шпионские школы; осуществляли переориентацию, перевербовку агентов, заброшенных к нам, то есть выполняли весь комплекс задач, возложенных на военную контрразведку Советской Армии и Военно-морского флота.

У него, генерала Быстрова, получали поддержку при гибели жен, мужей, матерей, детей.

Последний звонок. Поезд движется. За ним по перрону не бегут. Бежать неудобно. Идут, машут шапками, руками, шарфами.

Постепенно расходятся группами, по двое, в одиночку. Разговоров не слышно. Угнетает происшедшее, происходящее.

Я иду молча с перрона к вокзалу в шинели со споротыми погонами (пальто в ремонте). Ни о чем не хочется думать. Ничего решать. Устал за недели хлопот, звонков, советов, переговоров.

Вдруг кто-то сзади кладет на плечо руку. Поворачиваюсь. Вижу полковника в форме Военно-воздушных сил. Высокий, подтянутый, с кажущимся в полумраке твердым скульптурным лицом. Вспоминаю – видел на совещаниях. Лично не знаком, не приходилось общаться.

– Пидемский?

– Да.

– Ну, будем знакомы. Николаев Александр Николаевич. Начальник отдела 25-й армии.

Пожимаем друг другу руки. Называю свое имя, отчество.

– Смотрю, Вы уже погоны сняли?

– Что делать? Майор запаса без ношения формы. Даже допуска не дали.

– Слышал. Все слышал. Ну, как сейчас-то? Где-нибудь работаете?

– Пока нигде. Кто сегодня возьмет?! Куда? Вот доедаю выходное пособие... Что дальше – не знаю.

– У Вас, ведь, я слышал, семья большая?

– Сам шестой. Трое маленьких.

– И об этом слышал, Борис Михайлович. У нас в штабе армии есть одна вакансия цензора, пойдете?

– Дорогой Александр Николаевич! Я сейчас готов дворником работать, – как-то на пронизывающем ветру даже стало жарко.

– Тогда вот что. Приезжайте ко мне завтра к десяти утра. Это угол Измайловского проспекта и Первой Красноармейской улицы. Напротив собора. Пропуск будет на проходной. Идет?

Я крепко пожал неожиданному спасителю руку и смог только вымолвить: «Спасибо, друг». Полковник заспешил догонять уходящую на Лиговку группу сослуживцев.

Без пятнадцати десять на следующий день я был в проходной штаба 25-й воздушной истребительной армии. Пропуск был уже выписан. Расспросил дежурного, как пройти в отдел контрразведки. И вот я уже в кабинете Николаева. Александр Николаевич предложил снять шинель и двинулся к двери:

– Пошли, Борис Михайлович, чаевничать будем после. Боюсь, не уехал бы начальник штаба.

Пока шли по коридорам части, он успел посоветовать:

– Будет спрашивать, справишься ли с должностью – не мнись. «Так точно», – и все. Должность то действительно, как говорят «не бей лежачего» – справиться легко и не с Вашим опытом. Отвечайте напрямую обо всем, что спрашивает. Иван Павлович, наш начальник штаба, сразу чувствует фальшь. Ему бы у нас в следственном отделе работать!

Проходили с полковником через приемную. Он лишь поздоровался кивком с дежурным адъютантом, спросив: «Один?».

Услышав: «Один», – распахнул дверь в кабинет, проталкивая меня вперед.

Из-за стола встает и идет, улыбаясь, навстречу сравнительно молодой полковник со значком летчика первого класса. Открытый взгляд. В зачесанных назад

негустых волосах полоски седины. Подает руку, представляется: «Тараненко». Предлагает садиться.

Я сажусь за приставной столик. Николаев, не садясь, говорит:

– Вот, Иван Павлович, тот самый майор, о котором я Вам рассказывал.

Тараненко, заняв свое место, долго внимательно смотрит на меня. Спрашивает:

– Уволили, значит? – и снова с улыбкой и известным всем жестом – постукивая пальцами по горлу, – Надеюсь, не за это?

Николаев и я, в один голос:

– Нет, нет! Такого не водится.

– Что, совсем не пьешь? – все больше улыбаясь и уже переходя «на ты», спрашивает начштаба.

– Ну, почему же, – отвечаю я, – По случаю праздника, юбилея, в дружеской компании не откажусь.

– Так, – улыбка слетает с лица Тараненко стремительно, как и появилась. – Значит, – тихо произносит он, – из-за сегодняшней компании? – и многозначительно поднимает вверх палец.

Не говоря ни слова, киваю головой.

Минуту тянется молчание. И только включенный на стене динамик вполголоса несет какую-то белиберду о приближающемся дне Конституции.

– Я Вам говорил, Иван Павлович, – откликается Николаев, медленно прохаживаясь по кабинету.

– Чего не садишься, Александр Николаевич? – спрашивает его Тараненко.

Николаев, с горчинкой в голосе, шутит:

– Подожду. Еще, может, насижусь.

– И когда же это случилось? – снова спрашивает начштаба.

– Да, вот уже двадцать седьмой день, как получил военный билет.

– Ну, военный, не волчий, – снова пробует шутить Тараненко, – А, кстати, в каком райвоенкомате?

Услышав, что на улице Чайковского в Дзержинском РВК, снимает трубку телефона, кому-то командует:

– Зайдите-ка ко мне.

Несколько минут длится общее молчание.

Входит пожилой подполковник авиации. Как выясняется – начальник отдела кадров.

– Товарищ полковник, прибыл по Вашему...

Тараненко прерывает уставное обращение:

– Ладно, ладно, хватит. Ты вот что скажи, у нас там свободна должность военного цензора?

– Так точно. Старшего военного цензора. Да, вакантна.

– Знаешь, вот что. Поезжай в военкомат Дзержинского района, возьми там дело на майора, – взглянул на бумажку, лежавшую на столе, – на майора запаса Пидемского Бориса Михайловича – вот он перед тобой – и оформи призыв в нашу армию. Завтра мне на подпись приказ – на эту должность. Не смотри, что он сегодня в гражданском. Он уволился всего две недели.

Я поправляю: «Двадцать семь дней...».

– Эго никакого значения не имеет, – отвечает начштаба.
– Задача ясна?

– Но, товарищ полковник, – пытается возражать кадровик, – по штатному расписанию эта должность полковника.

– Ну и что? – уже запальчиво ответил Тараненко, и, обернувшись ко мне, спросил, – Сколько лет в звании майора?

– Уже скоро три, – ответил я.

– Ну, вот, видишь, – снова кадровику, – сейчас мы представим к подполковнику, а дальше дослужится и до полковника. Готовьте документы!

– Слушаю, товарищ полковник, – и, взяв протянутую ему Тараненко бумажку с моей фамилией, ранее лежавшую на столе, начальник отдела кадров вышел.

– Ну, а Вы, майор, надевайте форму. Надеюсь, ее Вы еще сохранили? И завтра являйтесь с утра на службу.

Так начался новый этап моей службы в вооруженных силах Отечества, и не в первый раз я почувствовал, что такое порядочные, нравственные люди, что такое воинская взаимопомощь, войсковое товарищество. Чувствовал я это и тогда, когда в сорок первом уже мной упоминавшийся Володя Герасимов вытаскивал меня с пробитым пулей коленом в траншею, и тогда, когда, при переправе раненых с «Невского пятячка» миной перевернуло лодку и неизвестные красноармейцы, обнаружив меня, обледеневшего, на палубе полузатопленного катера, дотащили до медсанбата; и когда в сорок втором свалил голодный обморок и меня привели в сознание.

И это случилось лишь со мной, и за короткий период. А какие сотни, сотни тысяч подобных случаев можно было бы отметить! Высоконравственный воинский закон: «Сам погибай, а товарища выручай», – был в душе у всех советских воинов, за немногими, всеми презируемыми, исключениями. Был потому, что вопросы морали, вопросы нравственности с детства, со школы, с пионерского лагеря, с комсомола были в воспитании основными, неустанно прививаемыми родителями, учителями, пионервожатыми, книгами, прессой, радио, кино и театром. Конечно, как и в чистом поле где-то вырастает куст чертополоха, и тогда вырастали отдельные предатели Власовы, пеньковские, резуны – выродки, которых полученная в руки власть разлагала, вопреки воспитанию. О них и их преступлениях я и пишу эти строки. Но и они – эти маленковы, бударевы, андриаиовы, лишённые, возможно генетически, моральных принципов, творили свои страшные дела, обязательно прикрываясь ложью о якобы защите «социалистической морали», ратуя, ради маскировки, за высокую нравственность. Были вынуждены прятать лицо от глаз большинства. Даже эти властные подонки не решались тогда открыто кричать: «Бери от жизни все!», «Больше наглости!», «Живи для себя!». Открыто пропагандировать

насилие, технику убийства, сексуальную распущенность. Допускать открытый грабеж страны, безнаказанно выгонять детей и стариков из жилища за то, что им нечем за него заплатить. А сегодня подпевалы вырождков, создавших даже новый для России словарь: «бомжи», «дедовщина», «олигархи», «беженцы», «рэкетиры», «киллеры» и прочая, прочая, имеют нахальство, народ, не знавший этих понятий, называть «совками». А, так называемые, «интеллигенты» разлиберальничались до того, что дикий лозунг «Разрешено все, что не запрещено законом», возвели в абсолют, не задумываясь, что не запишешь отдельным параграфом в любом запретительном законе, к примеру, что «главе государства непозволительно мочиться на шасси самолета в присутствии дам и лидеров принимающей его стороны».

Где тут, при этом разложении нравов, после горбачевско-ельцинского погрома во всех областях жизни Родины, говорить о высокой морали, взаимопомощи, взаимовыручке?

Но, простите, читатель. Я, в приливе чувств, ушел от своей биографической темы. Хотя как сказать? Эти чувства – тоже деталь биографии.

Итак, с конца сорок девятого года, я вновь офицер вооруженных сил. Правда, в необычной для меня профессии.

Обязанности старшего военного цензора в условиях армии в мирное время не были обременительны. Я осуществлял цензуру газеты «На боевом посту», выходившей пять раз в неделю, и других печатных изданий политотдела и штаба армии, выходивших в свет без грифа «секретно», то есть общедоступных.

Задача была предельно ясна: не допустить, чтобы из текстов изданий агентура вероятных противников, а ее немало окопалось в зарубежных посольствах и в консульствах, была лишена возможности получать сведения, содержащие военную тайну, как путем прочтения одного номера газеты, брошюры, документа, так и при самом хитроумном анализе комплекта, или, как называли, «подшивки» газет. Естественно, не допускалось печатать

материалы, которые могли бы отрицательно повлиять на дисциплину в воинских подразделениях или привлечь внимание иностранных разведок и их организаций к конкретным военнослужащим.

Приходилось иногда помогать редактору, уже вне служебных функций, и в предотвращении в газете различных «ляпсусов» любого характера, в том числе и политических. Бывали такие казусы, когда глаза редактора, да и цензора, пропускали анекдотические опечатки. Так, например, в одном из вышедших уже номеров, читаем: «Воины нашей части с удовольствием просмотрели новый документальный фильм «Встреча на Эльбе», или в предвыборной газете, которой конечно уделялось особое внимание, видим: «Весь личный состав нашего подразделения единогласно проголосовал за кандидата в депутаты Вячеслава Михайловича Молотова и депутата в кандидаты Великого Сталина». Последний приведенный здесь случай нагнал страха не только на цензора и редактора, но и на члена Военного Совета и начальника политотдела. В последние годы жизни Сталина, когда его культ наверху раздували с особой силой, такими оговорками было не пошутить. Когда, к примеру, в номере газеты публиковался портрет вождя, редактор, да и цензор не отходили от печатной машины, всматриваясь в каждый оттиск портрета на каждом экземпляре, летящем с талера⁶. Не дай Бог, на нем окажется какая-нибудь царапина или пятнышко!

На сей раз с выдвижением Сталина «из депутатов в кандидаты» все обошлось как нельзя лучше. Во всем тираже опечатку никто не заметил, прежде всего, видимо потому, что надоевшие официальные сообщения о предвыборной кампании мало кто читал внимательно. Именно рассчитывая на это, член Военного Совета армии генерал-майор Вяткин, втихую «отматерив» нас с редактором, поступил мудро, не давая команды на изъятие экземпляров газеты из полков и

⁶ Талер - металлическая плита (решетка) в машине под печатной формой.

подразделений. А я все думал: «Окажись там «сверхбдительный» осведомитель – неприятностей бы не избежать». Сразу припомнился аналогичный дурацкий случай, когда служил у нас, вернее уже дослуживал до пенсии, оперуполномоченный Карасев – очень въедливый, и, кстати, за время чекистской практики, раскрывший, по-честному, серьезное шпионское дело, связанное с иностранным консульством. Подчеркиваю «по-честному» потому, что перед войной, в войну и в послевоенный период, в правоохранительных органах шла небывалая чистка кадров (ничего общего не имеющая с выдававшимся преступниками за чистку «Ленинградским делом»). Все, кто был причастен в «ежовский» период к фальсификации дел и иным нарушениям законности, были уже уволены, осуждены или даже расстреляны. К сожалению, как показало «Ленинградское дело», так называемое «Дело врачей» и другие, эта чистка мало коснулась Центрального аппарата. Там вместо чистки, по-видимому, была конъюнктурная грызня за посты и власть.

Так вот, наш Карасев был человек чести, хотя и с довольно ограниченной общей эрудицией. Была в его характере и излишняя подозрительность, хотя его девизом было: «Подозревать можешь год, но принимать любые меры к человеку по подозрению не смей ни минуты!». Потому и остался в органах контрразведки после 1937–1938 годов как один из немногих, тем более в его солидном возрасте.

И вот однажды, в первых числах года, то ли 1947-го, то ли 1948-го, этот «старикашка» входит в кабинет и трясет передо мной экземпляром какой-то новогодней газеты, армейской или дивизионной:

– Вот, товарищ майор, посмотрите. Эго же явная политическая провокация! Читайте заголовок!

Беру, читаю. Во всю ширь первой полосы, над названием газеты, приветствие: «С Новым Гадом, товарищи!». Даваясь от смеха, говорю Карасеву:

– Ну, какая же это провокация? Или ошиблись при наборе, или отлили с ошибкой текст.

– Н-нет, товарищ майор, это не ошибка, – трясет уже пальцем Карасев. – Не может быть такой крупный текст какой-то ошибкой. – И тут же выпаливает, понизив голос:

– А Вы не знаете, товарищ майор, в эти дни никого нового не вводили в члены Политбюро?

Тут уж я от смеха чуть не падаю со стула:

– Ну, Карасев! Хороша у Вас получается ассоциация. Подходит прямо под статью 58–10.

Карасев, понимая всю глупость сказанного им, краснеет, как свекла, затем, посмеявшись сам над собой, вылетает из кабинета, бросив газету.

Приходит на память и еще один столь же комичный случай, когда в газете «Красный Балтфлот» и редактор, и цензор, и весь состав редакции просмотрели ошибку не где-нибудь в тексте, набранном, к примеру, петитом⁷, а в самом названии газеты.

Попытаюсь рассказать об этом так же, как рассказывал мне о нем редактор газеты:

«Сижу, – говорит, – однажды за вычиткой номера. Время, как всегда, уже за полночь. Тишина. В кабинете лишь я да начальник типографии похрапывает на диване в ожидании подписанной верстки газеты для начала печати.

Внимательно дочитал все тексты, включая выходные данные, просмотрел иллюстрации и подписи к ним. Подписал номер к печати, отодвинул по столу под лампу. Встал, – говорит, – разбудить коллегу и поразмяться. Взглянул под лампу на подписанный к печати номер и остолбенел. Вместо четкого, исполненного красивой вязью (газета-то морская!) названия газеты, много лег радовавшего искусством графического исполнения «Красный Балтфлот», на меня смотрел точно такой же по исполнению, по форме, размеру, заголовок «*Красный Блатфлот*».

⁷ Петит - очень мелкий шрифт.

Я, – говорит, – криком поднял начальника типографии: «Читай заголовок!». Тот, спросонья ничего не понимая, взглянул на полосу и сказал: «Ну и что, – «Красный Балтфлот». А что случилось?». Протри, – говорю, – глаза. Читай еще раз! Вместо ответа, я видел даже при свете электрической лампочки, он побледнел как бумага и схватился за голову, забормотав:

– Клише! Клише, черти, поломали, отдавали переливать, отливать заново.

– Когда?! – уже предчувствуя худшее, кричу ему.

– На прошлой неделе.

Хватаю со столика подшивку газеты. Словно издеваясь, на меня смотрит предыдущий номер газеты – «Блатфлот». За ним еще...

В общем, на столе лежал уже третий, не отпечатанный пока номер, новоиспеченной, нами созданной, позорно именующейся, газеты.

В 9 утра, вместе с нач. типографии, предстаем с повинной у высокого начальства... »

Хорошо, что, как и у нас «В боевом посту», высший начальник у них оказался тоже умен. Узнав, что на первые два номера «Блатфлота» никакой реакции ни откуда нет, приказал о происшествии молчать, как и об устном выговоре, который влепил обоим и цензору, следующий номер выпустить тогда, когда будет изготовлено и опробовано новое клише.

И что характерно? Как и в нашем случае, в редакции не появилось ни одного сигнала, что кто-то, где-то в их большом тираже обнаружил изъян.

А у меня шли месяцы, затем годы. Работа военного цензора была не только освоена, но ее практика показала, что в ней Генштабом военного министерства предусмотрено много лишнего. Что инструкции по военной цензуре перегружены ненужными запретами, без которых можно обойтись и, наоборот, в них не предусмотрены более эффективные меры по предотвращению, к примеру, при

анализе в чужом дипконсульстве, определения мест дислокации важнейших объектов Армии, секретных данных о новой технике, сведений о боевой готовности.

Отправил свои соображения в Москву, и по представлению начальника УПРАВЛЕНИЯ ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЫ Советской Армии Березина неожиданно получил благодарность Генерального штаба за обоснованную критику действующих инструкций и рациональные предложения. Еще раньше, полковник Тараненко выполнил обещание о присвоении мне главнокомандующим войск ПВО страны очередного воинского звания – подполковник.

Казалось, все складывается на новом поприще, как нельзя лучше. И, тем не менее, не проходила ни обида за несправедливое увольнение из контрразведки, ни мысль о том, что, во что бы то ни стало, надо узнать причину «невозможности использования» в старом ведомстве. Эго, тем более, казалось необходимым на случай, если когда-то спросят в партийном или государственном органе, за что был уволен, а я не смогу ничего вразумительно ответить.

И я начал писать запросы в МГБ СССР. Во всех моих письмах была одна просьба, сообщить истинную причину (причины) увольнения. Не скажу, что мне не отвечали. Периодически, после каждого письма, меня приглашали в «Большой дом» на Литейном. Приглашали и вежливо давали ознакомиться с коротким, всегда стереотипным, ответом Управления кадров 3-го Главного управления МГБ СССР:

«Ваше заявление рассмотрено. В просьбе отказано.

(подпись)».

И ничего другого. Так закончился 1949-й год, прошел 1950-й, почти половина 1951-го. Я продолжал благополучно службу, периодически донимая мое министерство своими письмами. И не для того, чтобы возвратиться в его систему. Допущенное беззаконие и все то, что привелось увидеть и пережить, отбило желание возвращаться. Мне хорошо служилось здесь в воздушно-истребительной армии, где

уважали, ценили, относились дружески, не вспоминая, что появился из другого ведомства.

Нет, мне просто надо было знать причину совершенного хамства. Здесь, по той должности, что занимал, ожидало звание полковника. Не раз поощрялся командующим армией Героем Советского Союза генерал-полковником Н.А. Антоновым. В годы службы в этой армии поступил на заочное отделение Военно-педагогического института имени М.И. Калинина. Затем перевелся, – на исторический факультет Ленинградского государственного университета.

После одного из визитов в Управление контрразведки для прочтения очередного невразумительного ответа, пришло решение: надо в дни отпуска поехать в ЦК ВКП(б) и с его помощью добиться личного приема Министром ГОСБЕЗОПАСНОСТИ или просить ЦК затребовать объяснение отказов в моей просьбе, как казалось, вполне обоснованной.

И вот в конце июня 1951 года я в Москве. Иду в приемную ЦК партии. На мое счастье, попадаю к дежурному инструктору отдела административных органов. Подробно рассказываю о себе, о своих злоключениях, о причине приезда в столицу. Терпеливо, внимательно выслушивает. В конце моей «исповеди» спрашивает: «Так что Вы хотели бы сейчас, товарищ подполковник?». Я отвечаю, что хотел бы попасть лично к министру госбезопасности Виктору Семеновичу Абакумову, рассказать ему обо всем, связанным с моим увольнением два года назад, и получить вразумительный ответ, поскольку его кадровым аппаратчикам и руководителям 3-го Главного управления уже не верю. Хотел бы «сесть с Абакумовым и все, что творилось, ему лично рассказать».

Инструктор, молодой, широкоплечий парень с типично русским лицом, неожиданно для меня как-то заразительно засмеялся, невольно вызвав и мою улыбку:

– Борис Михайлович, не советую Вам «сесть» вместе с Абакумовым. Абакумов только что арестован. Он сидит в тюрьме.

В ответ на мой недоуменный взгляд, мой посерьезневший собеседник сообщил, что бывший Министр госбезопасности обвиняется в тяжких государственных преступлениях, а вместо него назначен министром секретарь ЦК ВКПб Игнатьев. Посоветовал мне обратиться снова в аппарат МТБ СССР.

– Сейчас там, наверняка, отказались от бюрократических методов и такого отношения к людям, – сказал он. – Не уверен, что Вас сразу примет товарищ Игнатьев. Он, конечно, сейчас перегружен вхождением в курс. Но Вас, конечно, в Министерстве примут – и все объяснится. Успехов Вам. – Пожав на прощанье руку, он так же вежливо проводил меня до двери, и сам куда-то пошел по коридору.

Я вышел на площадь. Жаркий московский день не давал сосредоточиться. Мысль, что мне, по сути, еще раз сказано: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих» – не давала покоя. Но я то не утопающий! У меня по службе все в порядке. Может плюнуть на выяснение этих причин двухлетнего прошлого?

Однако здравый смысл брал верх над капитулянтской мыслью. Взялся добиваться – надо добиться.

Не заметил, как сквозь эту жару прошагал от Старой площади до Бульварного кольца. Плюхнулся на первую садовую скамейку.

Снова звонить в Управление кадров? Или в Третье главное? Но там пока, наверняка, еще те же люди. Не добьешься никакого приема. Узнавать телефон секретаря министра и звонить ему? Ни новый министр, ни его заместители, новые или старые, не будут заниматься бывшим мелким для них сотрудником, да еще из опального города и в дни смены министра.

И вдруг возникла идея, а не разыграть ли оперативную комбинацию? Найти повод заинтересовать само руководство в этот приезд своей персоной? Раз Абакумов арестован и по нему ведется следствие, безусловно, проявится интерес и к его, пока неизвестным, личным связям. Только с умом надо

подкинуть мысль о том, что некий подполковник – одна из них. Наверняка захотят увидеть.

Где узнать прямой телефон министра? Игорь! Игорь Чистяков – честнейший парень, Верный товарищ по Ленинграду. За прошедшие годы генерал Ивашутин оттуда переведен на большую работу – стал начальником ГРУ Генштаба. А Чистякова взял с собой, и Игорь теперь его помощник и уже полковник. У них-то все прямые номера телефонов есть!

Срываюсь со скамейки, иду между веселыми шелестящими березами, похлопывая их нагретые белые стволы, к ближайшему телефону-автомату. В записной книжке ищу номер, данный мне когда-то Чистяковым. Узнаю по голосу:

- Здравствуй, Игорь!
- О, Борис! Какими судьбами?
- Долго рассказывать, дружище. При встрече. Надеюсь, днями встретимся. Звоню тебе по неотложному делу. Дай мне номер прямого телефона Абакумова, только прямой, не секретаря. В трубке слышится смех:

- Слушай, Боря, а ты что не знаешь, что у него уже нет телефона?

- Знаю, Игорь. Потому и нужен его бывший номер.
- Да зачем? Какую ты чертовщину придумал? Новый-то ведь тоже на другом телефоне.

- Игорь, все объясню потом. Поверь, ничего криминального нет. И нового министра не буду беспокоить. Просто маленькая оперативная комбинация. Понял?

- Ничего не понял. Ну, черт с тобой! Записывай. Потом расскажешь. Так в руках появился номер телефона кабинета бывшего министра госбезопасности.

Иду во взмокшем от жары и волнения кителе прямиком на Кузнечный, в бюро пропусков и приемную министерства. Вхожу в кабинку с телефоном. Стараюсь собраться с мыслями. Думаю о том, в каком гоне вести предстоящий

разговор. Видимо по-свойски, немножко фривольно. И, была-не была, набираю номер.

Гудок, второй, третий. Неужели никто не дежурит, не ловит «связи»?

Наконец, какой-то простуженный бас:

– Слушаю.

– Виктор Семенович? – спрашиваю я.

– Его нет.

– А когда он будет?

– Слушайте, кто говорит?

– Подполковник Пидемский. Бывший офицер контрразведки. Я приехал для встречи с ним из Ленинграда.

– А что Вы хотели?

– Простите, но вот об этом я хочу говорить только лично с ним.

– Да? Подождите минутку.

Через несколько минут уже второй голос:

– Подполковник, Вы слушаете? Скажите фамилию, имя, отчество.

Отвечаю.

– Вам будет спущен пропуск на час ночи. Вас устраивает?

– Конечно. Спасибо.

Первый этап «комбинации» удался. Удастся ли дальнейший?

Без двадцати минут час. Я снова в бюро пропусков. Кроме дремлющих дежурных здесь, на удивление, никого. Не одного же меня принимают в такое время! Пропуск получаю без промедления. Иду, вдыхая ночной посвежевший воздух, менее чем днем отравленный выхлопными газами, с Кузнецкого, через переулок, к угловому входу мрачного здания Лубянки.

Открываю тяжелую дверь. По ярко освещенному вестибюлю, мимо внимательно проверивших пропуск постовых, направляюсь к лифту. К кому иду не знаю. В

пропуске только этаж, номер комнаты. В голове мелькает нерадостная мысль: «Сюда вошел. Выйду ли отсюда?»

В коридорах тишина. Бесшумно шагаю по бесконечной синей дорожке, сверяясь с дверными номерами. Наконец мой. Ну, что ж, как говорится: «Господи, благослови».

Рву за медную ручку двери.

Передо мной открывается несколько менее освещенная, чем вестибюль, широкая комната приемной.

В кресле за столом, под лампой с большим зеленым абажуром, сидит офицер в том же звании, что и я. Только просветы на погонах не голубые, как у меня, воздушноармейца, а васильковые.

Здороваюсь. Смотрит армейское удостоверение личности, сверяет с пропуском, показывает широким жестом на дверь начальника:

- Вас ждут.
- Простите, кто меня принимает?

Сухо отвечает:

- Зам. министра по кадрам.

Еще одна дверь. Еще один шаг к неизвестному результату.

Вхожу в огромную комнату с люстрой, со стенами, отделанными то ли орехом, то ли дубом. Пол покрыт огромным ковром. Но все это я разглядел потом, когда, на мое: «Разрешите?» и «Здравствуйте», было довольно резко отвечено: «Входите. Садитесь». И я прошел к столь невежливо принимавшему меня хозяину.

За столом, на котором, казалось, можно развернуться на велосипеде, сидел изрядной полноты генерал-лейтенант, с жестким лицом и какими-то бесцветными глазами. Начальник Главного управления кадров МГБ И.И. Врядий, он же заместитель министра по кадрам.

Края стола были завалены какими-то папками с документами. Середина была пуста. И только под лампой, стоявшей слева, лежал лист бумаги с машинописным текстом, как я понял в процессе разговора, справка обо мне

или «кантычка», «шпаргалка», как было принято их называть.

Внимательно посмотрев на меня, точнее пристально всмотревшись, генерал тем же резким тоном спросил:

– Что привело Вас, майор? – хотя четко видел знаки различия на погонах. Видно сработала «кантычка». – Зачем Вам нужен прием обязательно у министра?

– Подполковник, товарищ генерал, – вежливо, но подчеркнуто, поправил я, решив отвечать на резкость резкостью. (Его подпись тоже мелькала под формальными ответами). Видел, как его глаза зло скользнули по «кантычке», но он смолчал. – А о моем приеме у министра я попросил потому, что уже два года не могу ни у кого в министерстве добиться ответа о причинах моего увольнения в 1949 году.

– Но, как вижу, Вы продолжаете служить в вооруженных силах, – пытался парировать генерал, – и, как видим, уже подполковник.

– Да. Но это благодаря призыву командующего армией, товарищ генерал. А вот почему был уволен из органов контрразведки, до сих пор ответа не получил. В чем была, после моего выдвижения по должности и правительственной награды, «невозможность использования», как было указано в приказе, я не знаю.

– Значит, Вы только хотите знать, почему подлежали увольнению? Так?

– Так точно.

– Послушайте, а откуда у Вас такая странная фамилия? Нет, нет, это не причина увольнения. Вы что поляк? Или родились в Польше? А может еврейская?

– Никак нет. Просто в ней делают ударение не на том слогe. Я не Пидёмский, а Пíдемский. Вологжанин. Там есть в Кирилловском районе озеро Пíдемское, деревня Пíдемская, и речка Пíдьма. Должно быть мои предки оттуда. Я русский.

– Русский, русский, – пробурчал генерал, – а деревня Пидемская. Может, Ваши пращуры были там польскими

захватчиками, и деревня, и озеро были в их частной собственности, а?

– Нет, товарищ генерал. Такая родословная мне не известна. Даже мой дед, вологодский мужик, не имел польского акцента.

Я предусмотрительно не стал говорить, что мой брат, Леонид Михайлович, в конце двадцатых, когда было модно Иванам становиться Жанами, сдуру переделал свою фамилию на Пидэмский и в 1937 году за это подозрительное «Э» десятки километров шел по этапу до тюрьмы в сибирских краях, и был под арестом, пока не разобрались с этим «иностранцем».

И, словно прочитав мои мысли, Врядий задал следующий вопрос:

– У Вас есть братья?

Сразу подумалось: «Знают, знают об этом аресте».

– Да. У меня два брата. Один – Николай, на Кольском полуострове, другой – Леонид, в Омске. Оба старше меня.

– Чем они занимаются?

– Оба преподаватели. Николай был учителем, зав. РОНО, директором школы. Леонид преподаватель.

Генерал–лейтенант резко прервал:

– Знаем, чем он там занимался. А вот Вы знаете, что Ваш старший брат в Заполярье – троцкист?

Я мог воспринять любую глупость, но такую, да еще в 50–х годах? Почувствовал, как кровь приливает к голове:

– Товарищ генерал, но это же немыслимо. Брат вступил в партию по ленинскому призыву в 1924 году. Добровольно уехал в Заполярье, учить грамоте русских поморов и их детей. Без упрека отвоевал в войну...

Генерал, скосив глаза на «кантычку», снова прервал:

– А вот у нас данные, что он троцкист. Он был репрессирован? Вы с ним как-то связаны?

– Никогда не репрессировался. И сейчас учитель и коммунист. Да еще, какой коммунист! В Терском районе недавно торжественно отмечали 25–тилетие его работы в

партии. У меня, к сожалению, связь с ним нерегулярная. Взаимные поздравления с праздниками, юбилеями. Пожалуй, и все. Но уверен и знаю, что троцкизм – абсолютная чушь.

– А нельзя ли полегче в разговоре с зам. министра, – почти рявкнул Врадий.

Я не ответил, не извинился. Оба минуты две молчали. Слышно было, как гудят машины на площади.

– Та-а-к, – протянул Врадий, снова заглядывая в шпаргалку и переключаясь на служебную тему.

– А Вы? Кем вы были?

– Я старший военный цензор штаба 25-й воздушной истребительной армии.

– Нет, какую должность занимали в органах?

– Был исполняющим обязанности начальника первого отделения ленинградского Управления контрразведки.

– Первого отделения! – как-то торжествующе, нажимая на слово «первого», зашумел генерал. – А это значит, Вы обслуживали Штаб округа! Так?

– Так точно.

– А кто у вас в Ленинграде были членами Военного Совета?

– Жданов Андрей Александрович, – понимая, куда он клонит, я начал перечень с основной фигуры.

Врадий поморщился.

– Ну, ладно. Жданов, Жданов, а кто еще?

– Штатный постоянный член Военного Совета Богаткин, затем Кузнецов...

– Стоп, стоп, стоп! – почти закричал генерал, – Кузнецов? Это тот самый Кузнецов, который расстрелян?

Я кивнул головой.

– И Попков? И Соловьев?

– Попков был членом Военного Совета армии ПВО. Соловьев – да.

– Ну, это все равно, – также на полукрике и как-то торжествующе продолжал наступление генерал, – а Вы в это

время оперативно обслуживали штаб?! И не видели, что в вашем Военном Совете сидят враги?

– Но, товарищ генерал, как Вам известно, контрразведка членами Военного Совета не занимается. Мы, наоборот, обязаны докладывать Военному Совету о своей работе...

– Я знаю, что Вы обязаны, что не обязаны! Прежде всего, вы обязаны видеть и слышать! Видеть, чтобы на Вашем объекте и близко не было врагов Отечества. И Вы еще спрашиваете, за что Вас уволили?! Вас не только увольнять надо было! Надеюсь, хоть из партии-то Вас исключили? Партбилет отняли?

И вот тут, признаюсь, мне стало страшно. Так, как не было страшно при ранении на нейтралке в минуты переброски через фронт агента или на «Невском пяточке». Вот отнимет этот самодур партийный билет – сопротивляться не сможешь. Сговорится с аппаратчиками ЦК. Нагородит там околесицу и жизнь загублена. Где буду работать и буду ли? Что будет с семьей?

На счастье, у генерал-лейтенанта зазвонил на столе телефон. И, видимо, по поведению вызываемого, говорил с ним его начальник, возможно Министр. Но я даже не слышал, о чем был разговор. Появилась единственная мысль: «Поскорее отсюда! Не придумал бы этот сатрап еще что-нибудь».

Разговор по телефону длился три-пять минут, после чего трубка осторожно была опущена.

– Так поняли, наконец, подполковник, за что Вас уволили? – видимо, забыв про предыдущий вопрос, с какой-то издевочкой спросил генерал.

– Так точно, понял, – ответил я, спокойно поднимаясь из кресла, – Разрешите идти?

– И-ди-те! – раздельно, с металлом в голосе, отрезал Вradий.

Я плохо помню, как отмечал у адъютанта пропуск на выход, как снова шагал длинным коридором с приглушенным ночным освещением, спускался на лифте,

предъявлял документы постовым. Пришел в себя, когда стоял на уличном асфальте. Взглянул на звездное московское небо, увидел редкие автомашины, несущиеся вокруг площади Дзержинского, немногочисленных ночных прохожих. На часах было час сорок. Недолго же продолжалась наша «милая» беседа. Городской транспорт уже не работал. Я тихо спустился от угла Кузнецкого к «Детскому Миру», остановился перед площадью.

Передо мной, обнимаемый звездным небом, возвышался памятник Феликсу Дзержинскому. И так хотелось ему сказать, не бронзовому, а живому: «Феликс Эдмундович, Феликс Эдмундович! Где твои мудрые заветы чекистам? Где строго насаждавшаяся тобой их моральная честность? У кого из ныне сидящих в этом сером здании, на фронтоне которого часы отсчитывают годы истории, сохранилась в голове и сердце твоя «Памятка сотрудникам ЧК» от июля 1918 года? Памятка, которую, наряду с другими письмами и документами, изучали, вступая в органы контрразведки? Разве могут не утратившие свою порядочность сотрудники, большие и малые по должности, пренебрегать указаниями твоих инструкций:

«Быть всегда корректным, вежливым, скромным, находчивым. Не кричать, быть мягким, но, однако, нужно знать, где проявлять твердость».

«Прежде чем говорить, нужно подумать».

«Каждый сотрудник должен помнить, что он призван охранять советский революционный порядок и не допускать нарушения его. Если он сам это делает, то он никуда не годный человек и должен быть исторгнут из рядов Комиссии (ВЧК – Б.П.)». «Быть честным и неподкупным, потому что корыстные влечения есть измена рабоче-крестьянскому государству и вообще народу»⁸.

⁸ ЦГА. Коллекция документов ВЧК. Дело № 1

А разве сегодняшние кровь и ложь ради личной карьеры – это неподкупность?

А разве сегодняшний разговор – корректность, вежливость, скромность, даже не по отношению к арестованному, что имел ввиду Дзержинский, а к своему бывшему сотруднику, офицеру Советской Армии? Эх, Феликс Эдмундович!».

С горькими мыслями о происходящем, пошел вниз, в направлении улицы им. Максима Горького. Проголосовал первому такси с зеленым огоньком и через пять минут был в гостинице «Пекин», где обычно останавливался.

Считаю, совершенно ясно, впрочем, как и до этого визита, что никаких оснований меня увольнять, кроме озлобления Бударева, не добившегося поклепа на начальников, не существовало.

Возвратился домой. Спокойно продолжил служить в авиации, в деловой благожелательной атмосфере. Так прошло еще несколько месяцев. Но вот в конце ноября, в далеко не замечательный, но примечательный для меня день, просит зайти полковник Николаев. Иду.

– Борис Михайлович, тебя снова приглашают в Отдел кадров Управления (то есть в контрразведку военного округа).

– Зачем?

– А черт их знает. Просили зайти сегодня или завтра.

И вот я снова, в который раз (!), иду в уже опротивевшую трехэтажку, по улице Войкова, 24. Отдел кадров находился не в здании Управления, а через улицу, в особняке, где внизу размещались хозяйственные службы контрразведки, а в верхних этажах квартиры офицеров. Впоследствии это здание займет военная прокуратура.

Вхожу в знакомое помещение – кабинет начальника Отдела кадров. Вижу, как из-за стола начальника поднимается мой давний товарищ по работе Василий Павлович Кострюков. Идет, приветливо кланяясь своей белобрысой головой, крепко берет меня за плечи:

– Здравствуй! Поздравляю тебя, Борис.

Я, слегка нажав на его майорские погоны, чуточку его отстраняю.

– Погоди, Вася, погоди. Во-первых, давно ли ты стал здесь начальником? Во-вторых, у меня не юбилей. С чем поздравляешь?

– Да нет, начальник у меня в отпуске. Тот же Поднозов. А поздравляю... Поздравляю с тем, что ты восстановлен в органах военной контрразведки. Представляешь, «как ошибочно уволенный». Ни хрена себе, ошибочка! Вот я тебе и справку уже подготовил, – и тянет меня садиться в кресло. Берет бумажки и протягивает мне. Читаю:

Справка

Выдана подполковнику Пидемскому Борису Михайловичу в том, что он приказом Министра государственной безопасности Союза ССР № 5289 от 24 ноября 1951 года восстановлен на работу в органы контрразведки МГБ СССР.

Справка выдана для представления в Военное министерство Союза ССР.

*Зам. нач. отдела кадров Управления контрразведки
ЛенВО*

(Кострюков).

Фирменный бланк, гербовая печать, номер 5/350/28 от 15 декабря 1951 года. Все как положено.

– А где приказ Игнатьева? – спрашиваю.

– Передано шифром. Подписал Епишев – новый зам. министра по кадрам.

Кручу в руках бумажку и без всякой радости думаю: «Долгонько разбирались с «ошибочкой» – 26 месяцев. И к чему это восстановление мне сейчас?». На всякий случай спрашиваю:

– А в какой отдел и на какую должность?

– Вот тут-то, Борис, и получается хреновина. У нас в Управлении, поверь мне, нету ни одной вакантной должности начальников отделений, отделов, заместителей, –

и, как-то смущенно, понизив голос, – кроме того, с приказом вместе прислали еще, тебе на выбор, целый перечень военных округов, куда, по твоему желанию, могут назначить. Может даже с повышением. Вот он. Выбирай. – и протягивает еще одну длинную бумажонку.

Читаю:

«Военные округа: Прибалтийский, Одесский, Приволжский, Прикарпатский, Степной, Таврический, Уральский, Туркестанский, Южно-Уральский, Дальневосточный» и так далее. Ленинградского и Московского в перечне нет.

– Ну, нет, дорогой Василий Павлович, можешь передать этим благодетелям, что дураков нема! Откуда они меня уволили «ошибочно», вот туда пусть и назначают, коли ошибка. За тот же стол, на тот же стул. Никуда я не поеду. Спасибо за предложение.

– Но, слушай, дорогой. Ведь я тебе сказал, что у нас сейчас ни одного местечка, да и Министерство, видишь, почему-то наш округ вообще не указывает, хотя они, знаешь ли, нас о местах и не запрашивали, – и шепотом, – все еще продолжают, видно, ленинградцев ссылать подальше.

– Вот потому я и отказываюсь.

Кострюков, даже покрасневший от такого неподчинения приказам, да при таком большом количестве предлагаемых округов, а с другой стороны, не желающий обижать старого сослуживца и, как уже шепнул, понимающий в чем дело, даже начал заикаться – с ним это бывало:

– Нет, т-ты послушай, В-ведь это н-не шутки. Приказ Министра о восстановлении тебя на службе.

Я улыбнулся, хотя положение было действительно щекотливое, не до смеха.

– Василий Павлович, приказ-то этот, «восстановить», не мне, а тебе. Вернее твоему новому начальству. А для меня твой министр не министр, уже не начальник. У меня начальник – Министр обороны, или, как теперь называется, военный министр. Так что, будь здоров, Вася. Рад, что увидел.

– Нет, стой, стой, – вскочил Кострюков. – Так и передать, что ты отказался?

– Так и передай. Я не мальчик, чтобы мной играли, как футбольным мячом. То вылетаю за ворота, то в Ашхабадский угол. А, кстати, где твой предшественник? Его что, перевели?

– Мавр сделал свое дело..., – засмеялся Василий Павлович.

Подав Кострюкову руку и оставив его а полной растерянности, я ушел.

Возвратившись в армию, зашел к Николаеву. Рассказал в деталях весь разговор.

– Даст Бог, обойдется, – попытался он меня успокоить. Рассказал, что в МГБ СССР, по его сведениям, творится что-то невообразимое. Все Главные управления, особенно следственное и кадровые, да будто бы и Третье – военную контрразведку, «перетряхивают». Многих начальников поменяли. Враний с Управления кадров снят и, говорят, в тюрьме, как Гоглидзе⁹ и Бударев. Вместо Враня – генерал Епишев, бывший первый секретарь Обкома партии, а в войну член Военного Совета 40-й армии. – Так что и твое посещение Лубянки с протестом против увольнения, думаю, даром не прошло. Но здесь-то бардак продолжается – в Ленинграде-то.

Я попытался возражать, что в тот раз у Враня, протестовал не против увольнения, как такового, а против того, что не говорят о его причине. И не собирался просить о возврате.

– Да это для них, сейчас, все равно. Были увольнения без оснований, как ты говоришь, «ошибочно». Ишь какая вежливая оговорочка! Этого при разбирательстве им и достаточно, чтобы тех, кто организовывал такие «ошибочки» убрать, а «ошибочку» исправить. И все. Только, видимо, что–

⁹ Гоглидзе – бывший зам. министра, курировавший в последнее время военную контрразведку.

то и у Епишева заедает в мыслях. Недаром не дали Ленинградский округ.

Пришлось согласиться, что полковник прав.

И все было бы хорошо, но с продолжавшимся в городе, хотя и затухавшим, «Ленинградским делом», цензорской работы прибавилось: приходилось все общедоступные документы, многотиражки, другие издания армии вычитывать более тщательно, если не сказать, скрупулезно. Не дай Бог, в текстах проскочит какой-нибудь Попков! Обидновато было, что так же, как и в органах был занят не только день, но и вечер до полуночи, пока не набрана и не подписана в печать газета. Снова не хватало времени заняться семьей. Приходил со службы, когда дети уже спали, уходил, когда они только открывали глазенки. Не говоря уже о том, что жене одной приходилось на себе тянуть весь груз домашних дел и забот. И, хотя почаще, чем раньше, но все же редко бывать с ней в театре, в гостях, в кино. И, тем не менее, при установившейся с начала зимы стабильной погоде, царила и в доме спокойная обстановка, лишенная бывших тревог и подъёмов по ночам, что были связаны с работой разведки. Почти ежедневно удавалось подышать не по-ленинградски сухим и чистым воздухом. Как всегда тепло, по семейному встретили Новый 1952-й год, Седьмого января отметили мои тридцать четыре, а 21 января Галинкин, дочери, юбилей – целых восемь лет, незаметно подбежавший школьный возраст.

В первых числах вьюжного февраля я заканчивал отчет о работе за предыдущий год, точнее аккуратненько переписывал с черновиков. Ради экономии бумаги, их писали на забракованных листах с односторонней печатью и на обрезках типографской бумаги. А мне это делать приходилось частенько, в силу корявого почерка, который хорошо разбирала только одна машинистка из семи, и из машбюро нередко слышалось: «Оля, переведи с пидемского на русский».

Рядом со мной сидел корреспондент нашей газеты Виктор Иванов. Молодой, смысленый парень, который замечательно рисовал карикатуры, заставки, шаржи. Изредка под ними я давал, при случае, строчки сатирических стихов, возникавших при виде «трудов» Виктора, как мы, с ударением на «О», звали его в редакции.

И, вдруг, в эту рабочую тишину, нарушаемую только прерывистым посвистом ветра из плохо заклеенных пазов окна, ворвался резкий звонок внутреннего телефона.

– Слушаю, – поднял я трубку.

– Пидемский? – услышал я голос Тараненко. – Зайдите ко мне! И трубка телефона начальника штаба опустилась. «Что-то не ладно» – сразу сработало в голове. Никогда не бывало так, чтобы Иван Павлович, не поздоровавшись, не спросив даже, чем занимаюсь, ограничился тремя словами, сказанными в резком приказном тоне. Чем я мог его прогневить?

Бросив свою писанину, я, не надевая шинель, а только нахлобучив на себя шапку, помчался из редакции, через двор, в основное здание штаба.

В приемной Тараненко никого не было. Поэтому, набросив шапку на вешалку, открыл дверь в кабинет начштаба.

– Разрешите, товарищ полковник? – спросил я вместо обычного «Иван Павлович». И получил в ответ вместо обычного «Входи» – «Войдите». Это совсем уже сбilo с толку.

Я молча приблизился к столу, но не встающего, как обычно, чтобы поздороваться Тараненко, ни его протянутой руки, ни приглашения сесть. Пришлось остановиться, как вкопанный, и по уставному отрапортовать: «Прибыл по Вашему приказанию».

И тут, в ответ, понеслось такое, что лучше бы никогда не вспоминать, но, к сожалению, нельзя забыть:

– Что же получается, товарищ Пидемский? Я Вас, можно сказать, вытащил из ямы, спас офицерскую Вашу честь, помог получить очередное воинское звание и, что греха таить,

заботился о Вашем авторитете, а Вы решили бежать? Или, как говорят: «Сколько волка ни корми...».

Несколько моих попыток прервать эту тираду, не обличительную, а, по тону, больше сожалеющую, горькую для говорящего – что для меня было особенно больно – не увенчались успехом. Иван Павлович резко, взмахом руки, приостанавливал эти попытки:

– Вы у нас были на добром счету, пользовались полным доверием. Мы Вас представляли к благодарности начальнику Генерального штаба. А Вы так решили нам отплатить? Что Вам у нас в армии не понравилось?

Только после этого прямого вопроса мне удалось, как помню, с дрожью в голосе, произнести: «Товарищ полковник, Иван Павлович, простите меня, я ничего не понимаю. Куда я собрался бежать?». И, видимо мой вид, интонация голоса, растерянность, подсказали начальнику штаба: что-то здесь не то, о чем он думал.

Тараненко встал и, взяв со стола какой-то документ, протянул его мне, смягчив свой тон:

– А это что? Это что же, без Вашего ведома?

Я понял все, еще не прочитав короткий текст, а только увидев официальный бланк:

Военный Министр СССР

Приказ № 0332

28 января 1952 года

*Командующему 25 воздушно-истребительной армии
Генерал-полковнику Антонову Копия: Командующему
ЛенВО*

*Старшего военного цензора штаба вверенной Вам армии
подполковника Пидемского Б.М. откомандировать в
распоряжение Управления военной контрразведки ЛенВО
для прохождения дальнейшей службы. Исполнение
доложить через командующего ЛенВО.*

В. Соколовский¹⁰

Бегло прочитав, я обратился к начштаба:

¹⁰ Маршал Советского Союза Соколовский был в то время заместителем военного министра и Начальником Генштаба.

– Разрешите сесть? – и, уже садясь в кресло, не мог отбросить парализовавшую волю мысль: «Вот сел, так сел!».

Пришлось обо всем случившемся со мной подробнее рассказать Тараненко. К его чести, не меньше часа, не отвечая на телефонные звонки, приказав адъютанту никого не впускать, выслушивал он мою исповедь.

Когда я закончил, он, с какой-то раздуминкой, тихо сказал: «Ну, что ж. Коснись меня, я, возможно, поступил бы так же». И вышел из-за стола.

– Жаль, очень жаль, Борис, – чуть ли не впервые назвал просто по имени, – но, ничего не поделаешь, – показал рукой на приказ маршала. Умеют Ваши бывшие начальники своего добиваться, – И снова, уже полуофициально, – Иди к финансистам, вещевикам, получи все, что положено на этот год. Предписание, скажу, выдадут. А завтра зайдешь, попрощаемся.

Прощание было коротким. Попрощаться с командующим армии вообще не удалось – был в командировке. А Иван Павлович пригласил Николаева, главного редактора газеты Федотова, налил по стопке, откуда-то вытащил бутерброды и, под далеко не хрустальный звон, сказал:

– Успеха тебе. Будь таким же честным и деятельным. И прости. Зря я вчера шуманул. Понадоблюсь – заходи. Мы обнялись и с этим расстались.

И еще два раза видел я его – живого, веселого, когда поздравлял со званием генерал-майора, и когда, через недолгие годы, провожал его на вечный покой. Подвело его сердце. Но не в сражении за освобождение города от блокады и защите его от «мессеров» – в небе свободном, ленинградском, не существовало блокады для крыльев его славных соколов. А начало оно его подводить тогда, когда это сердце заставила переживать унижительную блокаду и опошление побед, подвигов героев Ленинграда столичная преступная камарилья.

Итак, я снова в Управлении военной контрразведки ЛенВО. Иду со старшим оперуполномоченным Отдела кадров

Гавриловым на представление (а я считаю, на переговоры) к начальнику Управления.

Генерал-майор С.П. Карандашов, назначенный вместо П.И. Ивашутина, моложавый, подвижный человек, потерявший уже шевелюру, но без единой морщинки на лице, с молодыми глазами, встречает меня, поднявшись из-за стола и двигаясь навстречу:

– Здравствуйте, здравствуйте, «блудный сын», – улыбаясь, шутит, подавая руку.

Я так же, полушутливо отвечаю:

– Не столько я «блудный сын», сколько Ваши и бывшие мои начальники оказались заблудшими, товарищ генерал.

Карандашов смеется:

– Грубовато, но верно, подполковник. Ну, что ж, присаживайтесь. Я слышал, что те «заблудшие» уже получили положенное. Не будем о них.

Гаврилов кладет перед ним на стол мое личное дело, поверх «объективку», как раньше называли короткую анкету, и несколько писем.

Генерал, не открывая дела, внимательно читает эти приложения. Затем, повернув ко мне простое, доброе, русское лицо, как-то по-хорошему смотрит в глаза и говорит:

– Да, досталось Вам, Борис Михайлович. Но дело прошлое. Мне сказали, что Вы возвращаетесь в *alma Mater* без особой охоты. Понимаю Вас. Очень хорошо понимаю. Но мы солдаты. Наши Игнатьев, Епишев, Ваш Соколовский приказали вернуться. Куда нам с Вами деться? Единственное, чем могу огорчить – это тем, что, хотя Ваши протесты и отзывались на нас приказом найти Вам место в нашем Управлении, но мест начальников отделения у нас все же нет. Ведь Вы были последнее время здесь начальником первого отделения первого отдела:

Я согласно киваю головой.

– Так вот, первое занято другим офицером, хорошим работником. Не снимать же его сейчас? Есть у нас одно свободное место, но не начальника отделения, а фактически

заместителя начальника, хотя заместителя в какой-то мере своеобразного – с функциями и зарплатой и всем прочим нач. отделения, как, впрочем, мы его и числим, хотя отделений-то в этом отделе просто нет. Как Вы смотрите, если мы Вас назначим в 4-е отделение (или 4-й отдел) – это по военно-морскому флоту, но ведь работа-то та же самая?

– А в чем же, все-таки, своеобразие, Сергей Петрович?

– А в том, – снова улыбнулся Карандашов, – что начальник Четвертого, полковник Утянов, считается вроде и моим заместителем по военно-морским делам. Так что, Вы практически будете как бы заместителем заместителя начальника Управления. Во как! Считаюсь по положению начальником отделения, которого в структуре отдела нет. А фактически, как и в любом из отделений, будете почти единоличным хозяином, поскольку Вам-то заместитель не положен. Другого постоянного места не вижу. Его просто нет. Или же в другой округ. Но Вы же отказались.

Что было делать? Выбирать было не из чего. Да и вариант был не такой уж неприемлемый. Дал согласие.

– Тогда считаем вопрос решенным, – уже по-деловому заключил Карандашов. – Вы, – обратился к Гаврилову, – сегодня же проведите приказом и представьте полковнику Утянову, как только возвратится из Таллина. Он там в командировке, – пояснил мне. – Ну, а Вы переоблачайтесь в морскую форму. У нас ее носит весь четвертый отдел. Команду хозяйственникам дам. Желаю успеха! – И пожав мне руку, проводил до двери.

Так, без большого желания, но с удовлетворением от победы, возвратился я на круги своя.

Широкое окно кабинета снова смотрит на Литейный проспект. Глухо, из-за плотно закрытых рам, слышится скрежет колес трамвая. И изредка, с треском выстрелов, сверкают секундные вспышки света при отрыве от проводов трамвайной дуги.

Уже редкие, запоздавшие и замерзшие листья пролетают мимо окна, падают наземь. Неохотно, один за другим

поднимаются, завихренные зимним ветром. Летят за угол, на улицу Воинова. Листья не люди. В свой положенный срок оторвались от родных ветвей. Им безразлично, занесет ли их ветер на светлую гладь величавой Невы или на наезженные «воронками» камни бывшей Шпалерной улицы. В любом случае это не будет ни злым умыслом, ни «ошибкой».

Послесловие.

14 декабря 1953 года мне вручили пропуск–приглашение на суд над Абакумовым и его подручными по «Ленинградскому делу» после того, как в Москве был арестован и расстрелян Берия. Открытое судебное заседание состоялось в Ленинградском доме офицеров – там же, где 4 года назад несправедное судилище над А.А. Кузнецовым, Н.А. Вознесенским, П.Г. Родионовым, П.С. Попковым и другими якобы членами придуманной извергами «антипартийной группой». Судилище, после вынесения коим приговора, последний был приведен в исполнение всего через полтора часа во избежание обжалования.

На процесс я не пошел. Не хотел видеть физиономии подонков, сгубивших столько людей, заливших мужественный город–герой слезами и кровью. Мне достаточно было узнать, что этих палачей не миновала та же высшая мера наказания. Стало известно, что в Москве по таким же изуверским делам осуждены и расстреляны заместители министра Гоглидзе, Кабулов, Рюмин. Не избежали судебной кары Врядий, Бударев и другие приспешники незаконных деяний.

* * *

С одной из этих гнусных фамилий невольно пришлось встретиться еще раз в моей судьбе.

Через много лет, когда я уже был начальником военной контрразведки Отдельной армии, позвонил какой–то офицер Управления кадров КГБ СССР:

-- Борис Михайлович, Вы были лично знакомы с Гоглидзе?

- Нет, никогда его не видел. А почему возник вопрос?

- Да вот, на одном из Ваших писем мы нашли резолюцию: «Увольнению не подлежал. Восстановить. Гоглидзе». Чем это можно объяснить?

- А Вы спросите об этом у него, – иронически ответил я.

На том конце провода рассмеялись:

- Видимо, когда после Абакумова стали сажать заместителей, они начали, как говорится, «подчищать хвосты»? Не так ли?

- Возможно и так, – ответил я ему, а сам подумал: «Нашли бы эту резолюцию, когда арестовали Гоглидзе. Куда бы повернулась моя судьба при таком защитничке?»

г. Ленинград
1964-1968 г.г. ... »

Глава 2

О службе Б.М. Пидемского из
книг других авторов

«В поединке с Абвером»

Ниже приведены две главы из книги – Богданова А.А., Власова Г.Г., Иванова Б.И. и др. **«В поединке с абвером»**; М. Воениздат 1968 г. 304 с., с илл. Твердый переплет, Обычный формат.

В главе «Перед прорывом блокады» рассказывается о деятельности особого отдела Ленинградского фронта пол командованием генерал-майора А.С. Быстрова, его заместителя – полковника И.Я. Лоркиша, в составе которого проходил службу и Б.М. Пидемский.

В главе «Особое задание» рассказывается, как сотрудниками особого отдела был разоблачен и перевербован немецкий агент, имевший задание убить командующего фронтом генерал-лейтенанта артиллерии, впоследствии Маршала Советского Союза, Л.А. Говорова.

Борис Михайлович непосредственно участвовал в данной контрразведывательной операции вместе со старшим лейтенантом П.Д. Бабиковым.

Перед прорывом блокады

Летом 1942 года командование группы армий «Норд» стало готовиться к новому наступлению, рассчитывая взять Ленинград штурмом. Началась концентрация немецко-фашистских войск в районе Мги, Тосна. В июле под Ленинградом появились части 11-й немецкой армии, прибывшие из-под Севастополя.

Советское Верховное главнокомандование приняло необходимые меры, чтобы сорвать очередную попытку гитлеровцев захватить Ленинград.

В июне был восстановлен Волховский фронт. Командующим Ленинградским фронтом был назначен генерал-лейтенант артиллерии, впоследствии Маршал Советского Союза, Л.А. Говоров. В Ленинград для воинских частей фронта стали прибывать через Ладогу пополнение, новая техника, горючее, боеприпасы.

Во второй половине 1942 года ряд соединений Ленинградского и Волховского фронтов развернули наступательные операции против гитлеровских войск, окружавших город на Неве. Бои в районе Ивановского, Ям-Ижоры, захват плацдарма на левом берегу Невы, напротив Невской Дубровки, который был утрачен в апреле 1942 года, операции под Синявином упреждали попытки гитлеровцев перейти в наступление, были хорошей боевой школой для воинов обоих фронтов, позволяли накопить нужные сведения о немецко-фашистских войсках под Ленинградом.

По указанию Ставки Верховного главнокомандования Ленинградский и Волховский фронты стали готовиться к операции по прорыву блокады. Обстановка для этого складывалась благополучно. Войска Северо-Западного фронта отвлекли от Ленинграда силы 16-й германской армии. Из-под Ленинграда на юг, где советские войска

усилили сопротивление гитлеровцам, в октябре убили некоторые части 11-й германской армии. 19 ноября 1942 года советские войска перешли под Сталинградом в решительное контрнаступление и окружили двадцать две отборные дивизии врага. Однако гитлеровцы продолжали держать под Ленинградом крупную группировку своих войск.

Для участия в операции по прорыву блокады командованием Ленинградского фронта в октябре 1942 года была создана на базе войск Невской оперативной группы 67-я армия. Она приступила к подготовке наступления юго-западнее Шлиссельбурга. Навстречу ей из района южнее Ладожского озера должны были двинуться части 2-й ударной армии Волховского фронта. Наступлению предшествовала большая и всесторонняя подготовка всех родов войск.

Готовились к операции и армейские чекисты. Летом 1942 года в руководстве особым отделом произошли изменения. После перевода в Центр П.Т. Куприна начальником особого отдела Ленинградского фронта был назначен генерал-майор А.С. Быстров, его заместителем – полковник И.Я. Лоркиш. Осенью А.С. Быстров на совещании руководящего состава особых отделов армий и дивизий сообщил, что, по информации Центра, противник при отступлении под Москвой и на других участках советско-германского фронта оставлял на нашей территории агентуру, давая ей задание внедряться в Красную Армию. Эти данные Центра подтверждались фактами проникновения агентов абвера в части Ленинградского фронта. Вражеских лазутчиков удалось выявить в составе нового пополнения, прибывавшего в Ленинград летом 1942 года через Ладожское озеро.

Знание форм и методов работы гитлеровской разведки помогли чекистам Ленинградского фронта С.И. Шадарову, Б.М. Пидемскому, В.А. Кропачеву, А.А. Макарову, Г.Ф. Трубину, В.А. Лебедеву разоблачить ряд фашистских агентов, проникших в запасные и распределительные части, во

фронтовые госпитали. Опытная военная разведка врага использовала любую возможность для засылки своей агентуры в советские войска. Известны отдельные случаи, когда фашистские разведчики при отступлении оставляли на поле боя своих агентов с предварительно нанесенными им легкими огнестрельными ранениями. Гитлеровцы стремились использовать в своих интересах нашу особую заботу о раненых.

Такого вражеского агента, который пытался проникнуть в Красную Армию, инсценировав ранение в бою, разоблачила в одном из военных госпиталей фронта лейтенант Е.А. Логинова. В начале войны Екатерина Алексеевна, ныне преподаватель, кандидат педагогических наук, была переводчицей в особом отделе дивизии, а затем оперативным сотрудником.

В дни войны в органах контрразведки Ленинградского фронта работало немало женщин. Чекисты – ветераны войны тепло вспоминают сотрудниц М.П. Никитину, О.Г. Ляпченко, Е.А. Логинову, Д.П. Половинкину, Е.А. Тихомирову, Е.П. Григорьеву и других. Они умело выполняли оперативные задания, много и плодотворно трудились на порученных им участках.

Незадолго до начала боев по прорыву блокады командующий Ленинградским фронтом генерал Л.А. Говоров поставил перед особым отделом фронта задачу – ни в коем случае не допустить, чтобы враг узнал что-либо о подготовке наступления. Было ясно, что достаточно одному агенту пробраться с такого рода сведениями к противнику, и тщательно подготовленная операция окажется под угрозой срыва.

– Вряд ли вы можете ручаться, что в передовых частях нет ни одного вражеского лазутчика, – говорил Л.А. Говоров начальнику особого отдела фронта. – Следовательно, ваша задача состоит в том, чтобы такие лазутчики, если они есть,

не узнали о дате наступления, а тем более, чтобы они не смогли об этом сообщить противнику.

Особый отдел 67-й армии вначале возглавлял полковник А.А. Исаков. Через некоторое время его сменил полковник М.П. Недрига, скромный и вдумчивый руководитель (в первые месяцы войны он был начальником особого отдела Ленинградской армии народного ополчения).

Расскажем об одной из попыток абверовской агентуры предупредить своих хозяев о готовившемся наступлении.

В артиллерийский полк 67-й армии в составе нового пополнения с Большой земли прибыл рядовой Степан Буравкин. О нем было известно, что он колхозник и что в действующей армии служил с первых дней войны. В октябре 1941 года к району Великих Лук Буравкин попал в плен. Затем он оказался у себя на родине, в Торопецком районе Калининской области. В феврале 1942 года, после освобождения района от фашистских захватчиков, был снова призван в Красную Армию.

В артиллерийской батарее, куда Буравкина зачислили, солдат исправно выполнял свои обязанности. В дни, когда полк получил приказ начать подготовку к наступлению и в лесу на правом берегу Невы начали сосредотачиваться прибывавшие в 67-ю армию новые части, Буравкин обратился к старшине батареи.

– Похоже, скоро в бой, – сказал он. – Хочу подать рапорт о переводе в стрелковый полк. Буду мстить фашистам в рукопашном бою за кровь и муки советских людей.

Вскоре Буравкин стал проситься уже в разведку. Ему отказали: не было необходимости переводить артиллериста, прошедшего специальную подготовку, в часть иного назначения.

Не отличавшийся общительным характером солдат стал еще более хмурым, сосредоточенным. Он мало говорил и в то

же время внимательно прислушивался к разговорам о начавшемся передвижении войск и подготовке к прорыву блокады Ленинграда, завязывал знакомства с солдатами частей, прибывавших в район расположения полка.

О поведении Буравкина контрразведчик полка старший лейтенант И.В. Васильев доложил заместителю начальника особого отдела 67-й армии подполковнику Д.Д. Таевере. Последовал телеграфный запрос в Калинин: как вел себя Буравкин, находясь на оккупированной врагом территории?

Как-то после ужина Буравкин вышел из землянка. Прошел час. Солдат не возвращался. Встревоженный командир отделения отправился искать его, осмотрел все вокруг, заглянул в соседние землянки. Буравкина нигде не было. Об этом сразу же сообщили в штаб полка, в особый отдел...

Наши войска были сосредоточены в окопах передовой линии на правом берегу Невы, гитлеровцы – на левом. Днем нейтральная полоса хорошо просматривалась, любая ее точка находилась под прицелом. Ночью на невиском льду располагалось боевое охранение. Никто не смог бы незамеченным перейти реку.

Подполковник Таевере приказал старшему лейтенанту Васильеву искать Буравкина в расположении полка и в соседних частях, а сам установил связь с командиром батальона охраны особого отдела фронта подполковником А.Т. Корячкиным.

В последние ночи перед наступлением боевое охранение было усилено секретами пограничников из этого батальона. Вскоре выяснилось, что один из секретов задержал Буравкина.

– Я шел во второй дивизион, к красноармейцу Сизову. Мы с ним познакомились, когда ехали на Ленинградский фронт, – спокойно заявил Буравкин на допросе.

- Кто вам разрешил уйти из подразделения?
- Никто. Я готов понести за это наказание.
- Вас задержали на льду Невы. На другом берегу ее – противник. Куда вы направлялись?
- Я уже сказал: в соседний дивизион. Может быть, в темноте по ошибке свернул немного в сторону.

На следующий день допрос задержанного продолжался. Он твердо стоял на своем. И лишь после того как чекисты познакомили его с текстом телеграммы, поступившей из Калинина, Буравкин сник. В телеграмме говорилось: «При расследовании установленных фактов предательства получены данные о сотрудничестве Буравкина с фашистскими карательными органами, материалы высланы почтой».

Вот что рассказал Буравкин чекистам о своих преступлениях.

Попав в плен, он сообщил гитлеровцам все, что знал о 117-й дивизии, в которой служил до пленения. Видя готовность пленного на все, фашисты предложили ему поступить в карательный отряд, формируемый для борьбы с партизанами. Буравкин согласился. Через некоторое время его отпустили домой, к семье, но поручили выявлять коммунистов, комсомольцев и других советских патриотов, боровшихся против захватчиков. Буравкин исправно выполнял обязанности провокатора.

– Ну, а дальше что? – настаивал, допрашивая его, Васильев. – Кто вас вызывал перед отступлением фашистов на Центральном фронте? Какое вам дали задание?

Буравкин вскинул на старшего лейтенанта тревожный взгляд:

- И об этом знаете?

– Рассказывайте! – строго сказал Васильев. Он знал одно: гитлеровцы очень часто работали по шаблону.

– Ну, вызвал меня комендант, к которому я ходил по вечерам, – признался Буравкин. – Там был какой-то немец, офицер. Говорит, ' германские войска выравнивают линию фронта, временно отступают, а потом начнут генеральное наступление на Москву...

– Предложил остаться и пойти в Красную Армию?

– Предложил. Говорит, ты верный слуга фюрера и должен завоевать доверие комиссаров и чекистов. Разрешил даже ругать их, гитлеровцев.

– Разрешил? – усмехнувшись, переспросил Васильев.

– Разрешил, – подтвердил Буравкин и пояснил:– Чтобы, значит, завоевать у вас доверие,

– Да, понимаю. Дальше.

– А дальше, значит, когда русские войска получают приказ наступать, ты, говорит, должен перейти линию фронта и предупредить нас. Сумеешь выполнить задачу– получишь от фюрера награду: надел земли и участок леса в собственность. Хозяин, говорит, будешь, бауэр...

– Бауэр? – иронизируя, опять переспросил Васильев.

– Бауэр,–повторил Буравкин.

– Подлец ты, Буравкин, – не сдержался Васильев. – Не пощадит тебя трибунал.

Трибунал не пощадил Буравкина.

12 января 1943 года Ленинградский и Волховский фронты неожиданно для противника перешли в наступление, 18 января части 67-й и 2-й ударной армий после ожесточенных боев, нанеся крупное поражение частям 18-й германской армии, соединились. Вражеское кольцо блокады было прорвано. Город Ленина получил сухопутную связь со

страной. Фронт восстановил важнейшую коммуникацию, открыл дорогу эшелонам с продовольствием для населения Ленинграда и оборонявших его войск, с топливом и сырьем для фабрик и заводов.

Контрразведчики фронта принимали активное участие в боях по прорыву блокады. Храбрыми воинами показали себя Д.Д. Терешин, награжденный за доблесть и мужество орденом Ленина, чекисты П.К. Антипов, Т.А. Наливайченко, Н.Ф. Суханов, А.И. Комшилов, Н.П. Никонов, Н.П. Галкин, Г.А. Рудоквас, Ф.А. Бурмистров, Н.И. Дианов, М.Н. Соболев и другие.

В наступлении участвовали батальон пограничников особого отдела фронта и рота охраны особого отдела 67-й армии (командовал ротой старший лейтенант А.Н. Монахов). Храбро сражались бойцы-пограничники. Многие из них были потом награждены орденами и медалями. Ордена Красного Знамени удостоился командир отделения старший сержант П.Я. Курников, который вступил в единоборство с немецким тяжелым танком, подорвал его и взял в плен экипаж.

Рота охраны особого отдела 67-й армии была известна еще и тем, что бойцы ее, по инициативе заместителя начальника отдела подполковника Д.Д. Таевере и командира роты А.Н. Монахова – мастера стрелкового спорта, включились в снайперское движение. В свободное от нарядов время они выходили на передний край для «охоты» за гитлеровцами. Сотни фашистских солдат истребила снайперская рота за короткое время.

* * *

Особое задание

В 1943 году, оправившись от понесенных им потерь, враг вновь пытался концентрировать войска на мгинско-

синявинском направлении. Ожесточенные бои, то затихая, то усиливаясь, продолжались на этом участке несколько недель. В сентябре войска 67-й армии овладели Синявином и отбросили гитлеровцев к юго-западу. Летом и осенью сорок третьего года органы абвера при группе германских армий «Норд» продолжали интенсивную подготовку и заброску шпионов и диверсантов в войска и тылы Ленинградского и Волховского фронтов. Вражеские разведорганы расширили круг сведений, которые они стремились выведать. Вот какую программу разработали они для группы агентов, выброшенных в районе Вологды с задачей проникнуть в Ленинград и осесть там. Шпионы должны были собирать и передавать по радио сведения: о дислокации в Ленинграде штабов воинских частей и соединений; о составе подводного флота на Балтике и местах базирования подводных лодок; о численности паровозного парка ленинградского железнодорожного узла; о расположении действующих заводов и фабрик, выпускаемой ими продукции, а также о ложных заводах, – замаскированных под действующие; о материальном положении и политико-моральном состоянии населения города.

Абвер направлял лазутчиков, в распоряжение войск Ленинградского фронта не только для шпионажа и диверсий. Наиболее доверенные, прошедшие индивидуальную подготовку агенты засылались в Ленинград, как я в Москву, в одиночном порядке, с особыми, тщательно засекреченными заданиями.

Старший лейтенант П.Д. Бабилов работал в группе офицеров особого отдела при штабе Ленинградского фронта. В задачу группы входило ограждать штаб фронта от происков гитлеровской разведки. В чекистские органы старший лейтенант пришел в конце 1939 года из вуза, ныне именуемого Ленинградским институтом культуры имени Н.К. Крупской. Энергичный, собранный, он быстро освоился с новым делом и со временем стал опытным

контрразведчиком. Честный, самоотверженный работник, скромный, душевный товарищ – таким помнят его фронтовые друзья. Петр Дмитриевич погиб в бою под Нарвой в марте 1944 года.

В один из майских дней 1943 года старший лейтенант Бабилов зашел в бюро пропусков штаба фронта на Дворцовой площади и присел к столу помощника коменданта старшего лейтенанта Н.Н. Иванова. На плечах Бабилова красовались только что введенные в армии погоны. На боку висела объемистая полевая сумка. Вместе со служебными бумагами в ней Бабилов носил том «Войны и мира»: Петр Дмитриевич был большим книголюбом.

– Поскольку вы, Николай Николаевич, отвечаете за выдачу пропусков в помещение штаба, – сказал он Иванову, – я хотел бы обратить ваше внимание на этот документ. – Порывшись в своей «походной канцелярии», Бабилов протянул Иванову удостоверение личности начальствующего состава РККА: – Что вы можете сказать о нем?

Пригладив ладонью тронутые сединой волосы, помощник коменданта (он был призван из запаса в первый день войны) внимательно рассмотрел удостоверение и вскинул глаза на Бабилова:

– Документ как документ.

– А между тем он отобран у фашистского шпиона, заброшенного на самолете из Пскова в район Вологды с заданием проникнуть в Ленинград. И, судя по некоторым признакам, изготовлен немецкой разведкой.

– Ловко сработано! – невольно вырвалось у Иванова.

Достав из кармана свое удостоверение, он принялся сверять его с фиктивным документом.

– Как две капли воды. Никакой разницы...

– А разница, между прочим, есть, – сказал Бабилов. – Вот смотрите. На этой страничке, на второй снизу пунктирной линии, отсутствует одна точка. А на обороте в третьей строке не отпечатались нижняя левая черточка у буквы «д».

– Верно, – согласился Иванов. – Но сразу этих мелочей и не заметишь.

– Прошу вас именно на них обращать особое внимание...

Как позже выяснилось, в то самое время, когда чекист беседовал с помощником коменданта штаба Ленинградского фронта, в одном из домов оккупированного гитлеровцами Пскова, где размещалась абвер-команда 204, разговаривали два человека.

– Считаю необходимым, – назидательно говорил по-русски полный капитан немецкой армии своему собеседнику, одетому в форму лейтенанта Красной Армии, – еще раз напомнить, что главное – не дать заподозрить себя. Действуйте смело, решительно, я бы сказал – нахально.

– Документы надежны? – осведомился лейтенант.

– Бесспорно. Единственная трудность – разузнать шифр. Но с вашей находчивостью это не проблема, – польстил капитан своему собеседнику.

С наступлением темноты капитан отвез лейтенанта на аэродром. Прощаясь, напомнил:

– Не забывайте, что здесь остались ваши близкие – мать и брат...

Лейтенант приземлился на опушке леса. Он обрезал стропы, собрал и закопал парашют. Когда рассвело, выбрался на проселочную дорогу и за полчаса дошел до деревни Ермакове. Он знал, что от Ермакова до Череповца примерно восемьдесят пять километров. На попутной машине, щедро заплатив шоферу, офицер в полдень приехал в Череповец. На вокзале он некоторое время присматривался к пассажирам.

Его внимание привлек безусый связист со знаками различия младшего лейтенанта, оживленно рассказывавший окружающим о жизни в Ленинграде. Улучив время, приезжий заговорил с младшим лейтенантом, познакомился с ним и, предложив вместе выпить и закусить, достал хлеб, лук, флягу со спиртом.

– Это же богатство! – обрадовался связист. – Лук да еще спирт. А у меня колбаса «второй фронт»...

Через полчаса они были приятелями. Неизвестный как бы между прочим сказал:

– Еду из госпиталя домой, в Ленинград, да не знаю, какие порядки на Ладогe. Меня ведь, раненого, самолетом вывезли.

– Расскажу, – пообещал разговорчивый собеседник, аппетитно закусывая луковицей. – Я раз пять переправлялся.

Рано утром 28 мая лейтенант без осложнений прибыл в Ленинград и направился на Васильевский остров к знакомой девушке. Около двенадцати часов он появился на Дворцовой площади, в бюро пропусков штаба Ленинградского фронта, и попросил помощника коменданта выслушать его наедине. Чуть волнуясь, доложил:

– Я из глубокой разведки. Мне необходимо срочно попасть к командующему фронтом.

Старший лейтенант Иванов отлично знал, что кабинет командующего находится не в здании штаба, а в Смольном, однако он не упомянул об этом и спросил у посетителя документы. Лейтенант предъявил командировочное предписание.

– А удостоверение личности?

Лейтенант отстегнул сначала левый карман гимнастерки, потом правый, тут же снова потянулся к левому, достал удостоверение, подал его помощнику коменданта.

«Лейтенант Савинков Иван Михайлович», – прочел тот. Удостоверение было совсем новеньким. Внимательно рассматривая его, Иванов заметил, что оно содержит некоторые признаки фиктивного документа, о которых ему говорил контрразведчик.

«Неужели шпион»? – подумал старший лейтенант и, мельком взглянув в лицо рослого лейтенанта, как бы между прочим спросил:

– Значит, вы из разведки?

– Я уже об этом сказал, – с легким раздражением ответил тот.

– Тогда вам следует пройти в разведотдел штаба фронта.

– Нет, нет, мне нужен только генерал Говоров. Вы не беспокойтесь, наган я сдам. А вас очень прошу выписать пропуск или провести меня к командующему.

– Хорошо, – согласился Иванов, – будет сделано.

Савинков устало опустил на диван. Иванов вышел в соседнюю комнату к дежурному по бюро пропусков сержанту, быстро набросал короткую записку и шепотом приказал:

– Немедленно разыщите нашего контрразведчика и передайте ему это.

– Слушаюсь! – ответил сержант, стремительно вставая. По тону начальника он понял, что это поручение особой важности.

Войдя через минуту к себе, Иванов заметил, что лейтенант сидит на диване, полузакрыв глаза, всем своим видом давая понять, что не желает разговаривать.

Вскоре раздался телефонный звонок. Иванов сказал Савинкову:

– Вас ждет адъютант командующего. Я провожу. И они прошли... в кабинет сотрудников контрразведки.

Здесь были Бабилов и его старший товарищ по службе капитан Л.Б. Гайсин. Обращаясь к нему, Иванов доложил:

– Товарищ капитан! Лейтенант просит записать на прием к командующему фронтом. Вот его документы.

– По какому вопросу? – спросил контрразведчик, рассматривая удостоверение Савинкова.

– Я прибыл из глубокой разведки. О результатах доложу командующему лично сам. Если положено, сдам оружие.

– Примите оружие, товарищ Бабилов, – распорядился капитан.

Старший лейтенант вплотную подошел к Савинкову и, беря наган, второй рукой чуть коснулся заднего кармана брюк.

– Другого оружия нет? – спросил Гайсин.

– Нет, – ответил Савинков.

– Есть! – резко возразил Бабилов.

– Изъять! Бабилов и подскочивший к нему Иванов извлекли из кармана брюк «лейтенанта» заряженный пистолет. Один патрон находился в канале ствола. При обыске у задержанного были также обнаружены различные фиктивные документы, чистые бланки с печатями, солидная пачка советских денег.

– Игра окончена, – спокойно сказал капитан.–. Перед вами контрразведчики фронта.

– Понятно, – глухо проговорил Савинков.

– Кто вы и с какой целью хотели лично видеть командующего Ленинградским фронтом?

– Я шел, чтобы передать командующему сведения о противнике, которые имею при себе.

– Допустим. Но почему с оружием?

– Я не возражал сдать его.

– Вы говорили о нагане, а о поставленном на боевой взвод пистолете в потайном кармане предпочли умолчать. Почему?

Савинков безмолвствовал. Не ответил он на этот вопрос и потом, хотя в своей причастности к Абверу признался быстро: улики были слишком красноречивы.

...Сотруднику абверкоманды 204 в Пскове капитану Мартинкусу доложили, что с передовой доставлен советский лейтенант, командир взвода автоматчиков 56-й отдельной морской стрелковой бригады, без сопротивления сдавшийся в плен с оружием в руках. На допросе он сообщил немецким офицерам все, что знал о своей части, и отдал им свой орден Красной Звезды. Лейтенант изъявил желание поступить в «русскую освободительную армию» Власова. До начала войны он жил в Пскове с матерью и младшим братом, работал киномехаником.

Капитан Мартинкус заинтересовался перебежчиком. Утром в своем кабинете он уже беседовал с ним.

– Что влечет вас к власовцам? – спросил Мартинкус.

– Свобода действий. Свобода от надоевшей морали. То нельзя, это нельзя... У меня давно зародилась мысль уйти в партизаны, создать свой отряд, никому не подчиняться и принимать боевые решения не по приказам сверху, а самому. Хотел воевать против вас, но раз попал к вам, то могу и против большевиков. Только самостоятельно.

– Широкая натура, – усмехнувшись, сказал Мартинкус, а про себя решил: «Если родные этого анархиста живут в Пскове, я заставлю его ходить по струнке».

Мартинкус лично проверил Версию перебежчика о родных, живущих в Пскове, сам побывал у его матери и брата и на очередной беседе заявил:

– Так вот, вместо службы в армии генерала Власова предлагаю вам более интересное дело – разведку.

Лейтенант немного подумал и согласился. Мартинкус решил польстить ему:

– Я уверен: вы можете стать известным человеком,

Он предложил лейтенанту избрать псевдоним, чтобы скрыть от окружающих свое настоящее имя. Не удалось установить, случайно это произошло или преднамеренно, но факт остается фактом: с этого дня новоиспеченный агент абвера стал носить имя Савинкова – известного эсера-авантюриста, организатора террористических актов, одного из злейших врагов Советского государства, в свое время пойманного чекистами.

Агента стали готовить в индивидуальном порядке. Мартинкус занимался Савинковым сам, периодически докладывал, как подвигается дело, начальнику абверкоманды 204 полковнику фон Эшвингеру...

За проявленную бдительность и находчивость при задержании фашистского лазутчика Военный совет фронта наградил старшего лейтенанта И.Н. Иванова орденом Красной Звезды, а молодого офицера контрразведки П.Д. Бабикова – медалью «За боевые заслуги».

* * *

Иосиф Яковлевич Лоркиш

«Невидимые бои»

От автора

В осажденном городе и на Ленинградском фронте чекистам пришлось вести борьбу с многочисленными гитлеровскими разведывательными и контр-разведывательными службами: с абвером – военной разведкой, со службой безопасности, с гестапо. Основные силы этих разведок действовали на советско-германском фронте.

Как известно, в начальный период войны ленинградским контрразведчикам, как и чекистам других фронтов, пришлось вступить в тяжелую борьбу с вражеской агентурой, преодолевая огромные трудности.

На Ленинградском фронте мне довелось встретиться и работать рука об руку со старейшими, опытными чекистами – учениками Феликса Эдмундовича Дзержинского, возглавлявшими крупные подразделения контрразведки. Это генерал-майор А. А. Исаков, генерал-майор Ф.И. Гусев, полковники Д.Г. Гончаров, Д.И. Марков, И.С. Качалов, З.Л. Канторович и другие. Эти люди свято чтили славные традиции «железного Феликса» и воспитывали на них молодые чекистские кадры.

Героизм и отвагу в борьбе с вражеской разведкой на Ленинградском фронте и в осажденном городе проявили работники органов контрразведки Ленинграда и особых отделов фронта. Большой вклад в дело разоблачения и ликвидации фашистской агентуры внесли П. Соснихин, С. Брокарчук, Д. Таевере, Б. Лебин, Б. Пидемский, Г. Власов, Н. Павлов, А. Железняков, А. Евтюхин, А. Богданов, Ф. Веселов, Б. Иванов, В. Маковееenko, А. Овсянников, И. Авдзейко, И. Никуличев, А. Кадачигов, М. Клементьев, К. Карицкий, Л. Каменский, Н. Александров и многие, многие другие. Всех, к сожалению, я перечислить не могу, но все они заслуживают, чтобы сказать о них хорошее, теплое слово.

В осажденном Ленинграде, выполняя указания и задания Областного и Городского комитетов партии и Военного Совета фронта, согласованно действовали военная контрразведка, территориальные и транспортные органы госбезопасности и пограничники, охранявшие тыл, возглавляемые генерал-лейтенантом Г. Степановым. Большую поддержку контрразведке оказывала Ленинградская милиция, руководимая комиссаром Е. Грушко. И, конечно, неоценимой была помощь советских людей. Без этой самоотверженной помощи защитников и трудящихся Ленинграда чекисты не могли бы так успешно справляться со сложными и тяжелыми задачами.

Выражаю сердечную признательность за помощь в работе над книгой генерал-майору В.Т. Шумилу, полковнику Н.Н. Кошелеву и подполковнику А.Г. Лобанову.

И. Лоркиш

* * *

Вот что пишет об этой книге журналист и писатель, заслуженный работник культуры Российской Федерации, президент международной ассоциации писателей-баталистов и маринистов Санкт-Петербурга. член Союза

писателей России полковник А.Ф. Пинчук в очерке «Один из тех, кто...» в газете «На страже Родины» (март 2003 г.).

«...Я уже чувствую, как ужимаются возможности газетного очерка, а еще ничего не сказано об участии контрразведчика в период блокады в разработке и обезвреживании засланной в Ленинград шпионской группы, свившей явочное гнездо на Большой Пушкарской улице. Тоже сюжет для повести.

Впрочем, именно об этом написал повесть опытный чекист – заместитель начальника контрразведки фронта генерал-майор И.Я. Лоркиш. Книга вышла в «Лениздате» еще в 1967 году стотысячным тиражом. Работе Пидемского в этой книге посвящены целые главы.

Не менее драматичен сюжет, связанный с розыском и задержанием немецкого шпиона, засланного к нам накануне победы германским разведорганом «Цепеллин» в расчете на оседание, то есть на годы после войны.

Хочется верить, что Борис Михайлович сам использует этот крутой детективный сюжет для своей новой книги. Там есть все: и мозговые атаки, и засады, и побег с погоней, и трагические развязки. Читаться будет на одном дыхании...».

Пристанка для шпиона

АНАТОЛИЙ АГРАФЕНИН

14.12.2017 г.

В домашней библиотеке Бориса Михайловича хранился тяжелый черный том – «Книга памяти». В нем перечислялись имена героически погибших защитников Невского пятачка. Среди тысяч фамилий была отмечена и его – капитана Пидемского.

Есть примета: тот, кого похоронили заживо, до ста лет доживет...

Тяжело раненного на Невском пятачке, его удалось выходить. Но как ни рвался он после госпиталя на передовую, руководство оставило его в Ленинграде. Старший политрук Пидемский возглавил группу контрразведчиков Особого отдела Ленинградского фронта. Шел февраль 1942 года.

АБВЕР ПРОТИВ ЛЕНИНГРАДА

На попечении Особого отдела находились все госпитали Ленинграда. А насчитывалось их 327. Это были не только бывшие больницы, но и наскоро переоборудованные гостиницы, школы, клубы. Тысячи медиков, десятки, а то и сотни тысяч раненых.

Немцы, взяв Ленинград в блокадное кольцо, ни на день не оставляли попыток захватить его. Фашистская военная разведка – абвер – обложила город своими базами. Двенадцать разведшкол, где подготовка диверсантов была поставлена на поток. Лазутчиков забрасывали сотнями: по

воздуху с парашютом, ползком через линию фронта. А кого-то фашисты умышленно увечили и полуживыми подбрасывали к нашим окопам, надеясь внедрить через госпитали.

В годы войны каждый мечтал стать героем

– Фашистскую разведку интересовало все, – рассказывал Пидемский. – Наша система обороны, координаты госпиталей, предприятий, баз продовольствия, армейских складов. Немцы хотели все знать о физическом и моральном духе ленинградцев, живущих в условиях нехватки продуктов.

С вражескими агентами вели борьбу не только чекисты, на нее звали все население.

ПАЧКИ ЛИСТОВОК

Началась служба Пидемского в Ленинграде с ЧП. В одном из госпиталей в туалете нашли фашистские листовки, призывающие сдаваться в плен. Такие «пропуска» немцы огромными тиражами разбрасывали в прифронтовой полосе. Красноармейцы даже просто брать их в руки брезговали, а тут кто-то принес целую пачку.

Брошюры с призывами сдаваться в плен разбрасывали в блокированном Ленинграде не только немцы, но и их союзники финны.

Попутно выяснилось, что у главврача пропали бланки справок о выписке. Руководитель госпиталя постоянно находился в разъездах, поэтому для срочных случаев заготовил экземпляры с подписями и печатями. Он не мог с уверенностью сказать, сколько пропало, но утверждал, «что пачка стала тоньше». Чекисты начали сопоставлять и анализировать факты. Очевидно, что лазутчик - кто-то из сотрудников, раненые в кабинет главврача попасть не могут. Тогда еще никто не мог предположить, что происшествие в туалете станет началом большой операции, получившей в дальнейшем название «Приманка».

ПЕРЕСТРЕЛКА В ЛАХТЕ

В дни блокады чекисты жили там же, где и работали, - в Большом доме на Литейном. На ночь на полу между письменными столами расстилали матрасы.

Немудрено, что информация о любом происшествии быстро распространялась среди сослуживцев. В районе Лемболовских озер удалось запеленговать радиостанцию. Не успели чекисты обсудить, какая там до войны была рыбалка, как поступила новая информация: ночью в Лахте произошла перестрелка между патрулем и неизвестными. Неизвестные тяжело ранены. По документам наши – офицеры и сержант. Отчего открыли огонь? Может, приняли патруль за вражеский десант? Начали тщательно изучать документы. И сразу стало очевидно – это липа.- Немцы при всей своей аккуратности и педантичности документы готовили достаточно небрежно, – вспоминал Борис Михайлович. – То на доли миллиметра буквы в строчках сдвинуты, то на литере или цифре нет какого-нибудь микроскопического дефекта. Однажды в книжке красноармейца на отметке «м. п.» – место для печати – после одной из букв не было точки. Если смотреть внимательно, подделка обязательно выявится. А еще фашистские агенты регулярно «горели» на скрепках. В наших документах они, простые железные, быстро ржавели, а в немецких оцинкованные – блестели, как новенькие...

Из лахтинской троицы выжил только «сержант». Среди его бумаг нашли предписания из госпиталя – того самого, где обнаружили листовки. Пока чекисты из другого отдела допрашивали «сержанта», Пидемский работал в госпитале. Отметая вариант за вариантом, он в итоге вышел на некую Зинаиду. Она была секретаршей главврача, но перешла на новое место работы. Жила на Большой Пушкарской. Соседка по коммунальной квартире отметила одну странность: Зинаида неожиданно страстно увлеклась фотографией...

А когда соседям показали снимки лахтинских неизвестных, в одном из них опознали мужа Зинаиды. Эти факты уже позволяли предметно говорить с «сержантом».

– Диверсанты могут держаться долго, пока у вас нет доказательств, – вспоминал Пидемский. – Но как только появилась хоть какая-то зацепка, их охватывает паника, ведь они не знают, насколько вы осведомлены. И наступает перелом – спасая свою жизнь, лазутчики готовы рассказать все.

«Сержант» оказался радистом группы. Признался, что рацию оставили в коммуналке на Большой Пушкарской. Наступал момент истины.

Борис Пидемский во времена Великой Отечественной и 75 лет спустя с будущим руководителем военной контрразведки. РФ Юрьевым Н.П.

ПИНГ-ПОНГ АГЕНТОВ

Зинаида и «сержант» – мелкие предатели. У них не было ни контактов с другими группами, ни выходов на тех, кто планирует операции абвера. Нужно было заманить в Ленинград шпиона покрупнее. С этой целью в Псков, где располагался один из центров немецкой разведки, переправили нашего агента. Он должен был рассказать, как по чистой случайности погиб руководитель диверсионной группы. А радист и завербованная Зина, успевшие собрать ценный материал, оказались в растерянности.

Миссия удалась, вскоре в Ленинград прибыл такой шпион. Через него чекистам удалось разоблачить несколько групп, а вместо них создать свою, подставную, регулярно снабжавшую фашистов выгодными советскому командованию сведениями.

– Шел постоянный пинг-понг агентов, – вспоминал Пидемский. – Мы засылали абверовцам перевербованных нами агентов. Немцы направляли проверки, которые нужно было водить за нос, а затем, увы, выпускать...

Эта «игра» продолжалась все два с половиной года блокады. Я убежден, что половину успеха операций по прорыву блокады и полному разгрому фашистов под Ленинградом обеспечили действия контрразведчиков.

Борис Пидемский служил в КГБ до середины 1960-х. Заочно окончил исторический факультет университета, после выхода в отставку возглавлял ленинградские издательства «Советский художник» и «Аврора». В начале 2000-х он написал книгу «Под стук метронома», в которой рассказал о некоторых подробностях своей службы в годы блокады. Не стало Бориса Михайловича на исходе нынешнего лета. Было ему 99 лет.

Кстати:

По данным Бориса Пидемского, в годы блокады в Ленинграде было разоблачено около 3000 вражеских шпионов и диверсантов.

1276 офицеров контрразведки погибли на фронтах и в блокированном Ленинграде.

«Комсомольская правда», 13.12.2017 г.

* * *

Сохранившиеся фото Пидежского Б.М.
военного времени в семейном архиве

1937 г.

1938 г.

1941 г.

1942 г.

1947 г.

1950 г.

1951 г.

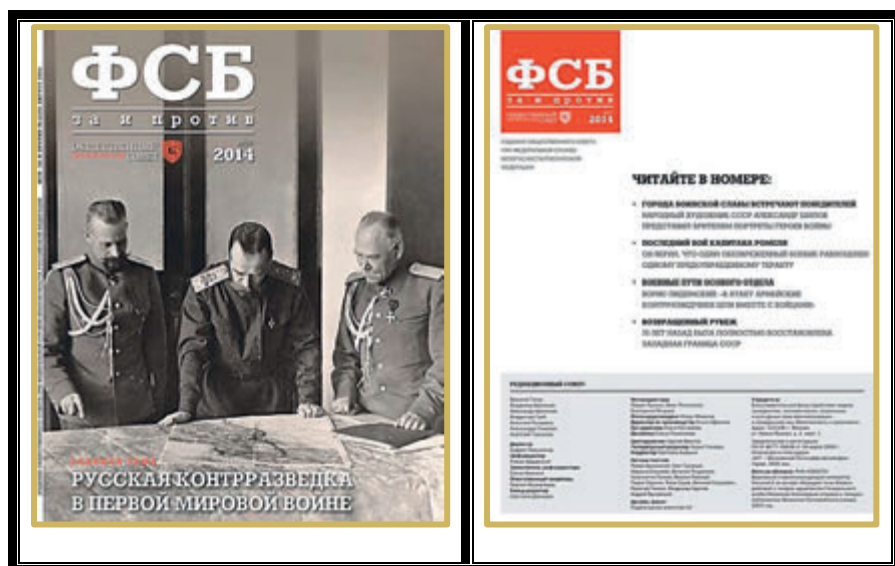

Глава 3

О своей жизни и биографии... (Из интервью Бориса Михайловича)

Борис Михайлович Пидемский не чурался журналистов, всегда шёл им на встречу, охотно отвечал на вопросы, никогда не избегал острых тем.

Наиболее профессионально получилось интервью, данное Борисом Михайловичем журналу «ФСБ – За и против» № 4 за 2014 г., издаваемому Общественным Советом при Федеральной службе безопасности РФ. Мы его публикуем в книге полностью.

ОБЛОЖКА ЖУРНАЛА ФСБ: ЗА И ПРОТИВ
№ 4 (32) АВГУСТ 2014, стр. 54-64

Военные пути особого отдела

БОРИС ПИДЕМСКИЙ: «В АТАКУ АРМЕЙСКИЕ КОНТРРАЗВЕДЧИКИ ШЛИ ВМЕСТЕ С БОЙЦАМИ»

МЕДИК, ВОЕННЫЙ КОНТРРАЗВЕДЧИК, ЖУРНАЛИСТ, ПИСАТЕЛЬ, ОСНОВАТЕЛЬ ПРОСЛАВЛЕННОГО ВО МНОГИХ СТРАНАХ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АВРОРА» – ТАКОВЫ ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ БОРИСА МИХАЙЛОВИЧА ПИДЕМСКОГО. А ЕЩЕ ЗА ЕГО ПЛЕЧАМИ ДВЕ ВОЙНЫ, РАНЕНИЯ, УЧАСТИЕ В КРОВОПРОЛИТНЕЙШИХ БОЯХ НА НЕВСКОМ ПЯТАЧКЕ, ГДЕ СЧЕТ ЖИЗНИ ИЗМЕРЯЛСЯ НЕ СУТКАМИ – ЧАСАМИ И МИНУТАМИ... О МНОГОМ ИЗ ПЕРЕЖИТОГО БОРИС ПИДЕМСКИЙ РАССКАЗАЛ В СВОЕЙ КНИГЕ «ПОД СТУК МЕТРОНОМА», ОЧЕРЕДНОЕ ИЗДАНИЕ КОТОРОЙ ВЫШЛО В СВЕТ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА ПРИ ФСБ РОССИИ. НО ВОЕННАЯ И ПОСЛЕВОЕННАЯ БИОГРАФИЯ БОРИСА МИХАЙЛОВИЧА ТАКОВА, ЧТО МОЖЕТ ПОСЛУЖИТЬ ОСНОВОЙ МНОЖЕСТВУ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ: В НЕЙ И БОЕВЫЕ ПОДВИГИ, И НЕОБОСНОВАННАЯ ОПАЛА В КОНЦЕ 1940-х, И ДАЛЕКО НЕ РЯДОВЫЕ СВЕРШЕНИЯ В ИНТЕРЕСАХ ГОСУДАРСТВА В МИРНОЕ ВРЕМЯ.

БЕСЕДОВАЛ: Роман АРШАНСКИЙ
ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

От медицины до контрразведки

Борис Михайлович, даже читая Вашу биографическую справку, видно, насколько уникальная у Вас судьба?...

Дело не в уникальности, а в том, что уже слишком мало нас, прошедших Великую Отечественную, осталось. Единицы. Биография у меня, конечно, длинная. Родился в селе Петропавловское в Кирилловском уезде Вологодчины. Это была глушь, медвежий угол в буквальном смысле. Медведи в деревни приходили частенько. После окончания семилетки (это уже было в Белозерском районе) поступил в медицинский техникум в Череповце. Почему в медицинский? Очень просто. У меня родители медики. Думал, куда поступать после техникума. Остановился на Военно-медицинской академии. А перед выпуском к нам приехали три больших начальника из Ленинграда, из Управления погранвойск НКВД.

120

Предложили выпускникам добровольно досрочно пойти на службу в войска. Отбирали достойных. А надо сказать, что в те годы среди молодежи, да и не только, почетными профессиями считались летчик, полярник, пограничник. Дети играли в Карацупу.

Заявление подали 22 студента. Семерых, в том числе и меня, взяли. Хотя мне в 1937-м еще не было и восемнадцати. В Ленинград нас привезли, не дожидаясь дипломов. Их позже прислали из техникума. Так сделали из нас военных медиков.

Для сегодняшнего поколения 1937 год, про который Вы рассказываете, ассоциируется с мрачными страницами в истории страны – усилением репрессий, шпиономанией...

Мы об этом не знали абсолютно ничего. И не ощущали. В начале 1930-х, когда было раскулачивание, я еще мальчишкой один раз видел в окно, как выселяли так называемого кулака. А в 1937-м такие факты наглядными и оглашаемыми не были.

Перед отправкой в погранвойска спросили, в какой округ хотели бы попасть. Романтики мы были: я попросился в Туркестан, потому что там еще доколачивали басмачей. Дали нам неделю отдыха.

БОРИС МИХАЙЛОВИЧ ПИДЕМСКИЙ

В Ленинграде тогда только что пошел троллейбус, и мы в новенькой форме пограничников, с блестящими знаками Эскулапа на зеленых петлицах, катались на нем до конечной и обратно, на девушек заглядывались. Через неделю пригласили за назначением. Кто хотел в Ленинградский округ – попал в Туркестан или на Дальний Восток; кто в Туркестан – в Ленинградский. Моя комендатура была на самой границе с Эстонией.

Там решал медицинские задачи: объезжал заставы, делал прививки пограничникам, оказывал лечебную помощь... Примерно через год мне присвоили звание военфельдшера (сегодня это лейтенант медслужбы) и перевели с повышением на должность старшего лекпома (Лекарский помощник - в значении помощник врача. – *Прим. ред.*) в войсках по охране железнодорожных сооружений. Это тоже НКВД, но уже не погранслужба. Не без сожаления сменил зеленые петлицы, уже не только со знаком Эскулапа, но и с двумя «кубарями». В обслуживании была, по сути, вся Октябрьская железная дорога. У всех крупных мостов были гарнизоны, по ним и ездил. Потом началась Финская война. Меня направили обслуживать бронепоезд. Бронепоезд был маленький, но на нем был врач, фельдшеры и медсестры. Вскоре после моего прибытия с бронепоездом случилось непредвиденное. Финны сумели демонтировать пути с двух сторон от поезда на сложном участке. Катайся, как хочешь... Нас всех разбросали по разным полкам. Так что прослужил я на нем трое суток. По завершении финской кампании был возвращен в свои войска – 100-й железнодорожный полк. В день заключения мира полк уже был под Выборгом (тогда Виипури). Кстати, мало кому известен факт: когда объявили, что война закончена, наши «умники»-артиллеристы всей своей мощью давай крыть по Выборгу, уже перешедшему нам по договору. Покалечили город сильно!

В этом был какой-то смысл?

Думаю, чтобы все снаряды израсходовать на противника. Короче, когда мы вошли, Выборг горел. Здание, переданное нашему полку, было у вокзала. Раньше в нем находился какой-то шведский банк. Вызывает меня командир полка. Оказывается, в этом здании обнаружили финскую аптеку.

Спрашивает: «Фармакологию проходил?» Ответил, что сдал на четверку. «Ну, так вот, – говорит он, – будешь начальником аптеки полка. Никому мы найденное не отдадим, станешь снабжать наши гарнизоны по дорогам перешейка».

Финские названия на лекарствах не смущали?

Многие я знал по запаху, вкусу, в остальных было легко разбираться, поскольку названия написаны были на латыни. У нас в техникуме латынь крепко преподавали. Но там не только лекарства оказались. Приехали ко мне друзья-лекомы. Вытащили ящик, а в нем красивые банки, внутри что-то оранжевое. А вдруг ядовитое? Решили попробовать. На спичках гадали – кому первому. «Ребята, вкусно, сладко», – говорит первый. Оказалось, патока высшего сорта.

Критерии отбора

В конце 1940 года вызвал меня комиссар: «У тебя же загрузка не так велика, как у других, а парень ты толковый – выбираем тебя секретарем «первички» парторганизации штаба полка». Так работал до 13 марта 1941 года, когда меня вызвал в очередной раз – а бывал я у него часто – комиссар. Чувствую по голосу – вызов какой-то особенный. Прихожу, сидит рядом с ним неизвестный подполковник и не в нашей форме. Комиссар говорит: «Будем, Борис, с тобой прощаться. Завтра прибыть тебе в Ленинград, на Литейный, 6, получить пропуск в 3-й отдел Ленинградского военного округа. Там будешь дальше проходить службу». И вручает мне командировочное. На следующее утро приехал я в Ленинград. Поднимаюсь с пропуском на 6-й этаж. А там еще человек 15 таких же ребят стоят. У одного петлицы воздушных сил, у другого –

артиллеристские, третий – моряк... Все командированные, и никто не знает, что такое 3-й отдел. Ждем в зале.

ВОЕННЫЕ ХИРУРГИ ОПЕРИРУЮТ РАНЕНОГО БОЙЦА

Входят двое с ромбами в петлицах (высший начсостав) и один полковник. Старший обращается к нам: «Вы, товарищи, рекомендованы командованием и политотделами Вооруженных сил на работу в 3-й отдел. Третий отдел – это военная контрразведка. Ее задача – обеспечение государственной безопасности в войсках». Я думаю: «Нормально, медики здесь тоже нужны, значит, буду и в 3-м отделе медиком». Оказывается, ничего подобного. «Все вы будете заниматься оперативной работой», – добавил начальник. Именно тогда, от него впервые, я услышал слово «ежовщина». Дело в том, сказал он, что серьезной задачей сейчас во всех органах госбезопасности является ликвидация последствий «ежовщины». И рассказал нам, что в недавнем прошлом допускалось много несправедливых арестов, расстрелов невинных людей и прочее, прочее. До этого момента, повторяю, никто из нас не знал об этом. Да, кого-то там за что-то арестовали... Это нигде не обсуждалось, а семьям арестованных говорить об этом было запрещено. Поэтому всю эту массовую поганую кампанию удавалось сохранять в тайне. Большинство населения не знало ни о произволе,

ни о масштабах репрессий, творимых властями. К тому же печать, кино, радио – все безудержно восхваляли работу чекистов, якобы охранявших законность и разоблачавших заговоры и отдельных «врагов народа», вербуемых иноразведками. Призывали к бдительности. Палач Ежов был в фаворе. Назывался сталинским наркомом.

После ликвидации Ежова, серьезной чистки органов и военной контрразведки была поставлена задача: подобрать новые кадры. Как-то начальник отдела кадров Особого отдела ЛенВО Карнаухов

Против нашего фронта действовали около 40 разведывательных и контрразведывательных органов противника, 11 разведшкол абвера и «Цеппелина». И почти во все школы во время войны была внедрена наша агентура

познакомил меня с записью инструктажа по подбору новых сотрудников в контрразведку, полученного им в ЦК ВКП(б) в 1940 году. В документе говорилось о том, что надлежит «подбирать совместно с командованием на чекистскую работу в Третьих отделах округов и армий командиров и начальников, а также сержантов из членов ВКП(б), отличившихся в боевой и политической подготовке, достаточно образованных, особенно в марксистско-ленинской теории, интеллектуально развитых, обладающих высокими морально-нравственными качествами, с уравновешенным характером, не болтливых, волевых, примерных в воинской дисциплине». По этим критериям тогда и подбирали. Когда сегодняшние фальсификаторы пишут, что особисты, военные контрразведчики, на фронте издевались, пытали людей, расстреливали без суда и следствия, а главное, незаконно, – все это чушь. Нас бы самих за это отправили под трибунал. Мы остерегались

применять излишнюю грубость к задержанным. Правда, это, как оказалось, не очень коснулось самых верхов.

Служба в 3-м отделе началась с учебы?

Нет, началась с переодевания. Форму войск НКВД заменили на общевойсковую, армейскую. Предложили мне вместо медицинской эмблемы на петлицы приколоть еще по одному квадратику. Объявили, что присвоено воинское звание – политрук. Третьи отделы, как впоследствии и «Смерш», находились в подчинении не НКВД и не НКГБ, а Наркомата обороны. Начальники и оперсостав Третьих отделов в войсках по всем вопросам воинской службы подчинялись комиссарам соединений. Только по агентурной работе руководство было за органами 3-го Управления НКО.

Месяц после назначения в контрразведку мы сидели и подшивали уже завершенные дела оперативных разработок. Одновременно знакомясь с их документами, усваивали методы оперативной работы. Консультировались при этом у старослужащих. И это была неплохая учеба. Кроме того, с нами проводили занятия типа семинаров.

После этого мне было сказано: «Пойдете, политрук, оперативно обслуживать Центральный военный госпиталь. Туда же временно направляем вам опытного руководителя капитана Воронова».

И я начал работать в госпитале. Воронов был хорошим наставником. Открыли сейф, там до 40 проверочных дел и разработок на сотрудников госпиталя. В госпитале, правда, до 600 человек персонала. Мы рассматривали каждое дело. Решали, что надо допроверить или уже вынести заключение: дело прекратить. В результате у нас осталось шесть или семь дел для дополнительной проверки.

К примеру, было так. Начальник терапевтического отделения – опытный врач. Фамилию, конечно, не помню, но была югославская. Смотрим, на каком основании заведено дело. Всего лишь на основании выписки из следственного дела бывшего начальника Главного медицинского управления Красной армии Баранова. Выписка из его показаний, что этот врач – английский шпион, резидент, и список составлен якобы им завербованных. Семнадцатый в списке – наш «югослав». Баранов, конечно, ни за что был расстрелян в 1938-м. Изучаем все документы, агентурные данные, заявления сослуживцев, близко знавших его людей: все характеризуют врача, как замечательного человека и гражданина, преданного советской власти. Что прикажете делать? Выносим заключение: дело прекратить, предать сожжению. Везем, докладываем начальству. Начальник 3-го отдела читает, берет карандаш и пишет: «Утверждаю». Едем обратно. По акту бросаем дело в печку.

В архив не сдавали, уничтожали?

В печку. Мы сожгли приблизительно 30 таких дел. В архив сдавали те, что могли пригодиться при возникновении вопросов, касавшихся их инициаторов.

Начало лихолетья

Как Вы встретили войну?

Довольно спокойно. С уверенностью в скорой победе. Утром 22 июня весь оперативный состав был вызван в 3-й отдел ЛенВО. Начальник отдела полковник Сиднев спокойно информировал об обстановке, введении военного положения. Потребовал не допустить в гарнизонах паники. Совместно с командованием

обеспечить исполнение мобилизационных планов о развертывании частей и тайны их содержания. Активизировать разработку лиц, подозреваемых в шпионаже, измене Родине, враждебных намерениях. Подготовить документы на санкцию прокурора о тех, чья преступная деятельность уже не вызывает сомнения и будет доказана. После недолгого инструктажа разъехались по своим объектам исполнять указания. В голове, помню как сейчас, была одна мысль: «Зарвались, гады-фашисты! Ну и дадим мы им прикурить!»

24 июня был образован Северный фронт. А в июле Третьи отделы НКО преобразованы в Особые отделы НКВД. Особый отдел Северного фронта возглавил комиссар госбезопасности III ранга Павел Тихонович Куприн, бывший до этого начальником УНКГБ по Ленинградской области.

Я с работы в госпитале был переведен в Особый отдел фронта, усиливший разработку дел по шпионажу и организацию зафронтовой работы. А в первых числах сентября было создано Шестое отделение, в функции которого входили только борьба со шпионажем, подготовка и переброска через фронт агентуры для внедрения в школы абвера. Дела по шпионажу из других отделений были переданы в Шестое. Туда же, наряду с другими сотрудниками, был назначен и я.

Против нашего фронта действовали около 40 разведывательных и контрразведывательных органов противника, 11 разведшкол абвера и «Цеппелина» (Разведывательно-диверсионный орган гитлеровской Германии – *Прим. ред.*).

И почти во все школы во время войны была внедрена наша агентура. Военная контрразведка фронта работала по 104, 204 и 304-й абверкомандам.

**ВИД НА НЕВСКИЙ ПЯТАЧОК – ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПЛАЦДАРМ ЗАЩИТНИКОВ ЛЕНИНГРАДА В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

❓ Как Вы попали на Невский пяточок?

8 сентября 1941 года немцы, взяв Шлиссельбург, замкнули блокаду Ленинграда. Для населения и войск Ленфронта, в том числе и для военной контрразведки, не стало более важной задачи, чем деблокирование города.

В начале октября вызывает меня замначальника Особого отдела Исаков. Говорит: «В районе Лесного готовится ответственное соединение. Пойдет на левый берег Невы прорывать блокаду. На Неве уже идут бои. В дивизии нет оперработника в отдельном батальоне связи. От этого батальона, в условиях переправы, зависит успех дивизии. Поезжай в батальон, тщательно поработай с людьми, кого надо – вербуй. Потом доложишь. Сам пойдешь с батальоном, куда поведут – до конечной цели. По прибытии доложишь там начальнику Особого отдела Оперативной группы. Там сейчас полковник Качалов. Вы

знакомы, – и добавил, – ты не трус. Плавать умеешь? Переправы не боишься? Нет? Вот и хорошо. Сдашь батальон и возвратишься сюда. Желаю успеха».

Командир 20-й стрелковой дивизии НКВД полковник Иванов и комбат майор Зюлимов приняли меня хорошо. Создали все условия для работы. Сообщили, что личный состав дивизии в большинстве коммунисты и комсомольцы, городской партактив, пограничники, милиционеры, работники пожарной охраны, курсанты училищ. Рвутся в бой.

Недели две мне потребовалось, чтобы завершить оперативные задачи. Пешим строем 13-й отдельный батальон связи в составе дивизии двинулся к Неве. Остановились на сутки в лесу в районе Манушкино, в двух километрах от Невской Дубровки. Получили приказ о наступлении. И наша двадцатая ночью пошла переправляться на «пяточок». На двадцать второй день боев дивизии уже не стало. Из 9 тысяч осталось 785 человек, включая тыловые службы. Когда через шквальный огонь наша лодка достигла левого берега и в его откосах я нашел Особый отдел, меня, вместо возвращения в Ленинград, назначили уполномоченным в 8-й полк дивизии, потому что был убит предшественник, а заменить его было нечем. Много наших ребят погибло. Меня Бог миловал – только ранило и контузило.

Это когда Вы пулю в колено получили?

Нет, пуля была раньше, в конце июля. Мы вдвоем с замначальника отделения Володей Герасимовым перебрасывали в районе Кингисеппа агента для внедрения в абвер. Должны были его сопровождать, пока не убедимся, что он попал живым к немцам. Договорились с командиром полка, что он откроет в 23 часа отвлекающий

огонь на левом фланге. Вроде разведки боем. А мы тихонько проползем на правом. Поползли – нет никакого огня. Агент ушел. И мы в воронке слышим: «Хенде хох»! Ну, все... Агент там кричит что-то по-немецки. В общем жив. Поползли обратно, а огня на левом все еще нет. И нас, а может быть наши тени, немцы заметили. Начали стрелять.

Я почувствовал удар в колено. Острой боли не было, а как будто обухом топора огрели. Шепчу: «Володя, меня, кажется, ранило!» Он ругнулся, подхватил меня под руку, и добрались до нашей траншеи.

Оказалось, комполка сменился, а новому о договоренности не сказал. Пуля во мне до сих пор сидит. Застряла в кости. Решили ее не удалять. Поковылял с полмесяца на костылях. Рана затянулась.

А 27 октября уже был на Невском пятакке. Но вот однажды ночью, после атаки, легли отдохнуть, а снаряд прошел под накаты и разорвался в блиндаже. Помню одно: очнулся от страшной боли в голове, и круги перед глазами. Хватаюсь за голову и чувствую что-то теплое, вязкое, с извилинами – мозг! Первая мысль: неужели есть тот свет? Мозг в руке – а я еще жив! Вновь отключился.

Очнулся уже на свежем воздухе. Бойцы прорвались в блиндаж и вынесли раненых командира полка, комиссара, меня и убитых – начальника штаба и начальника связи. У меня к волосам, оказалось, приклеился мозг одного из них. Мне повезло, хотя и лежал с ними рядом.

За Невский пятакоч у Вас награды есть?

Да, медаль «За отвагу». И я эту медаль ценю больше, чем орден.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФРОНТ, 1941 ГОД

Точные потери наших войск на «пяточке» до сих пор неизвестны?

Погибло по официальным данным более 200 тысяч. Почему такие потери, понятно.

Во-первых, более трагичного, страшного плацдарма Ленфронт не знал. По тем же данным, на два квадратных километра обрушивалось в сутки до 50 000 мин, снарядов, авиабомб. Мало кто знает, что на месте оголенного ныне «пяточка» было село Московская Дубровка в 117 домов, в сосновом бору. Не осталось не только построек, но даже корней деревьев, фундаментов. Горело все, как и трупы бойцов, которых хоронили друзья в стенках окопов, но их

вырывало снарядами и разрывало на куски. Русский поэт Александр Прокофьев точно написал: «Здесь млел закат и кроме, как в воронки, снарядам негде было падать здесь». Горела почва совсем содержимым. После войны 12 лет на «пяточке» не росла трава. Первые годы земля по ночам светилась слабым фиолетовым цветом. Сгоревшая почва возрождалась годами фактически из пепла, золы и праха павших солдат. К этому непризанному погосту можно вполне отнести и слова Максима Горького, хотя они по другому поводу: «Там каждая горсть земли – это прах ваших дедов».

Во-вторых, у нас не было достаточного артиллерийского прикрытия с правого берега. На «пяточке» только легкие орудия и легкие танки. Их быстро выводили из строя. Лишь в конце операции удалось переправить 7 танков «КВ». Немцы все топили на переправах, 600-метровую ширь Невы мы преодолевали под прицельным огнем и в ледоход. Шла шуга. До левого берега доходила лишь четвертая-пятая лодка. Плавсредств не хватало. И наконец, на взятом плацдарме 2 километра по фронту и 600 метров в глубину сосредотачивалось до 11 дивизий, бригад и несколько отдельных полков. И это не по воле местных командующих. Я позволю себе прочесть Вам несколько распоряжений «верхов»: «23 октября. 3 часа 35 минут. По прямому проводу. «Федюнинскому. Жданову. Кузнецову. Если вы в течение нескольких дней не прорвете фронта и не восстановите прочной связи с 54-й армией, все ваши воиска будут взяты в плен. Мы требуем от вас решительных и быстрых действий. Сосредоточьте дивизий 8 или 10 и прорвитесь на восток. Это необходимо и на тот случай, если Ленинград будет удержан и на случай сдачи Ленинграда. Для нас армия важнее. Требуем от вас решительных действий. Сталин».

«8 ноября. Жданов – Сталину. На левый берег мы переправили еще 5 лучших дивизий. В 168 и 20 стрелковой дивизии НКВД после 3–4-дневного боя осталось по 200–300 человек. Но пока ни дезертирств, ни уклонения от боя мы не имели».

На доклад 25 ноября командующего 54-й армией Федюнинского в Генштаб Василевскому, что «на направлении главного удара существенных изменений не произошло. Танки «КВ» мы переправить не смогли» Василевский отвечает: «Товарищ Сталин приказал мне вновь передать военному совету фронта его категорическое требование ускорить наступление и прорыв на восток. Он категорически требует усилить восточную группу войск, предназначенную для прорыва, до максимума сосредоточить здесь не менее 10-ти или даже 12-ти стрелковых дивизий за счет других участков фронта...»

Это несоответствие для боевого развертывания нескольких дивизий условиям мизерного плацдарма с ежедневными многократными атаками и контратаками десятков полков против гитлеровцев, обладавших преимуществом в технике, огневой мощи, укрытых насыпями и бетонной громадой разрушенной электростанции,

способствовало большим потерям. При героическом поведении бойцов и командиров отборных войск, направляемых в

На счету моей опергруппы было восемь агентов абвера. А в начале 1945 года перехвачен и агент «Цеппелина», выписавшийся из псковского госпиталя

Невскую оперативную группу (НОГ), и при редчайших случаях их паники в этой схватке среди командования НОГ

бывала растерянность и почти паническое настроение после угроз из Москвы и с фронта. Это доводило до нелепых приказов.

Вот, к примеру, одно из боевых распоряжений командующего НОГ Конькова: «Приказываю частям группы 1-й, 20-й, 86-й, 115-й, 168-й, 177-й, 265-й дивизий и 1-й стрелковой бригады окопаться на достигнутых рубежах 01.11.1941... Категорически воспрещаю возвращаться частям к исходному положению в окопы, откуда начинали атаку. Наступление организовать цепями (представляете, 12 дивизий цепями! – Б.П.) с тем, чтобы командиры и политруки, лично ведя подразделение в атаку, видели всех бойцов, организовав сзади прикрытие из отдельных бойцов и командиров для борьбы с трусами и изменниками родины» (№ 28 от 1 ноября 1941 г.).

❓ Людей было столько, что им и отступить было некуда...

Вот именно. Кстати, Коньков был генерал опытный. Сам командовал дивизией, бравшей «пяточок». Знал по себе, как там можно «атаковать цепями» или «окапываться в бою на рубежах», которых не было, и при этом на носу у противника. А вот приказы и разгоны сверху сбивали и его, как говорят, с панталыку. Об этом говорил мне после войны сам Владимир Федорович Коньков.

❓ Но были все же в такой обстановке на поле боя отдельные паникеры или случаи паники? Как Вы реагировали?

Повторяю, вопреки опасениям, это случалось очень редко. То ли из-за коллективного порыва «раздавить фрицев», то ли уже из создавшейся уверенности, что отсюда живым не возвратишься и надо продать свою жизнь подороже. У меня лично было такое чувство.

Конечно, были спонтанные случаи трусости, когда от страха голова не работала. Был такой случай. Бегут в окопе навстречу мне человек пятьдесят. Становлюсь поперек траншеи: «Куда бежим?!». Кричат: «А там немцы, немцы!» Одним словом, паника. Я ору: «Стой! А вы что, с французами пришли воевать?! – и крепким словом – В чем дело?». Оказывается, у новых винтовок Симонова песок забивал затворы. Приказал всем немедленно сесть и прочистить. Затем кричу: «За мной!». И все помчались. Вышибли немцев из траншеи.

Военная контрразведка, особенно времен «Смерша», внесла очень важный вклад в победу. И захватом агентуры противника, и помощью войсковым операциям. Речь идет не только о контрразведке как таковой. Армейские контрразведчики старались быть на переднем крае, ходили в атаку вместе с частями. Если командира убивало, принимали командование ротой, батальоном, даже полком. Вели людей в бой, спасали раненых. Делали это абсолют-но добровольно. Было так и здесь, и на других фронтах. Если бы отсиживались в блиндажах, доверия бы к нам не было.

Брать живыми

❓ После Невского пятачка служили в Ленинграде?

Да. Всю блокаду. После «пятачка» назначили старшим уполномоченным на опергруппу при фронтовом эвакуопункте ФЭП-50, которому подчинялись более 100 госпиталей, размещенных во всех гостиницах, учебных заведениях, ресторанах. На несколько госпиталей назначался один оперработник. Кстати, именно в госпиталях немало находили немецких агентов. У абвера одним из излюбленных методов была переброска

агентуры под видом раненых. На счету моей опергруппы было восемь агентов абвера. А в начале 1945 года перехвачен и агент «Цеппелина», выписавшийся из псковского госпиталя. Было немало и других каналов переброски, в том числе и «Дорога жизни». У входа в штаб фронта на Дворцовой площади был захвачен офицером «Смерша» агент-террорист, посланный убить командующего фронтом. По приговору военного трибунала был расстрелян. Одних шпионов арестовывали, других перевербовывали и возвращали в разведцентры.

Тех, кто сами сдавались?

В основном, да. Но было много и тех, кого разоблачали. В одном из госпиталей уполномоченный Тюхина задержала раненую женщину, опасного агента абвера. А попалась она, как и многие, на неосведомленности об общеизвестных событиях на фронтах, а также из-за липовых документов, отпечатанных в германской разведке.

Силовое задержание часто применялось?

Нет, почти не было. Если со стрельбой, то не возьмешь, а убьешь. А задача была – взять живыми, чтоб пригодились. А были случаи предательства, измены в самой контрразведке фронта или округа? Знаю единственный случай. С образованием 6-го отделения начальником назначили капитана госбезопасности Поварова из Москвы. Бодренький толстячок, живчик, изрядно трусливый, рассказывал, что в Москву перевелся

через оккупированную Украину. Работал в 3-м управлении. Чем он нам не понравился, так это хвастовством и ухваткам – теми, о которых предупреждали нас, говоря о «ежовщине». Случилось, что из-за большого наплыва в Ленинград беженцев из Псковской и

Ленинградской областей, из Эстонии и использования абвером этого потока для заброски агентуры сотрудники всех органов госбезопасности привлекались к работе по их фильтрации. Мы с уполномоченным Иваном Ревиным проверяли на фильтропункте документы и опрашивали беженцев из Эстонии. Два парня с созвучными фамилиями Сепп и Лепп предъявили нам комсомольские билеты, но не имели паспортов и путались в объяснении их утраты. Мы доложили Поварову. Получили приказание везти их для допроса в «Большой дом». Привезли, допросили в своей рабочей комнате, убедились в их правдивости, честности. Я иду к Поварову. Доложил, что надо ребят освободить. В ответ услышал мат и крик: «Не умеете работать! Сепп да Лепп – и не шпионы?! Сам допрошу!» Со мной идет в комнату. А у нас там винтовки стояли в шкафах. Вынимает шомпол, подходит к одному из эстонцев, кричит: «Будешь признаваться, что ты шпион?» Тот говорит: «Нет». Тогда Поваров бьет его шомполом по спине. У нас с Ревиным волосы дыбом! Выскочили из комнаты и к секретарю парткома Пьянову. «Слушай, Пьянов, наш начальник нарушает соцзаконность: бьет проверяемого. Выбивает показания, что он шпион». Пьянов вначале не поверил, но все же позвонил заместителю начальника Особого отдела Ивану Степановичу Качалову (тому, который потом был в НОГ). Тот говорит о нас: «Пусть приходят». Пришли, рассказали. Качалов обещал разобраться. Когда вернулись к себе, там уже никого не было. Поваров уже куда-то ребят отправил. Через день его заместитель Петро Жур возвратился с доклада от Поварова. Мы спрашиваем: «Как он там, после нашей жалобы?» Отвечает: «Ходит, как зверь, из угла в угол: «Я этих бухгалтеров и «фершалов» выгоню!»

? А чем история с эстонцами и Поваровым закончилась?

Эстонцев больше никто не задерживал. А Поваров?.. Забегая вперед, расскажу. Отлежав месяц в госпитале после ранения и контузии на «пяточке», я пешочком с палкой побрел в «Большой дом». Где только можно, отдыхал на крылечках. Хотелось очень есть, ведь блокада была в самом разгаре. Пришел в кадры к Карнаухову. «Ну и хорош! – поприветствовал он – Никуда тебя, доходягу, посылать не буду, здесь поработаешь». Я говорю: «Только не возвращайте меня в 6-е к Поварову». Он в ответ: «К Поварову не возвращись, как бы его самого вернуть». И добавил: «После вашего с Ревиным доклада о его поступке генерал понизил его в должности и послал начальником 6-го отделения в 8-ю армию. А он там со списками зафронтовой агентуры армии махнул через фронт. Знаем, что в латвийском городе Стренчи, в разведшколе абвера преподает методы работы советской контрразведки». А финал такой. Мне рассказывали, что, когда немцы отступали, предателя схватили на Курляндском полуострове вместе с гестаповцами и повесили.

А я именно тогда был направлен на обеспечение ФЭП-50, а потом и всех управлений тыла фронта.

От «Смерша» до «Авроры»

? После войны у Вас случилась черная полоса, связанная с «Ленинградским делом»?

В 2009 году в журнале «Слово» опубликована моя повесть «Это был 1949-й год». В ней – все как было, ни убавить, ни добавить.

БОРИС ПИДЕМСКИЙ – ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА «АВРОРА»

Несмотря на это, Вы вернулись на службу и достаточно успешно...

Вернулся я с большой неохотой и лишь по приказу.

Во-первых, не хотел быть неблагодарным командованию 25-й воздушной истребительной армии. Оно подало мне руку помощи, заново призвав в Вооруженные Силы. Ведь я был уволен из органов без объяснения причин, и не на спецучет, а на общевоинский. В армии меня, майора запаса, назначили сразу на штатную должность полковника.

Помогли вскоре получить очередное звание подполковника, и уже за новую работу выразили благодарность начальника штаба ПВО страны. Были перспективы на будущее. Разрешили продолжать заочную учебу в вузе. Во-вторых, я не имел основания верить, что бесчинства в органах прекратились. Это был 1952-й год.

Когда Вы почувствовали тягу к литературному творчеству?

Задолго до войны. В Череповце печатался в газете «Коммунист», здесь – в «Вечернем Ленинграде». Сначала были маленькие заметки, потом статьи, очерки. Фельетоны в комсомольской «Смене». В дни армейской службы – в газете Ленинградского военного округа «На страже Родины», в газете 25-й ВИА «На боевом посту». Член Союза журналистов с 1980 года.

В 1950-х годах в журнале «Нева» и сборниках печатал авторские переводы стихов. Моя первая книга-альбом – «Война народная» (1995), вторая – «Поздней осенью 41-го» (2001). Эта книга и последовавший за ней сборник «Под стук метронома» вызвали ряд положительных рецензий.

Сборник издан тремя издательствами. Третье издание – в «Молодой гвардии» – благодаря Общественному совету при ФСБ России. Автор получил литературную премию. Стал членом Союза писателей России. Творческие связи с литераторами не оставлял и в период службы в военной контрразведке. В бытность мою начальником Особого отдела военно-морских академий и учебных заведений (1952–1957), а затем начальником Особого отдела 6-й отдельной армии ПВО (1957–1964) регулярно устраивал в этих отделах встречи с известными поэтами, на которые приглашалось и командование армии. Побывали с выступлениями у особистов Михаил Дудин, Сергей Орлов, Александр Решетов, Ольга Берггольд. Выступления сопровождалась выставками их книг.

❓ А как Вы оказались на издательской работе и долго ли ею занимались?

После 34 лет военной службы было еще 32 года издательской. А «оказался» очень просто. По увольнении в запас мне, учитывая гуманитарное образование (окончил Исторический факультет ЛГУ), предложили возглавить

ленинградское издательство «Советский художник», директор которого Балтун ушел на пенсию.

ОЛЬГА ФЕДОРОВНА БЕРГГОЛЬЦ НА ВСТРЕЧЕ С ВОЕННЫМИ КОНТРАЗВЕДЧИКАМИ 6-й АРМИИ ПВО

Согласился в надежде – освою! И вот почти анекдотическое вступление в должность. Прихожу в издательство, а редакторы – искусствovedы и художники, женщины, сидят на диване, смотрят косо, волнуются: «Как же это так? Полковник контрразведки, и к ним – директором! Повыгоняет! Заарестует!» Повеселели после «тронной» речи, когда сказал: «Если вы ожидаете, что буду вас чему-то учить, то ошибаетесь. Ничего в ваших художествах не понимаю. Научите – будем дружно работать». И сработались. Да еще как!

Через пару лет разработал предложения и проект создания первого в стране издательства художественной продукции на иностранных языках для интуристов и экспорта с реализацией за валюту. При поддержке обкома партии и ЦК КПСС, но при ожесточенном многомесячном сопротивлении председателя Комитета по печати, члена ЦК Михайлова, соглашавшегося с проектом, но не для Ленинграда, а для Москвы, удалось победить. Алексей Николаевич Косыгин подписал постановление Совета министров СССР о создании издательства «Аврора» в Ленинграде с филиалом в Москве.

Создание и руководство «Авророй» было возложено на его инициатора.

Издательство «Аврора» было уникальным. Выпускало издания на 11 языках по собраниям музеев СССР и зарубежных стран, по памятникам архитектуры, творчеству великих художников. Постепенно стало известным в мире. Получало высокие международные премии.

«Авроре» довелось стать инициатором и международной издательской кооперации с иносфирмами по созданию совместных изданий по искусству. Началась эта кооперация с печального казуса.

С какого?

В течение полутора лет мы договаривались с японским «Коданся» об издании для Японии уникального пятитомного альбома «Эрмитаж». Японцы настаивали на печати цветных репродукций в Японии, мы возражали, поскольку отдать слайды за границу означает дать возможность иностранцам беспощинно использовать их и для других изданий. Ведь Леонардо да Винчи и Рембрандту гонорары не платить. Договорились выпустить совместно. Авторство текста, редактирование японского текста, печать репродукций – в Ленинграде. Перевод на японский, печать текстов, оформление – в Токио. Репродукции шлем в листах. Японцы вырезают вручную каждую, наклеивают на паспарту. Начали работу. Для достижения факсимильной точности печати редакторы «Авроры» и цинкографы бегали по несколько раз в Эрмитаж корректировать оттиски по оригиналам. И снова начались неурядицы. Ящики с рукописью и репродукциями задержали таможенники в Находке. У «Авроры» еще не было права на заключение договоров с

инофирмами. Пришлось просить о помощи председателя «Межкниги» Юрия Леонова. Толковый мужик, он дал телеграфное разрешение на отправку. Пропустили. Однако когда 10 экземпляров роскошного пятитомника уже лежали на столе в «Авроре» и получили одобрение чудесного человека и руководителя Бориса Ивановича Стукалина (сменившего Михайлова в Госкомиздате), весть о самовольстве Пидемского от кого-то дошла до ЦК.

Вызвали меня на «ковер» к инструктору ЦК КПСС Севруку.

– «Как Вас угораздило, товарищ Пидемский, без нашего разрешения подписывать договор с иностранцем? Да еще, говорят, разбазарили весь Эрмитаж. Отдали бесконтрольно печатать все самое ценное. А сколько валюты затратили? Вам, видимо, взысканием не обойтись. Не пришлось бы с билетом расстаться. Пойдете в Комиссию партийного контроля».

Меня взорвало, отвечаю:

– «Во-первых, ничего не «разбазарил». Отправил цветные бумажки-вклейки. Печатали здесь. Опубликовали, конечно, ценнейшее. А что, надо было для пропаганды нашего музея отобрать похуже?»

– «А Вы не дерзите! По какому праву заключали договор?»

Отвечаю:

– «Подписал потому, что у японцев уже не было времени ждать. Договаривались годами – могли отказаться. А договор заволокнули бы в Госкомиздате и «Межкниге», а может, и у вас. А я преследовал только выгоду для государства».

– «В чем же эта выгода? Сколько валюты израсходовали?»

– «Ни цента, ни иены, товарищ Севрук. Затратили 80 тысяч рублей!» – «А заработали?» – «Двести тысяч. Нет, не рублей, а долларов!» – ответил я, невольно с каким-то торжеством. – А то, что получили только 10 экземпляров, то ради экономии валюты. Зачем нам альбом, да по своему музею, да еще на японском?»

В результате – немая сцена. Пришлось объяснять детали сделки.

И последняя его фраза:

– «Ну ладно, Борис Михайлович. Давайте подпишу Ваш пропуск. Пойду, доложу Михаилу Васильевичу (секретарю по идеологии)».

Через некоторое время вручают мне орден «Дружбы народов». Но это не главное.

Получила «Аврора» право на самостоятельность в кооперации с инофирмами. Стали совместно издавать не только наши музеи и отечественных художников, но и Лувр, и Уффици. Выпустили альбом для Кубы – «Галерея Гаваны». Вел работу с такими фирмами, как «Темз энд Хадсон» в Англии, «Мондодори» в Италии, «Гарри Н. Абрамс» в США, «Серкль д'ар» и другими.

Это привело к знакомству и встречам с мировыми знаменитостями, что не последнее для рекламы. К примеру, звонит директор Эрмитажа Борис Борисович Пиотровский: «Борис Михайлович, Вас хочет видеть большой художник из зарубежья, но ему по возрасту трудновато подниматься на Ваши этажи». Иду к ним, благо Эрмитаж от «Авроры» в пятистах метрах.

РЕДАКТОРЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АВРОРА» ЮРИЙ КИРИЛЛИН И НАТАЛЬЯ ЗУБКОВА ГОТОВЯТ ОФОРТЫ ДЛЯ АЛЬБОМА РАБОТ ГОЛЛАНДСКОГО ХУДОЖНИКА РЕМБРАНДТА ВАН РЕЙНА

Узнаю: сам Ренато Гуттузо – великий итальянец. Увидел в Риме свои картины в издании «Авроры» и решил лично поблагодарить при поездке в Ленинград.

Или докладывает секретарь: «К Вам художник из США». Посетитель входит, представляется: «Борис Федорович Шаляпин – сын Федора Ивановича». Беседуем. Дарит свой авторский альбом с портретом отца на обложке.

Приезжает курьер из Генконсульства США. Привозит приглашение на прием в честь приехавшей Жаклин

Кеннеди Онассис. Еду. В консульстве на сей раз гостей всего четверо: сама Жаклин, я, Б.Б.Пиотровский и Г.И.Попов, представитель МИДа. Двое последних весь вечер беседуют с консулом и его супругой. Жаклин Кеннеди, я и переводчик за столиком отдельно. Оказывается, приглашен я по ее просьбе – осваивает профессию редактора. Коллекционирует альбомы «Авроры», присылаемые ей нью-йоркским книготорговцем Камкиным. Жаклин элегантна, держится просто. На вопрос, как ее называть, отвечает: «Зовите просто Джеки». Приехала в Эрмитаж познакомиться с собранием русского женского костюма. Хочет издать. Полушутливо приглашаю пройти стажировку редактора в «Авроре». Отвечает серьезно: «А что? Подумаю». Провожаем ее на «Красную стрелу». Дарю новый альбом «Авроры». Приглашает к себе, когда буду в Нью-Йорке. На клочке бумаги пишет адрес, телефон (храню как память). Расцеловались. Уехала.

АЛЬФАРО СИКЕЙРОС И БОРИС ПИДЕМСКИЙ ЗА РАБОТОЙ НАД МАКЕТОМ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА

Или вот незадолго до своей кончины Хосе Давид Альфаро Сикейрос и его супруга Анхен принимали меня в Москве. Сикейросу требовалась консультация по поводу выпуска его альбома. Работали над макетом в гостинице «Украина». Неожиданно он попросил, чтобы издательство «Аврора» приняло все его творческое наследие, так как хочет его передать в руки хорошего издательства коммунистов. Но когда Сикейрос скончался и его жена через посла и МИД СССР дважды приглашала меня в Мексику для оформления бесценного дара, товарищи из ЦК меня не пустили лишь из-за того, что я в тот год уже дважды выезжал за границу. Дескать, «Пидемский разгулялся!» Так и потеряли мы ценнейшее наследие. Анхен отдала его партийному издательству ГДР «Ферлаг дер Кунст».

В становлении и организации работы «Авроры» мне немало помогли гениальный скульптор Михаил Аникушин, академик живописи Андрей Мыльников, мои земляки, заслуженные художники РСФСР Владимир Ветрогонский и Василий Звонцов. Все они стали моими друзьями.

В ЭТОМ ЗДАНИИ РАЗМЕЩАЛОСЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «АВРОРА»

Мне посчастливилось руководить «Авророй» 32 года, включая пять лет работы заместителем начальника Главиздатэкспорта (1981–1985 гг.), а потом еще, после «Авроры», два года работал председателем Издательского совета Санкт-Петербурга.

? Вы можете перечислить Ваши почетные звания и награды?

Звания: «Заслуженный работник культуры России», «Ветеран Вооруженных сил», «Ветеран Великой Отечественной войны», «Ветеран военной контрразведки «Смерш», «Лауреат премии ФСБ России за лучшее произведение литературы и искусства о деятельности органов Федеральной службы безопасности», «Почетный гражданин г. Белозерска», «Почетный житель округа «Гражданка» Санкт-Петербурга». Ордена: Отечественной войны I степени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, Дружбы народов, «Ветеранский крест I степени». Медали: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», «За доблестный труд», «За безупречную службу», «Г.К. Жукова» и 23 юбилейных медалей

Почетный знак
«Отличник печати
СССР». Звания и награды
общественных
организаций: лауреат
русского
форума

**Для меня Дзержинский –
это эталон чести, доблести
и героизма. Эталон
трудолюбия, человечности
и великого гуманизма**

«Общественное признание», орден «Великая Победа» (Национального комитета общественных наград), медаль «За жертвенное служение» (от Московской Патриархии), Почетный знак «За активное участие в ветеранском движении» (Российского комитета ветеранов войны и военной службы), медаль ветерана Невского пятачка и др.

Из иностранных: медали Болгарии, Финляндии, Японии, звание и медаль «Заслуженный деятель культуры Польши».

❓ Скажите, а бюст Дзержинского у Вас всегда тут на столе стоял?

Для меня Дзержинский – это эталон чести, доблести и героизма. Эталон трудолюбия, человечности и великого гуманизма. Увы, несправедливо, без учета исторических условий и окружения, в каких работал, ныне оболганный невеждами.

* * *

В конце нашего разговора Борис Михайлович обратился с просьбой: – Если уж вспоминать мою биографию, очень прошу Вас включить несколько слов о моей, ныне, увы, покойной, жене Вере Михайловне Тальвинской (Пидемской). Без нее моя биография мало чего стоит. И это не пустые слова. Она родилась в 1923 году в Белоруссии. Окончила среднюю школу в селе Россоны Витебской области. Ее любимым учителем был молодой преподаватель физики, только что окончивший институт, Петр Миронович Машеров, будущий Герой Советского Союза и первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, с которым, как и с его сестрой, Вера дружила в школьные годы.

ВЕТЕРАН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ВЕРА МИХАЙЛОВНА ТАЛЬВИНСКАЯ (ПИДЕМСКАЯ)

Окончив школу с золотой медалью, Вера по рекомендации Петра Мироновича подала заявление и в 1940 году поступила в Ленинградский горный институт.

22 июня 1941 года, окончив лишь I курс, она пошла в военкомат и попросила направить ее на фронт. Пройдя краткосрочные курсы, стала фронтовой медицинской сестрой.

Весь период войны и блокады служила в полевых и фронтовых госпиталях Ленфронта, имела воинское звание, переносила все тяготы спасения раненых.

Награждена орденом Отечественной войны и медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией». Не преувеличу, если скажу, что именно ей я обязан всеми успехами в жизни. Более светлого, кристально честного, человеческого человека за 96 прожитых лет я не встречал. Об этом скажут все, кто с ней был знаком. Человек редчайшей души, она пронесла на своих плечах все тяготы и послевоенного времени, строительства благополучия в доме, воспитания троих детей, все беды и неурядицы в семье и на моей службе. При этом, работая сама, Вера являла какой-то невиданно светлый сгусток трудолюбия, воли, скромности и терпения, любви и заботы, внимания к людям. Я, атеист, не постесняюсь назвать ее святым человеком. Вера ушла из жизни от тяжелой болезни накануне дня своего 75-летия.

© Роман АРШАНСКИЙ
ЖУРНАЛ ФСБ: ЗА И ПРОТИВ

Глава 4

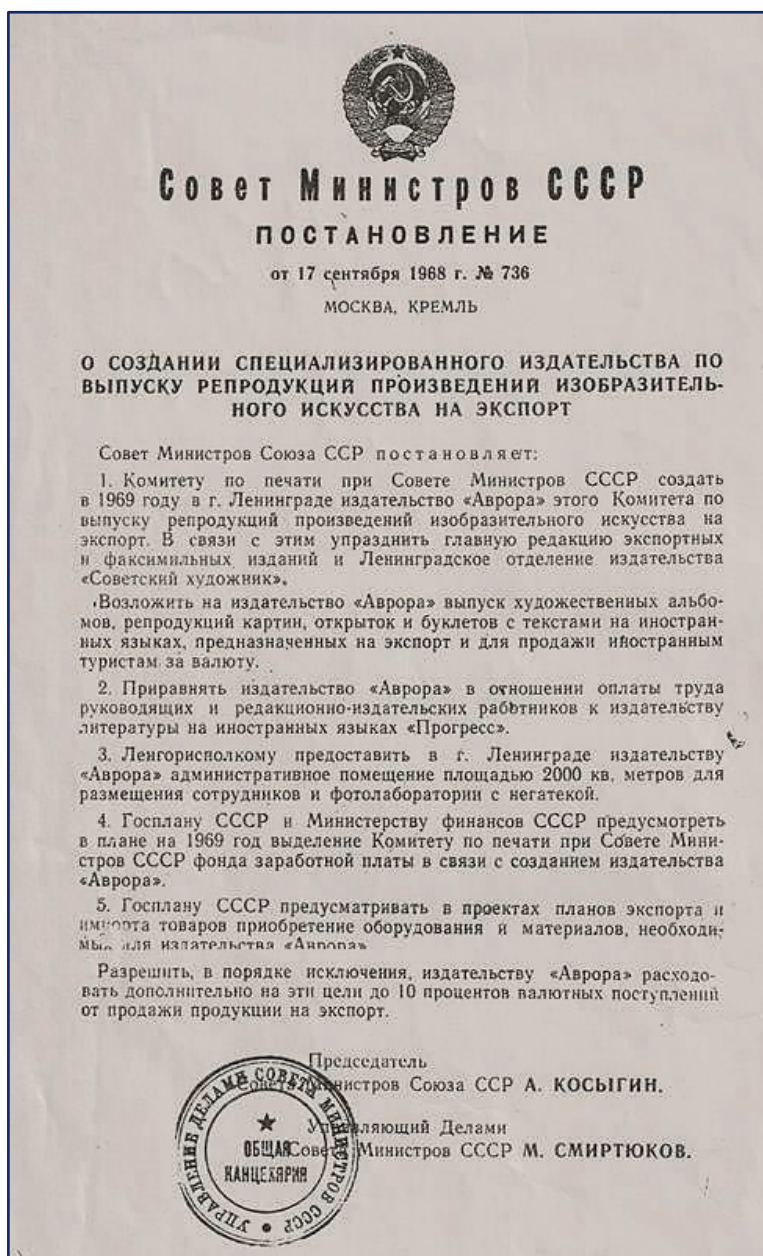
После увольнения в запас...

Издательская деятельность

После увольнения в запас в 1964 г. из вооруженных сил Борис Михайлович стал задумываться о дальнейшей работе на гражданке. Общий стаж военной службы – 34 года. Пенсия нормальная есть. Семья есть. Но её же кормить надо. Поступило предложение на должность директора Ленинградского отделения издательства «Советский художник». Согласился без колебаний. Тяга к литературной и издательской работе была давно. Поняв, что на этом месте можно реально подумать и о своей, и о государственной творческой работе, а также убедившись в возможности резкого увеличения названий, видов, тиражей изданий по искусству, удалось через Министерство печати СССР (впоследствии ГОСКОМИЗДАТ СССР) добиться прямого подчинения Ленинградского отделения «Советского художника» Министерству. Это позволило расширить выпуск продукции, увеличить штат специалистов и финансовый план. Увеличить прибыль государству. Учитывая ежегодный рост числа иностранных туристов в Ленинград, их большой интерес к архитектурным памятникам и музеям СССР, в 1968 году Борис Михайлович разработал предложение о создании в Ленинграде первого в стране издательства центрального подчинения по выпуску и реализации за валюту на внутреннем и внешнем рынках изобразительной продукции на иностранных языках.

При поддержке Обкома и ЦК КПСС, несмотря на резкое сопротивление председателя ГОСКОМИЗДАТА, министра

Н. Михайлова, решение о создании такого издательства – Ленинградского издательства «Аврора» – было принято.

Постановление СМ СССР о создании издательства «Аврора»

17 сентября 1968 г. постановлением СМ СССР № 736 за подписью А.Н. Косыгина создается специализированное издательство по выпуску репродукций произведений изобразительного искусства на экспорт. Для формирования издательства в октябре 1968 года Пидемский Б.М. был назначен его директором, без освобождения, на период создания «Авроры», от должности директора «Советского художника». В 1969 году издательство было создано. Ленинградское издательство «Аврора» получило отделение в Москве, право распоряжаться 10% заработанной валюты, два этажа здания на Невском проспекте. Первый альбом нового, издательства вышел уже в марте 1969 года. В числе первых книг был издан альбом «Рисуют дети блокады».

В дальнейшем удалось вывести «Аврору», выпускавшую издания на 11 языках, получившую международный авторитет и премию Гуттенберга, в число известных мировых издательств.

* * *

Рисуют дети блокады.

СПб, Изд. «Аврора», 1969 г.

Первое издание

Второе дополненное издание

Борис Михайлович очень дорожил и гордился этой книгой. Он рассказывал своим детям и внукам, как тщательно подбирались блокадные рисунки, с каким

благоговейным чувством к ним относились. Подарив этот альбом внучке, он написал на титульном листе:

«Внучке Уленьке от деда-издателя с верой в то, что она будет также любить свою Родину, как эти маленькие художники.

*С любовью дедушка Борис
27.01.94»*

Год выпуска: 1994 г. (Издание второе дополненное).

Авторы вступительной статьи и аннотаций: Эльмира Ильинична Голубева, Александр Алексеевич Крестинский.

Общая редакция Б.М. Пидемского

Формат издания: 205х240 мм (большой формат)

Количество страниц: 80

ISBN 5-7300-0615-2

Тираж: 10000

Переплет: Твердый переплет

Язык издания: Русский

Описание:

Рисунки, вошедшие в альбом (первое издание), собраны и сохранены в годы войны Е.Л. Щукиной, бывшим методистом Куйбышевского района Ленинграда по дошкольному воспитанию.

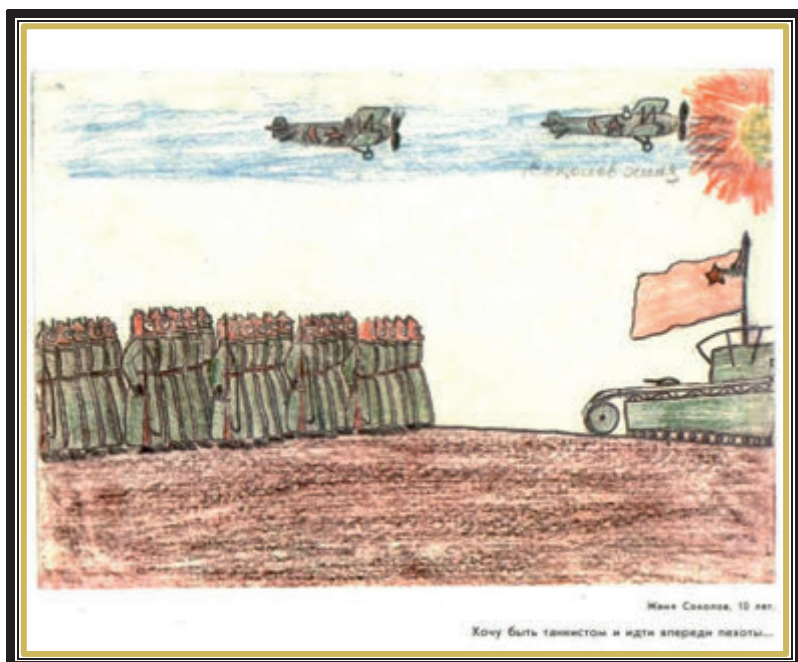
В альбоме кроме рисунков, собранных Е.Л. Щукиной, использованы дневники воспитателей детских садов блокадного города: Е.Ф. Иваницкой, С.Ф. Комаровой, Овчинниковой, Л.М. Сержантовой, Тер-Степановой, Н.Н. Типольт и др.

За помощь, оказанную в процессе подготовки второго издания, авторы сердечно благодарят директора Музея истории Санкт-Петербурга Н.Л. Дементьеву и заведующего фондом этого музея В.Е. Ловягину, а также петербургского фотографа Николая Сюльгина, который сделал слайды рисунков.

Из альбома «Рисуют дети блокады»:

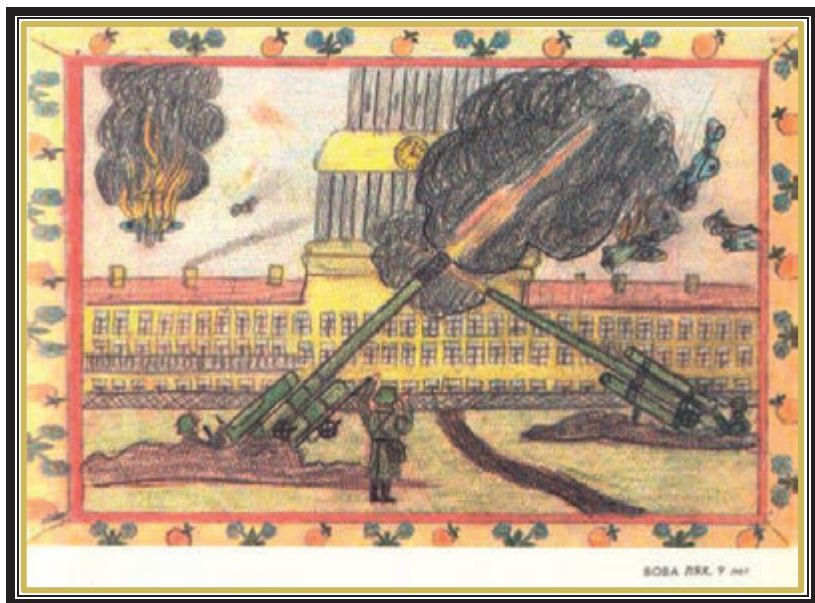

Слава Провоторов, 8 лет

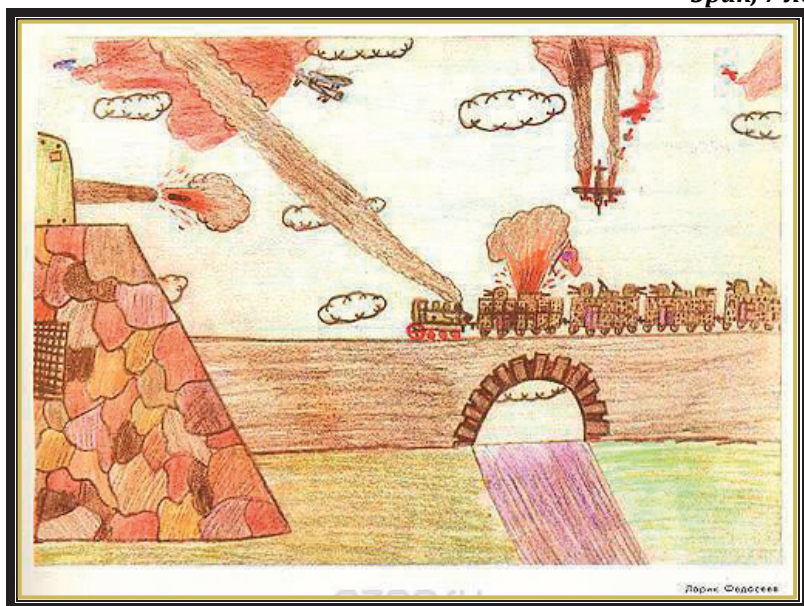
Женя Соколов, 10 лет

Хочу быть танкистом и идти впереди пехоты...

*Вова Лях, 9 лет
Всех людей не убить врагу,
Все дома не разбить врагу,
А ему конец!*

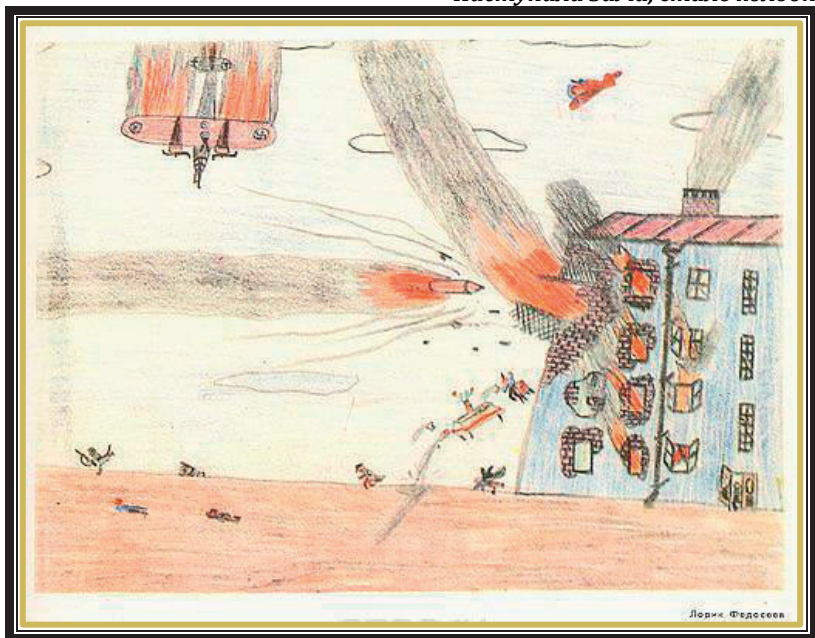
Эрик, 7 лет.

*Лариса Федосеева
Это Шлиссельбургская крепость во время боя*

*Вова Полошев, 7 лет
Наступила зима, стало холодно...*

*Лариса Федосеева
Прямое попадание в дом.*

Надо сказать, что издание такой книги в послевоенном Ленинграде имело просто фантастическое моральное значение для жителей города. Стали взрослыми блокадные

дети, в 60-годы народ уже соскучился по правде и свободе. Появилось масса писателей, поэтов и других деятелей культуры и изобразительного искусства. Необходимо было встряхнуть молодых людей темой войны. напомнить им, как они пережили блокаду...

Издание книг о военной контрразведке

Первое время Борис Михайлович стремился больше внимания уделять книгам о войне и работе военной контрразведки в годы войны.

1. «Документы свидетельствуют... Армейская контрразведка в годы войны»

Очерки и воспоминания офицеров контрразведки Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов о борьбе против фашистской разведки в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Год выпуска: 1994

Количество страниц: 480

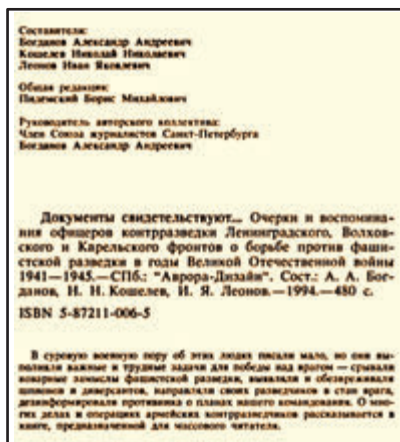
ISBN 5-87211-006-5

Тираж: 10000

Издательство: Аврора-Дизайн

Общая редакция: Пидемский Борис Михайлович

Составители: Александр Богданов, Николай Кошелев, Иван Леонов

Описание

Книга представляет собой очерки и воспоминания офицеров контрразведки Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов о борьбе против фашистской разведки в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. **Титульный лист книги**

В суровую военную пору об этих людях писали мало, но они выполняли важные и этих людях писали мало, но они выполняли важные и

трудные задачи для победы над врагом - срывали коварные замыслы фашистской разведки, выявляли и обезвреживали шпионов и диверсантов, направляли своих разведчиков в стан врага, дезинформировали противника о планах нашего командования.

* * *

2. «На защите безопасности отечества – Контрразведка Петроградско – Ленинградского военного округа в годы войн и мира»

Год выпуска: 2000

Редактор: Пидемский Борис Михайлович

Авторы: Александр Богданов, Иван Леонов, Алексей Муратов

Количество страниц: 376

ISBN 5-93768-001-4

Тираж: 1000

Издательство: Аврора-Дизайн

Составители: Александр Богданов, Иван Леонов, Алексей Муратов

Описание

Книга «На защите безопасности отечества» предназначена для широкого круга читателей.

В ней на основании историко-документальных материалов повествуется о сложной и трудной борьбе военной контрразведки Петроградского–Ленинградского военного округа с иностранными разведками и другими враждебными элементами с момента ее создания (1918 г.) и до наших дней.

Некоторые альбомы Пидемского Б.М., изданные в «Авроре» в первые годы...

Проработав на издательском поприще более 30 лет, Пидемский Б.М. участвовал в издании около 500 книг по искусству. Впервые советское издательство по изобразительному искусству по своей инициативе вступило в международную издательскую кооперацию, начав совместные издания с инофирмами.

Невозможно в этой книге перечислить все чудесные книги и прекрасные фотоальбомы, которые были созданы при непосредственном участии Бориса Михайловича, но для понимания все-таки хочу привести некоторые характерные примеры, которые были свойственны работе Пидемского Б.М.

* * *

И. Пидемский Б.М. Война народная. 1941 – 1945

Великая Отечественная Война в произведениях живописи СПб Аврора 1995г. 160 с., илл. Твердый переплет, Энциклопедический формат

В годы Великой Отечественной в ряды защитников Отечества встали и работники творческого труда – артисты, писатели, композиторы, музыканты, художники. Художники, вооруженные свои талантом, разили врага плакатом, боевым листком на передовой, фронтовыми зарисовками, превратившимися затем в мастерски исполненные картины, иллюстрации в книгах и журналах. Настоящий альбом ставит целью рассказать тем, кто не знал войны, напомнить тем, кто прошел ее, сказать не словами, а трудами художников о тернистом пути солдат Красной Армии от первых сражений и поражений до Великой Победы, до алого стяга на рейхстаге.

Помимо репродукций картин в альбоме также представлены песни и поэзия военных лет.

Стандартная библиотечная карточка на книгу:

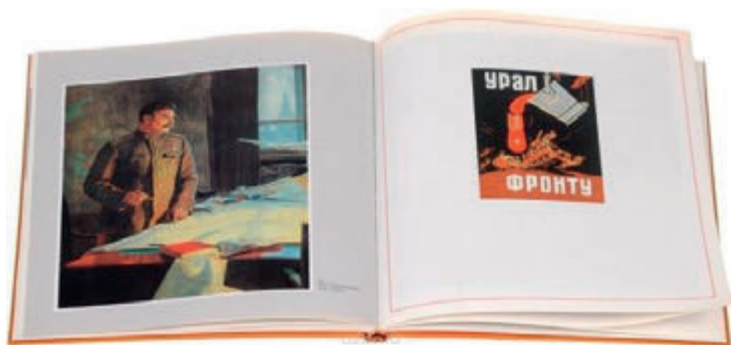
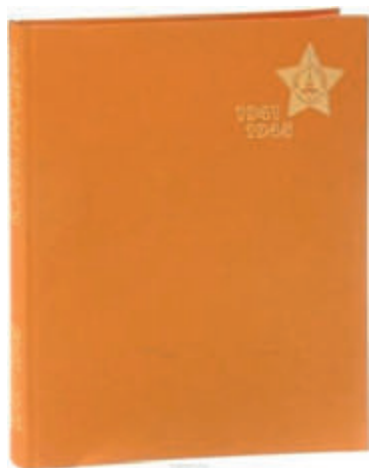

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

Война народная, 1941-1945; Великая Отечественная война в произведениях живописи: Альбом / Сост. и авт. вступ. ст. Б.М. Пидемский, – Санкт-Петербург: Аврора, 1995. - 160, [149] с. : ил.; 28 см.; ISBN 5-7300-0626-8

50-летию Победы посвящается.

Искусство. Искусствоведение – Живопись – История живописи СССР – Темы и образы – История СССР – Великая Отечественная война – Альбом
IZO 39/4.121

Альбом «Война народная. 1941-1945»

И. Пидемский Б.М. Ленинград. Архитектурные ансамбли и памятники. СПб; «Аврора» 1977, с. 396

Формат издания 265х305 мм (большой формат)

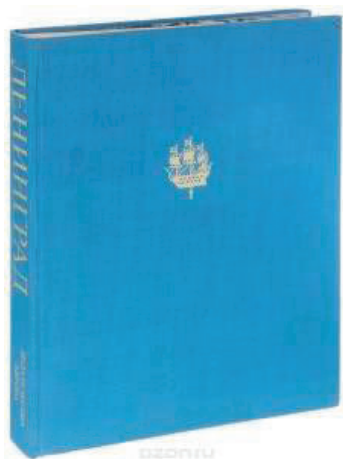
Редактор: Борис Пидемский

Переплет: Суперобложка

Мелованная бумага: Да

Цветные иллюстрации: Да

Фотоальбом "Ленинград" знакомит читателя с современным обликом одного из красивейших городов мира. В альбоме представлены фотографии основных достопримечательностей Ленинграда (Санкт-Петербурга) и его пригородов (Петродворец, Пушкин, Павловск, Ломоносов). Панорамные виды сменяются видами отдельных исторических зданий, их внутреннего убранства. В альбоме использованы тоновые и цветные фотографии. Это позволяет полнее передать колорит и неповторимость города в разное время года

Альбом «Ленинград»

III. Пидемский Б.М. Античные инталии¹¹ в собрании Эрмитажа / Antique Intaglios in the Hermitage Collection. СПб, «Аврора»; 1976

Язык издания: Русский, Английский

Формат издания: 130x165 мм (средний формат)

Количество страниц: 230

Издательство: Аврора

Составитель: Олег Неверов, Борис Пидемский

Иллюстратор: Александр Дурандин

Переплет: Твердый переплет, футляр

Мелованная бумага: Да

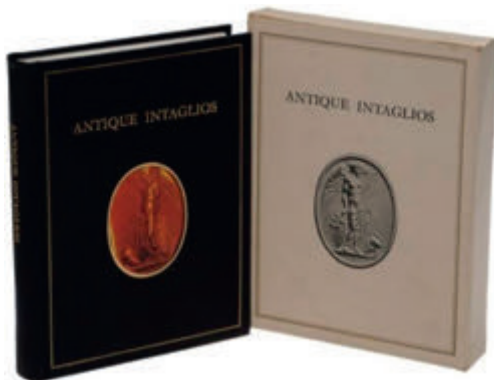
Цветные иллюстрации: Да

Вес в упаковке: 540 г

Античные инталии в собрании Эрмитажа / Antique Intaglios in the Hermitage collection.

¹¹ Инталия (от итал. intaglio «резьба; резьба по камню») – разновидность геммы, ювелирное изделие или украшение, выполненное в технике углублённого (отрицательного) рельефа на драгоценных или полудрагоценных камнях или на стекле. В противоположность камее, которая выполняется в технике выпуклого рельефа. Техника инталия часто применяется для изготовления печатей, оттиск с которых выглядит выпуклым. Поэтому многие кольца-печатки выполнялись в технике инталия.

Искусство глиптики, резьбы на цветных и драгоценных камнях-самоцветах, – пожалуй, одно из самых древнейших. Инталии – геммы с углубленными изображениями – были известны еще в четвертом – третьем тысячелетии до н. э. в Месопотамии и на островах Эгейского моря. Мастерством резьбы поражают уже египетские, шумерские, аккадские, вавилонские, ассирийские геммы. Однако особый интерес вызывают резные камни Древней Греции и Италии. Здесь родился тот особый выразительный язык глиптики, который соединил в миниатюрных произведениях красоту чистейших тонов минералов и виртуозную резьбу, точную, графическую или мягкую, трепетную, словно эскизную. Сюжеты античных гемм весьма разнообразны. В них нашли отражение буквально все стороны материальной и духовной жизни античного мира: политика, религия, литература, театр, быт. Иногда геммы являются единственным источником знакомства с жизнью древнего мира. Особенно ценны в них воспроизведения навсегда утраченных шедевров греческой живописи и пластики. Собрание гемм Эрмитажа, в котором около восьми тысяч инталий, – одно из самых крупных в мире и пользуется заслуженной известностью. На лицевой стороне открыток воспроизводятся инталии, на обороте – гипсовые оттиски с них в натуральную величину. Портрет Люция Вера вырезан как инталия, но изображение закрыто пластиной, и оттиск не может быть выполнен.

Античные италии в собрании Эрмитажа

IV. Пидемский Б.М. Золотое кольцо; СПб, «Аврора», 1976 г. с. 262

Формат издания 130x165 мм (средний формат)

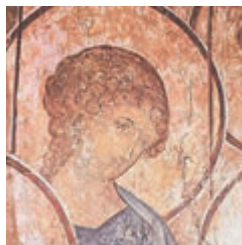
Составитель Федор Кудрявцев

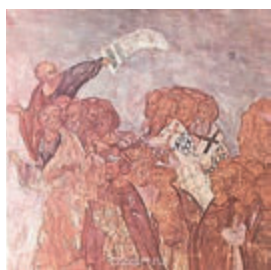
Переплет: Коробка

Мелованная бумага: Да

Цветные иллюстрации: Да

Золотое кольцо - популярный туристический маршрут у советских и зарубежных ценителей древнерусской архитектуры. Он очень извилист, лишь условно назван «кольцом». Но «золотой» он несомненно: северо-восток древнего Московского государства сказочно богат памятниками истории и культуры, целыми городами-музеями. Эти «каменные летописи» - создания человеческих рук, свидетели исторических событий, трагедий, народного героизма. Каждая из шестнадцати глав альбома повествует о самых примечательных пунктах маршрута, о тех местах, где сохранились наиболее интересные памятники древнерусской архитектуры.

Альбом «Золотое кольцо»

V. Пидемский Б.М. Новгород. Памятники архитектуры XI-XVII веков/Novgorod. Architectural monuments 11th-17th centuries. СПб, «Аврора», 1975 г. с. 94.

Авторы: Михаил Каргер, Борис Пидемский

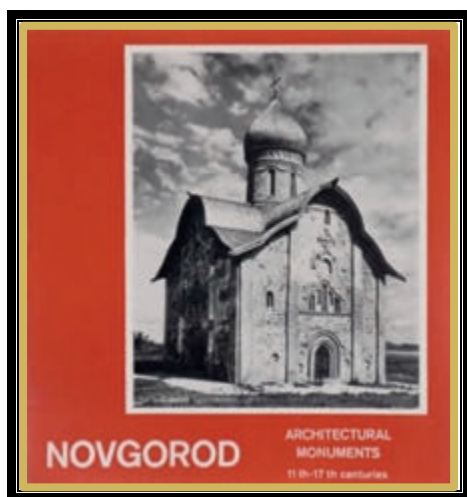
Язык издания: Русский, английский

Формат издания: 205x225 мм (большой формат)

Переплет: Твердый переплет

Вес в упаковке: 460 г

Фотоальбом на русском и английском языках посвящен памятникам архитектуры Новгорода одиннадцатого-семнадцатого веков.

VII. Айвазовский. СПб, «Аврора», 1972 г. с. 152. Формат издания: 145x215 мм (средний формат)

Руководитель: – Пидемский Б.М.

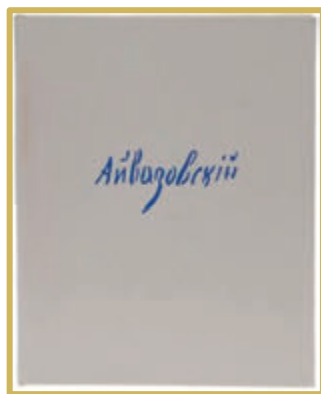
Автор: Николай Новоуспенский

Серия: Русские художники

Переводчики: Р. Рознес, Анна

Паскаль, Г. Ланг

Переплет: Твердый переплет

Альбом знакомит с творчеством выдающегося русского мариниста второй половины XIX века Ивана Константиновича Айвазовского (1817 - 1900).

* * *

Борис Михайлович работал в должности директора «Авроры» до 1981 года. Затем был назначен заместителем начальника ГЛАВИЗДАТЭКСПОРТА в Москву.

После выхода на пенсию в 67 лет, в связи с началом развала издательства «Аврора» при новом руководстве, по просьбе руководства ГОСКОМИЗДАТА и настояниям

коллектива издательства снова возглавил «Аврору» в должности Генерального директора. Проработав еще 4 года и убедившись в бесполезности усилий вернуть «Аврору» на прежний уровень, попросил освободить от занимаемой должности. Был переведен на должность председателя вновь созданного Издательского совета Санкт-Петербурга. Уволился вновь на пенсию в 2004 году, проработав на издательском поприще 30 лет.

Далее приведены высказывания руководящих и иных сотрудников, которые делятся своими мнениями о работе Бориса Михайловича Пидемского.

В 1930-е годы в Москве создается первое издательство – «Прогресс», выпускающее классическую русскую литературу на экспорт. Идея книжного экспорта показала свою результативность.

Но оставались неосвоенными темы богатейших музеев страны, таких как Эрмитаж, Третьяковская галерея, Русский и многих, многих других. Важность этой задачи понимали в правительстве страны, и уже в 1946 году в Москве было создано издательство «Советский художник» с филиалом в Ленинграде.

В 1967 году руководитель Ленинградского филиала издательства «Советский художник», ветеран войны Б.М. Пидемский предложил создать на его базе экспортное издательство по искусству. Предложение было принято на правительственном уровне. Так в сентябре 1968 года появилось Федеральное государственное бюджетное учреждение «Центральное экспортное издательство «Аврора»¹², ориентированное на экспорт.

Борис Михайлович Пидемский пригласил для работы лучших специалистов Ленинграда. Уже в начале марта 1969 года издательство выпустило свой первый альбом –

¹² Официальные реквизиты: Издательство «АВРОРА» – Предприятие – РОССИЯ/Северо-Западный федеральный округ/Санкт-Петербург. Выпускаемая продукция: Альбомы Календари Настенные альбомного типа; Репродукции картин; Открытки./ г. Санкт-Петербург, 191065, Почтовый адрес: Россия, г. Санкт-Петербург, д-65, Невский пр., 7/9. Телефон: (812) 312-37-53. Факс: (812) 312-54-60. Руководитель (Ф.И.О.): ПИДЕМСКИЙ БОРИС МИХАЙЛОВИЧ.

«Коптские ткани». Главным редактором стала А.Н. Слижевская, главным художником – Е.Б. Большаков. В результате появились фирменный стиль «Авроры» и тематический план на ближайшие годы. Издательство сделало флагманом экспорта изданий по вопросам истории культуры, не подстраиваясь под запросы зарубежного рынка, а формируя национальное искусство книги.

Объем экспортной продукции «Авроры» за первые 25 лет работы составил около полутора миллиардов экземпляров изданий на 18 языках мира, охватив $\frac{1}{7}$ часть населения планеты. Издательство не только приносило валютную прибыль стране, но и являлось ее «мягкой силой», делая отечественную культуру привлекательной для зарубежных читателей.

События 90-х сломали налаженную систему в угоду рынка. Идеология, в том числе издательская политика, ушли в прошлое. Совместив издательскую деятельность с полиграфией, правительство отнесло их к разделу целлюлозно-бумажной промышленности, исключив культурную составляющую книги как инструмента воспитания и носителя культурного кода. Развалилось издательство «Прогресс», экспорт книг резко сократился и сошел на нет. К началу нового тысячелетия, после ряда реорганизаций, единственным экспортным издательством оставалась «Аврора», но уже в форме ОАО. Выселенная из своего помещения по надуманной причине, лишенная склада, каналов экспорта, она оставалась брендом в мире, но вынуждена была «сжегиться» до минимума, продолжая выпускать только социально значимые издания по своему профилю.

«Прогнозный план приватизации» делал дальнейшую работу бессмысленной – количество запрашиваемой

документации превосходило возможные объемы и отрывало и без того небольшой коллектив от основной работы. Два издания в год – вот что была в состоянии выпускать «Аврора». Выставление на торги без условий сохранения профиля и коллектива, казалось бы, ставило точку в дальнейшей судьбе издательства. Опыт подсказывал, что так называемые «инвесторы» интересуются только помещением. А государство заинтересовано как можно быстрее избавиться от этой «нагрузки». Например, в 2016 году было продано таким образом знаменитое с 1933 года издательство «Детгиз», погибли еще несколько старых петербургских издательств.

С 2015 года коллектив издательства «Аврора» значительно обновился, и было принято решение возродить его деятельность. Ценой больших усилий издательство в том же году выпустило в свет 16 изданий, в 2016 году – 18; «Аврора» постепенно стала вылезать из образовавшейся финансово-хозяйственной ямы. Но, видя, что без всякой поддержки издательство возрождается, Росимущество раз за разом организовывало торги. Седьмая попытка стала решающей. По сути, был совершен подлог. В качестве адреса, в том числе фактического, потенциальным покупателям давался давно утраченный на Невском проспекте, д. 7. А то, что издательство имеет задолженности перед поставщиками, было скрыто устаревшей благополучной отчетностью. И никаких ограничений – покупай и доедай крошки под цели своего бизнеса.

На организацию семи торгов ушло явно больше средств, чем надеялось получить Росимущество, но – «план есть закон, выполнение его – честь». Тем более выполнение – за госсчет. К этому времени имя «Авроры» в

издательском мире стало вновь узнаваемым. Издательство стало одним из главных организаторов ежегодной выставки исторической литературы в Санкт-Петербурге, создало инновационную программу «Россия в зеркале истории».

Коллектив понимал, что остается последний шанс сохранить известный в мире бренд и продолжать работу по «развитию не сырьевого экспорта», использованию книги как важнейшего культурного кода нации. И этот единственный шанс – выкупить издательство. Но такой путь не предусмотрен законом, коллектив не имеет право на такие приобретения, поэтому было принято решение подать заявку от имени действующего гендиректора Г.П. Райкова. Им же были выиграны торги и выплачена Росимуществу вся сумма, которая была нужна, чтобы издательство «Аврора» продолжило свое существование и в 2018-м славно отметило свой 50-летний юбилей. Сохранение бренда центрального экспортного издательства «Аврора» и его деятельности становится своевременным и знаковым событием. И теперь, и все последующие годы издательство «Аврора», уже при новом владельце, будет способствовать продвижению отечественной культуры в мировое культурное сообщество.

Юлианна Черемская,

арт-директор издательства «Аврора»

*© Опубликовано в журнале «Книжная индустрия», № 6
(148), июль–август 2017*

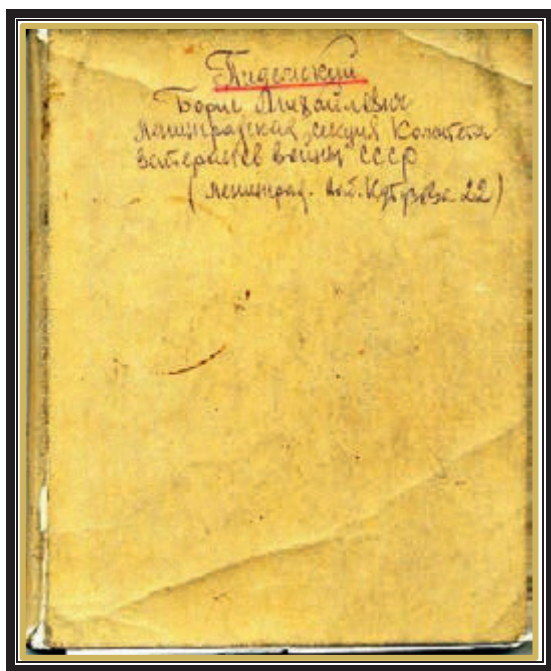

Общественная деятельность

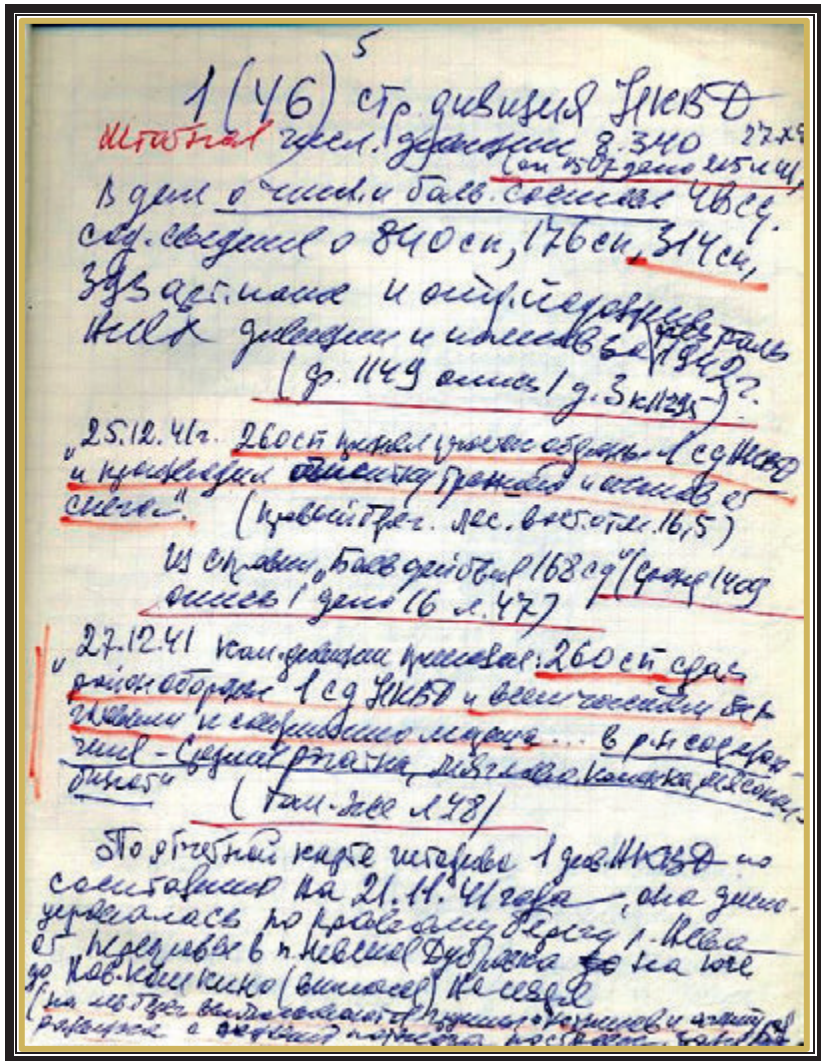
Работа в Комитете ветеранов войны СССР

В архиве Бориса Михайловича Пидемского достаточно много документов относятся к периоду его общественной работы в Ленинградской секции Комитета ветеранов войны СССР (наб. Кутузова 22).

Для этих целей он специально завёл рабочую тетрадь, где дотошно и скрупулёзно фиксировал свои воспоминания по «Невскому пяточку», анализировал открытые материалы из печати и архивные данные по защите плацдарма. В качестве примера мы приводим отдельные иллюстрации и записи из этой тетради мы ниже приводим в книге о Борисе Михайловиче.

Обложка тетради Пидемского Б.М.

Станица № 5 из тетради

Понятно, что Борис Михайлович, помимо своих воспоминаний, пользовался какими-то документами из архивов. Удивительно, как он к этому серьезно и профессионально относился. Считал всё до роты и батальона, до единого убитого и раненного...

На данной странице записей он приводит точное место дислокации и передвижения 1 дивизии НКВД по состоянию на 21.11.1941 года.

8

Численность населения в 7-м
стрелков. погран. полку 1-ой Дивизии НКВД

27.12.41	1.2.42	7.10.41	8.10.41	10.10.41	12.10.41	
1632	1483	1483	1527	1448	1444	
14.10.41	15.10.41	16.10.41	18.10	20.10	22.10.	24.10.
1448	1453	1468	1464	1436	1438	1436
25.10.41	26.10.41	30.10.41	31.10.41	1.11.41	3.11.41	
1429	1446	1240	256	71	550	

(Численность 1507 9.11.41
и 3-52)

50 человек на 10.11.42 в 1-й Дивизии

(состояние на 1.11.42 3439)

потери в бою 204
зат. и поврежд. 64

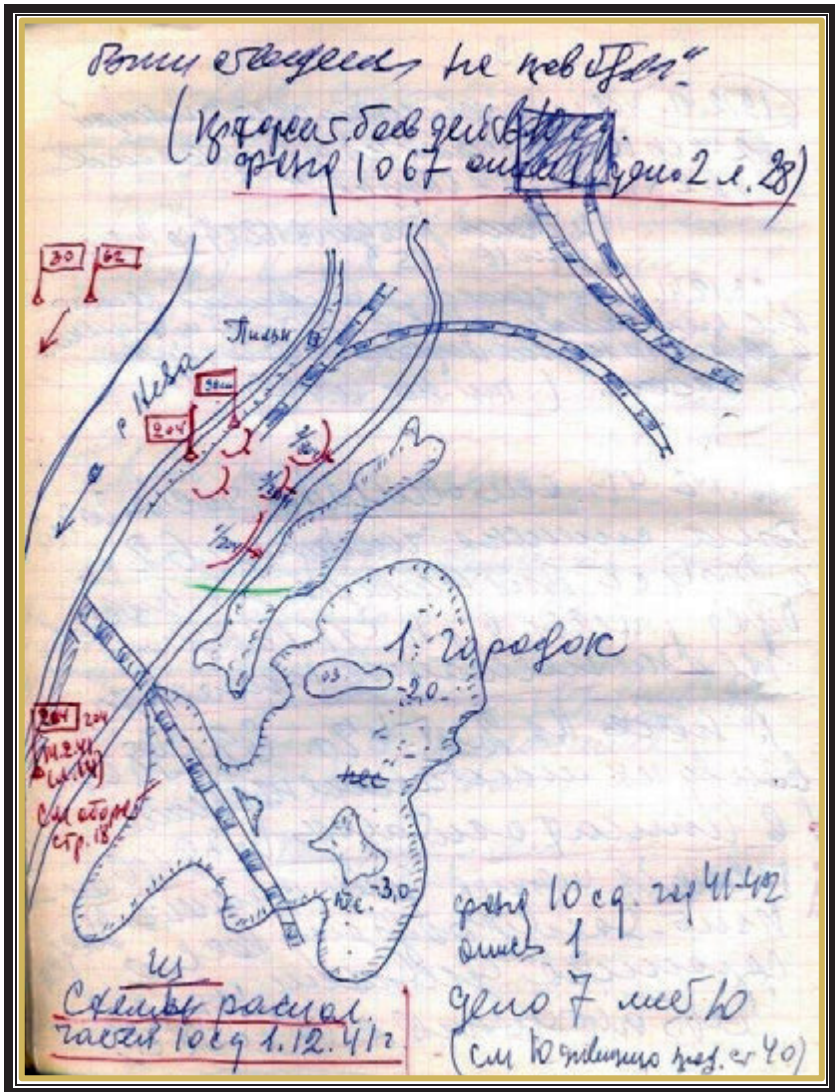
состояние на 10.11.42 - 3117.

(объявлено о смерти
и объявлено о смерти. и объявлено о смерти
состоя 1-ой Дивизии. Пот. в бою
о смерти. и объявлено о смерти 10.11.42
состоя 1507 9.11.41 и 3-52)

Станица № 8 из тетради

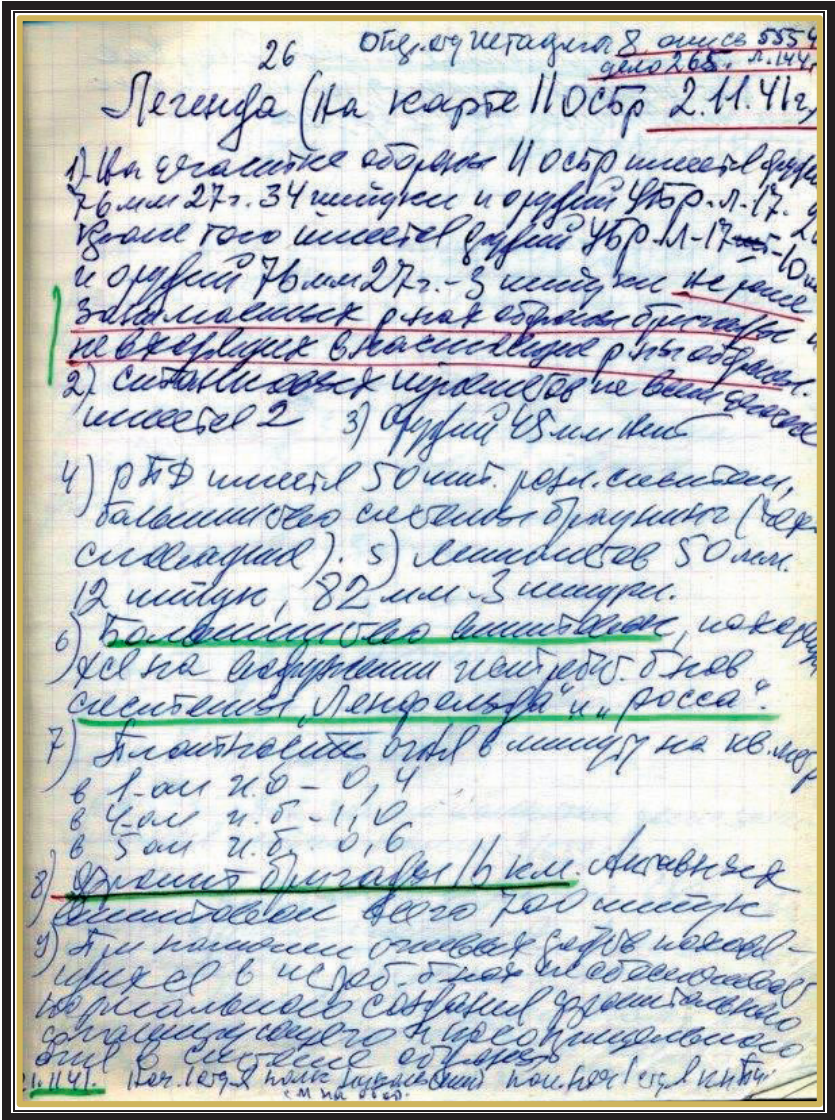
На стр. 8 тетради приводит параметры изменений численности в 7-м стрелковом пограничном полку 1-ой Дивизии НКВД (с 27.09.1941 г. по 12.10.1941 г.). Приводит состояние численности 1-ой Дивизии НКВД с 01.02.1942 г. по 10.02.1942 г.

И далее показана Схема расположения частей 10 стрелковой дивизии на 01.12.1941 г.

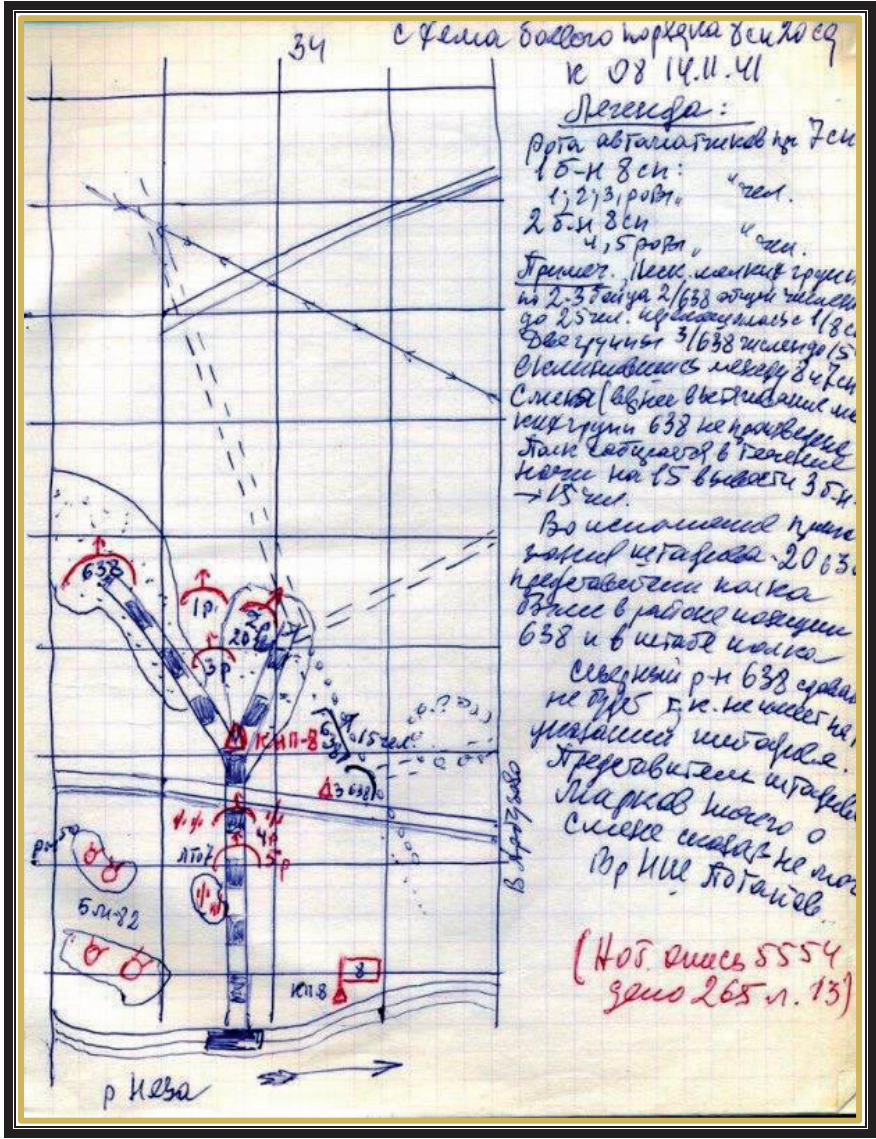
Станица № 56 из тетради

На странице 26 Борис Михайлович разбирает Легенду на участке обороны 11 ОСБР 02 ноября 1941 г., указывая точное количество различного вооружения и наличие вспомогательных сил и средств.

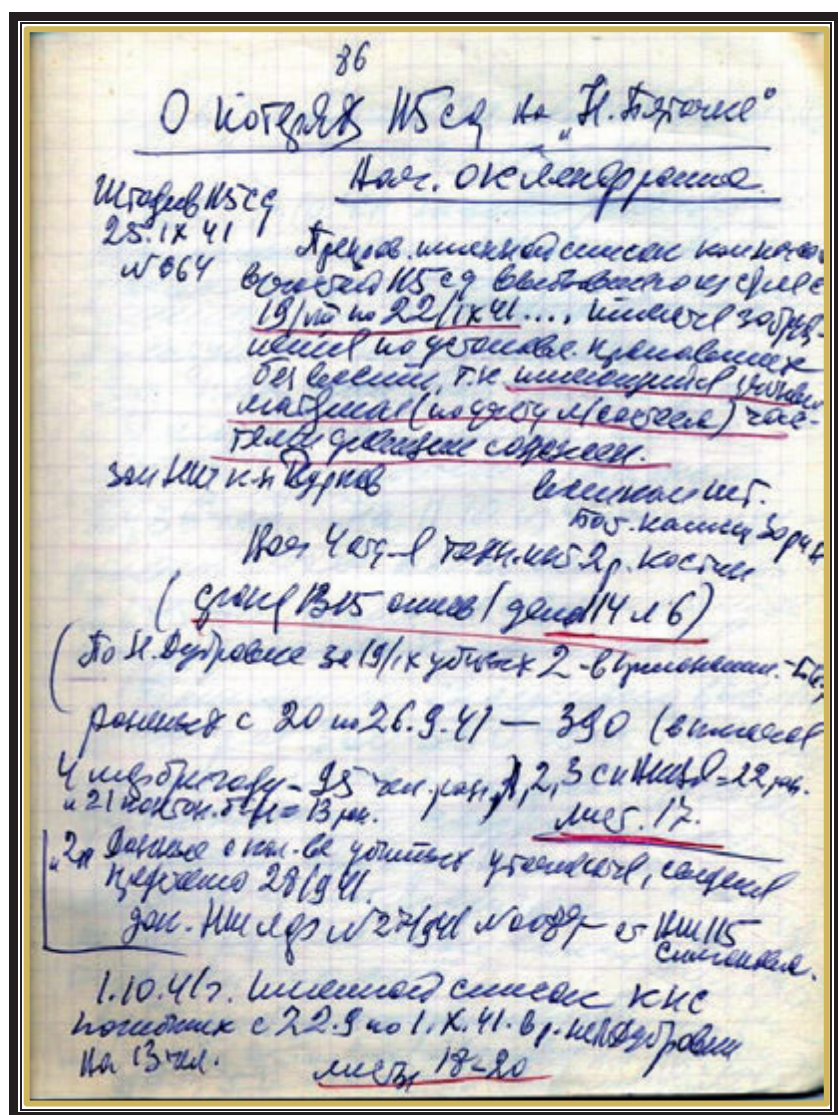
Станица № 26 из тетради

А вот далее приведена Схема боевого порядка 20-ой стрелковой дивизии к 08-14 ноября 1941 г. и полная легенда сложившейся ситуации.

Станица № 34 из тетради

На странице № 86 тетради рассказывается о потерях 115-ой стрелковой Дивизии на «Невском пятачке». Указывает точные документы и за чьей подписью приведены списки погибших на конкретных участках.

Станица № 86 из тетради

На странице № 91 и далее приведён список документов об обстановке на переправах на «Невский пяточок» в 1941 г.

Благотворитель

***В Белозерске за счет средств частного инвестора
восстановлен памятник историко-культурного
наследия, в котором разместился Культурный центр
имени С.В. Викулова***

В августе 2012 года в Белозерске, в доме №1 по улице Дзержинского, открылся Культурный центр имени С.В. Викулова. Инициатива его создания принадлежит детям писателя – Полине Сергеевне и Александру Сергеевичу Викуловым, которые хотели увековечить память отца,

многие годы жившего в Белозерске. Полина Сергеевна выкупила у города пустующее здание бывшего дома начальника водной дистанции – памятник архитектуры 1846 года постройки.

Как рассказал заместитель начальника Департамента культуры и охраны объектов культурного наследия области Владимир Лукин, это очень интересный с точки зрения архитектуры объект. Причем интересен он не только сам по себе, но и как часть городской застройки вдоль канала. Это комплекс зданий, которые возводились одновременно со строительством канала и предназначались для его обслуживания. Здание двухуровневое, имеет симметричную композицию. При его строительстве использован красный керамический кирпич с элементами штукатурки. В процессе реставрации кладка фасадов, подвергшаяся деструктуризации, была восстановлена методом докомпоновки утраченных материалов.

Восстановление этого памятника – первый для Белозерска положительный опыт реставрации объектов историко-культурного наследия за счет средств частного инвестора. Здесь изначально предполагалось разместить культурный центр, и было сделано все, чтобы он стал удобным для посетителей. В частности, перед домом располагалась небольшая, более поздняя по времени создания хозяйственная постройка. Она не представляла архитектурной ценности и перекрывала вид на реставрируемое здание. Поэтому было принято решение о ее сносе, несмотря на то, что она находилась в хорошем состоянии и могла быть использована для размещения, например, торгового павильона. Благодаря этому открылся вид на дом, восстановилась целостность изначального плана застройки.

В реставрации дома принимали участие белозерские мастера. Они приобрели богатый опыт во взаимодействии со специалистами московской реставрационной организации «Промпроект», которые выполняли ремонтно-реставрационные работы на таких значимых для Белозерска памятниках, как церковь Спаса Всемилостивого и мост через ров.

Работы на доме шли параллельно с ремонтом улично-дорожной сети и благоустройством прилегающей территории.

Здание находится в частной собственности, но служит на благо всем белозерам и гостям города. Культурный центр имени Сергея Викулова открыт для всех, кто хотел бы познакомиться с его творчеством. В большом зале центра создана мемориальная экспозиция. Из квартиры поэта в Москве привезены шкаф, письменный стол, пишущая машинка, фотографии, журналы и другие вещи Сергея Васильевича, а также его личная библиотека, книги из которой выдаются всем желающим в читальном зале центра. Библиотека будет пополняться, дети Викулова уже подарили ей ряд редких изданий.

Большой подарок центру сделал житель Санкт-Петербурга Борис Михайлович Пидемский, много лет возглавлявший ленинградское издательство «Аврора». Почетный гражданин Белозерского района, он лично знал Сергея Викулова и Сергея Орлова. В дар центру Борис Пидемский передал свою коллекцию изданий по искусству.

Центр имени Викулова также служит площадкой для проведения культурных мероприятий: выставок, семинаров, творческих встреч.

Полина Сергеевна Викулова, дочь поэта, сейчас проживает в Москве, но принимает деятельное участие в жизни родного Белозерска. Она приобрела и намерена отреставрировать еще один памятник архитектуры – дом по улице Дзержинского, 16, в котором впоследствии планируется разместить детский игровой развлекательный центр и детское литературное кафе.

Для увековечения памяти поэта одна из улиц Белозерска (бывшая улица Юных Коммунаров) переименована в улицу Сергея Викулова. Именно здесь, в угловом доме (ул. Фрунзе, 28 – ул. Викулова, 1), ранее располагалось Белозерское педагогическое училище, в котором Сергей Викулов учился с 1937 по 1940 год. Это памятник культурного наследия регионального значения 1901 года постройки. В 2011 году здание было передано Белозерскому областному краеведческому музею, а после реставрации в 2012 году здесь разместилась экспозиция «Белозерск исторический» и выставочный зал музея.

Подготовила Светлана Гришина

О культурном центре имени С.В. Викулова на Вологодчине

Культурный центр имени С.В. Викулова приглашает вас в читальный зал! В читальном зале к вашим услугам:

– Более 1000 книг с произведениями русской, советской и зарубежной классики из личной библиотеки Сергея Васильевича Викулова. Большая часть книг подарена Викулову авторами, о чём свидетельствуют автографы и дарственные надписи. На полях книг можно прочитать записи самого Сергея Васильевича. Дорогие читатели! У вас есть замечательная возможность воспользоваться библиотекой С.В. Викулова!

– *Книги и альбомы по изобразительному искусству, в том числе и на иностранных языках, переданные в дар Культурному центру Б.М. Пидемским. Борис Михайлович – с детства верный друг Сергея Викулова. Пидемский является инициатором создания первого в СССР издательства литературы по изобразительному искусству на иностранных языках («Аврора», Ленинград) и организации по её выпуску. Б.М. Пидемский – член Союза*

писателей и Союза журналистов России, Заслуженный работник культуры России.

– Уникальные современные книги (2010-2012 годов издания), в которых авторами представлены различные взгляды на исторические и политические события, происходящие в России и за её пределами. Из этих книг вы можете узнать о жизни и деятельности известных исторических и политических личностей, прочитать о современных православных людях и их добрых делах.

– Ежемесячно с 1 января 2013 года в Культурный центр поступает журнал писателей России «Наш современник» (главный редактор – Станислав Куняев), на страницах которого можно найти повести, очерки, публицистику, поэзию современных российских писателей и поэтов.

– Отдельные полки занимают книги, журналы, альбомы, переданные в дар Культурному центру посетителями.

Книжный фонд Культурного центра постоянно пополняется. Уютная атмосфера читального зала располагает к приятному душевному отдыху с книгой. Мы будем рады видеть вас в нашем читальном зале!

* * *

11 июня 2018 г. Мемориальный музей поэта-фронтовика С.С. Орлова (г. Белозерск) провел выставку «Поединок длиною в жизнь...», посвященную 100-летию со дня рождения почетного гражданина Белозерского района Б.М. Пидемского.

В Белозерске помнят и чтят своего знатного земляка Бориса Михайловича Пидемского, о чем свидетельствует посвящённая ему выставка.

Это приглашение я, как автор-составитель книги о Борисе Михайловиче, получил в первых числах мая с.г., но к сожалению по ряду причин не смог принять участие в выставке. Достигнута договорённость: после издания книги «Особист» провести в музее ее презентацию.

* * *

Работа на Ленфильме

4 мая 2017 г на российские экраны вышел фильм «Три дня до весны».

Ленинград, февраль 1942 года. У офицера госбезопасности Андреева и молодого врача Марицкой есть всего 72 часа, чтобы предотвратить катастрофу. Жизнь и смерть, любовь и предательство переплетаются в стремительно развивающихся событиях...

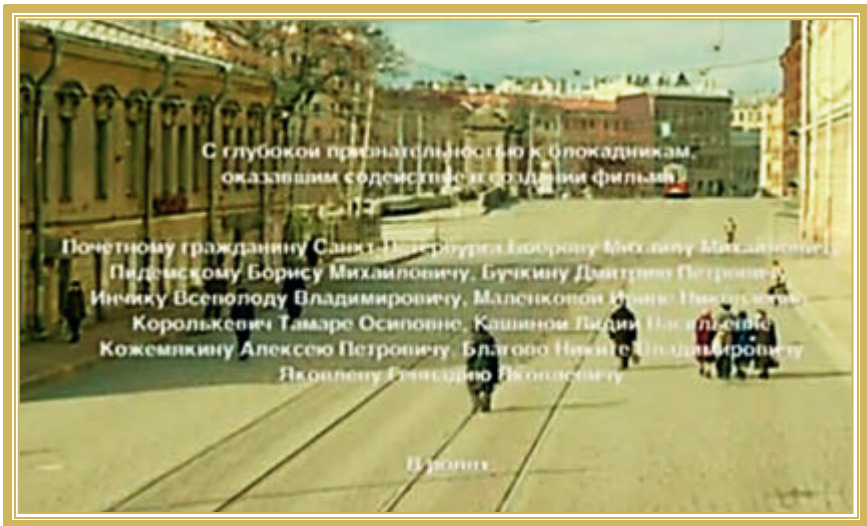
Сценарий фильма основан на историях блокадников и некоторых фактах из «Блокадной книги» Даниила Гранина.

В ролях: Кирилл Плетнев, Елена Лотова, Евгений Сидихин, Юрий Ицков, Владислав Абашин. Режиссёр: Александр Касаткин.

Во-первых, огромным плюсом стало то, что актеры и режиссер родом из Петербурга. Кирилл Плетнев, Евгений Сидихин и Александр Касаткин знают о блокаде от своих предков, которые ее прошли. Для них это не пустой звук, а часть их семьи. Это настолько личная тема для важнейших людей в кинокартине, что схалтурить они никак не могли. Во-вторых, создатели фильма – самые настоящие перфекционисты: для работы над проектом, они много общались с ветеранами, собирая образы и истории из их воспоминаний. В частности, режиссер А. Касаткин очень внимательно прислушивался к мнению консультанта фильма Бориса Михайловича Пидемского – ветерану-контрразведчику, непосредственно работавшему в условиях 192

блокады – к очевидцу и тому, что хочет рассказать настоящий ленинградец.

Им удалось рассказать о самых темных сторонах людей, вынужденных выживать во времена блокады. Пускай, по большей части, этот сюжет – художественный вымысел, но вдохновением ему послужило множество исторических фактов.

Заключительные титры фильма, где творческая бригада выражает глубокую признательность консультантам в т.ч. Пидемскому Борису Михайловичу

Борис Михайлович давний друг «Ленфильма». Его жизненный путь – настоящая легенда, и то, что он стал консультантом киностудии, стало для них большой удачей. Благодаря его советам и рекомендациям удавалось с максимальной правдивостью воссоздавать на экране правду о трагическом и героическом времени Великой Отечественной войны и блокады, а главное, – показать реальную работу контрразведчика в этих условиях.

«Три дня до весны» – одна из последних работ, в которой принимал участие Пидемский Б.М.

Этот фильм будет трилогией. Второй фильм «Трое», еще находится в производстве, но к сожалению Борис

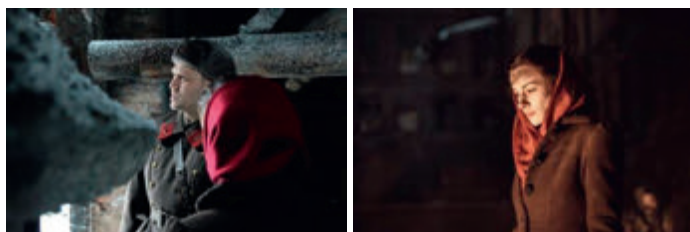
Михайлович Пидемский уже не сможет принять участия в его создании.

Творческий коллектив, который работал на съёмках, много вынес из практических и профессиональных советов Бориса Михайловича...

* * *

«Три дня до весны»

Картина рассказывает о блокаде Ленинграда, выбирая для этого оригинальный детективный сюжет: в феврале 1942 года диверсанты планируют распространить в городе зараженные смертельным вирусом продукты. У офицера госбезопасности и помогающего ему врача есть только те самые три дня до весны – до того времени, как мороз отступит, и остановить болезнь станет невозможно.

Первоначально фильм назывался «Ленинградский вальс» (по названию композиции из саундтрека, звучащей в фильме и обыгранной в сюжете – главная героиня наигрывает мелодию по увиденным в квартире умершего старика нотам). Также рассматривались еще два названия – «БлокА» и «БлокАда», по названию лаборатории, из которой были похищены смертоносные культуры.

Название «Три дня до весны» обыгрывается в фильме двояко – с одной стороны, это ровно то время, которое осталось у героев до наступления потепления и календарной весны; с другой – время инкубационного периода заболевания, на эпидемию которого хотят обречь город – тоже три дня.

«Ленинградский вальс», как и остальное музыкальное сопровождение фильма, написал Антон Лубченко.

Музыку к фильму исполнил симфонический оркестр Мариинского театра под руководством Валерия Гергиева.

Несмотря на то, что фильм происходит во время войны, главные составляющие в нем – детективная и мелодраматическая.

Вот что говорит исполнитель главной роли Кирилл Плетнев о том, почему он согласился сняться в картине и что в ней увидел в первую очередь:

«...Я увидел нестандартную историю, напомнившую мне сюжет оscarоносного немецкого фильма «Жизнь других», в котором агент Штази влюбляется в женщину, за которой шпионит. Мой персонаж в картине «Три дня до весны» – работник НКВД – очень похож на своего немецкого коллегу: закрытый, непробиваемый, олицетворяющий систему... И вдруг в нем появляется что-то человеческое. Такого я еще никогда не играл!»

Главной целью создателей фильма было не показать гляцевую «блокбастерную» картинку, а по возможности максимально приблизиться к документальному отображению; для этого были использованы и реквизит того времени, и максимально похожие на Ленинград сороковых интерьеры, и сдержанная манера съемки.

Несмотря на то, что у «Ленфильма» очень богатая костюмерная, часть костюмов для персонажей была создана «с нуля».

Съемки проходили в Санкт-Петербурге, где были использованы сохранившиеся с военных и довоенных времен интерьеры. К примеру, в роли квартиры главной героини выступает музей-квартира Елизаровых на улице Ленина, а лабораторию экспериментальной медицины, как и кабинеты руководства, обустроили в пустующем кадетском корпусе бывшей воинской части у Тучкова моста.

Одним из сюжетных ходов фильма связан с перспективой использования химического и бактериологического оружия во Второй Мировой – когда диверсантам вменяется использовать источник заражения в городе, а не принести его с собой от немцев. Один из героев объясняет это тем, что иначе у СССР,

подписавшего, как и Германия, Женевский протокол 1925 года, окажутся развязаны руки для широкого использования подобного оружия.

Действительно, присоединившись в 1927 году к протоколу, СССР – как и другие ратифицировавшие документ державы – сделал оговорку, позволяющие использовать указанное оружие в случае, если противник использует его первым.

Первая сцена фильма – запись на радио Ольги Берггольц, читающей свою «Ленинградскую поэму».

*Вот так, исполнены любви,
из-за кольца, из тьмы разлуки
друзья твердили нам: «Живи!»,
друзья протягивали руки.*

*Оледеневшие, в огне,
в крови, пронизанные светом,
они вручили вам и мне
единой жизни эстафету.*

*Безмерно счастье мое.
Спокойно говорю в ответ им:
– Друзья, мы приняли ее,
мы держим вашу эстафету.*

Фильм получил приз зрительских симпатий (вручаемый по результатам зрительского голосования) на прошедшем в конце апреля 5 национальном фестивале дебютов «Движение» в Омске.

Ольга Володина
Главный редактор «Синемафия»

* * *

Пусть этот фильм будет вечной и благодарной памятью потомков о выдающемся человеке, коим был Борис Михайлович Пидемский.

Последние фото Пидежского Б.М., сделанные на Ленфильме

Глава 5

Литературное творчество

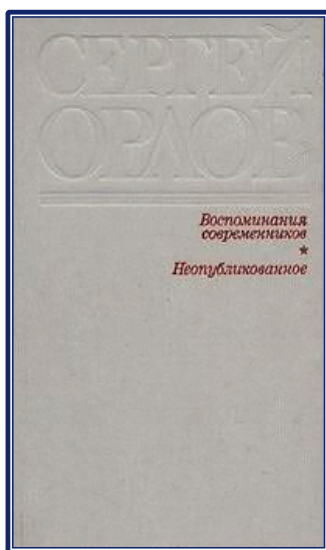
Борис Пидемский

Очерк «Через всю жизнь»

В книге:

*С.С. Орлов. «Воспоминания современников» ★
Неопубликованное»*

Когда на вопрос, с какого года его знал, отвечаю – с 1927-

го, я почему-то не ощущаю, как это много. А ведь это – целых пятьдесят лет, или половина календарного века, а для человека две трети жизни. Мы были рядом с Сергеем Орловым три года в детстве, недолго в юности и очень много после войны.

Как бы там ни было, нам обоим в истекшем полувеке хватило времени стать, как говорят, закадычными друзьями, сказал бы больше – родными братьями, хотя не по метрикам и паспортам, поскольку родители были разные. Но наши матери тоже дружили, а Екатерина Яковлевна, мать Сергея, была моей первой учительницей родного русского языка и литературы.

Кстати, мне кажется, врожденный поэтический талант Сергея Орлова, проявившись в детстве, раскрылся в юношеские годы в силу его любви к поэзии, к

чудодейственному русскому слову, вложенной, словно драгоценный компас, в добрую светлую душу Сергея руками матери.

Я не знаю, кто из учившихся в Мегринской школе (мы называли ее Мегорской) в те двадцатые – тридцатые годы выходил из нее без любви к художественной литературе России. И сын этой мудрой учительницы, конечно, не мог являться исключением. Наоборот, он имел счастье впитывать богатство русской словесности больше нас.

Часто меня просят рассказать, каким был Орлов в детские годы. А это трудно. Трудно потому, что, хотя я и был на целых три года старше его, все-таки оба мы были детьми и не присматривались к тому (а тем более не запоминали), кто из нас как себя ведет, если не числился среди товарищей каким-либо отпетым озорником. Сергей Орлов в таковых не числился. Мне, наоборот, казалось, что он, будучи и веселым и задорным мальчишкой, излишне, что ли, сдержан в выражении чувств, тише других, как-то по-своему спокойнее. И притом большой книгочей. Представить его в детстве без книжки трудно.

Помню его дошкольником, маленьким, белоголовым, в коротких штанишках, греющимся на весеннем солнышке под открытым уже окном нашей бревенчатой школы, сосредоточенно что-то строящим из вязкой глины и притом никак не реагирующим на уговоры взывающей к нему сестренки Ады: «Гуня, Гунь¹³, ну пойдем же, пойдем. Обедать пора; вон и буксир скова барки тянет, пойдем, поглядим».

Однако Гунька, он же Сергунька, должно быть, решив закончить дело, не отзывался. Рядом лежал какой-то красочный «Еж» или «Чиж» – из журналов тех лет, припекало солнце, пахло весенней зеленью; с проходившего рядом со

¹³ В детстве Сергея от уменьшительного Сергуни звали Гуня, Гунька Шаров – по фамилии отчима. О том, что он не Шаров, а Орлов, мы узнали уже будучи подростками.

школой Белозерского обводного канала слышались шум винтов парохода, требовательные гудки, предлагавшие отвести деревянную лаву (плавучий мост через канал). А у меня, да, наверное, и у товарищей по классу, было ощущение маленькой зависти к дошколенку: «Сидит вот, играет на солнышке, сам себе хозяин, а ты торчи за партой, решай задачки». Почему это запомнилось? Видимо, только потому, что откладываются в памяти нашего детства не только дни событийные, громкие. Вспоминаются, к примеру, дни, когда мы с Сережей, его одноклассником Борей Хохряковым, двоюродными братьями Буровыми и Дороничевыми возились в поле за школой с каким-то немудреным сельскохозяйственным инвентарем, который осваивал энтузиаст школьной политехники отчим Сергея – Иван Дмитриевич Шаров; дни, когда мы сажали у школы зеленые аллеи, где каждый запомнил свое дерево на долгие годы.

Когда в семьдесят седьмом году мы проходили с Сергеем на катере мимо затопленного при строительстве Волго-Балта села Мегры, мимо того места, где раньше стояла наша школа и где из воды сейчас торчали черные мокрые стволы – остатки, ставшей уже подводной, аллеи, он тихо, срывающимся от волнения голосом сказал о том, что помнит посаженные им и мною деревья, их он оберегал, пока жил в Мегре.

Мегринские ребята, как, должно быть, все дети мира, любили играть в войну и разбойников. Было излюбленное место для этой игры – покрытый ивовыми зарослями берег Белого озера, справа от устья реки Мегры и последних домов села, которое растянулось по берегам реки и канала.

Густой ивняк, густая высокая трава, «тресты зеленые ножи и камыши как палицы», покрывавшие не один километр приозерной поймы, создавали сказочные условия для ребячьих «наступлений» и маневров, «войсковой разведки» и маскировки, для «кавалерийских буденовских атак».

Сереза участвовал в этих играх, но не часто и почему-то без особого азарта. Не помню, чтобы он в этих играх верховодил, занимал в них командные посты» (может быть, причиной являлся возраст). Но если он приходил и включался в военную игру, то предложений о порядке ее проведения вносил предостаточно. Постоянное чтение, в том числе и книжек о гражданской войне, не проходило и тут бесследно. Тем более что в этот период Сереза увлекался радиосвязью, конструированием детекторных радиоприемников, только что появлявшихся в наших краях; читал статьи о возможностях применения радиосвязи для межпланетных сообщений и в военном деле.

Играли иногда и во дворе того дома с мезонином, где родился Сергей, – единственной каменного дома в Мегре, в котором вначале была сельская школа и жили учителя, а затем – медицинский пункт. В мезонине жила моя мать-акушерка, а внизу была еще квартира фельдшера, в которую в тридцать третьем году, когда Сереза Орлов вместе с отчимом уехал в Сибирь, вселился с отцом другой, десятилетний Сереза – ныне известный поэт и главный редактор журнала «Наш современник» Сергей Васильевич Викулов. Прожили мы с Викуловым под одною крышей года полтора.

За нашим белым домом, тихо дремавшим под старыми березами на берегу судоходного, гулко от паровозных свистков канала, стоял большой деревянный сарай, а за ним простиралась широкая зеленая поляна – «десятина». И поляна, и двор с утрамбованными ногами земляными площадками становились местом игры в мяч, в городки, в «козны» (бабки). В сарае и вокруг него было хорошо играть в прятки, строить дощатые домики – «клетки» – для девчоночьих игр с хождением в гости и угощением «по какбудтости» глиняными «пирогом с луком».

Сереза Орлов был у нас во дворе раза два или три: новая школа, где он жил теперь, была от каменного дома не близко,

примерно в двух километрах. Чаше мы встречались с ним у школы, у избы-читальни, находившейся рядом, на бечевнике и откосах канала, откуда мальчишки любили кричать на проходившие баржи с лесом: «Дяденька кини-ко ба-ноч-ку!» – и получали иногда с борта пустые банки из-под консервов с яркими этикетками, а иногда и забористую ругань подгулявших матросов. Консервные банки использовались под наживку для рыбалки (основная детская и подростковая забава Мегры), а также как посуда при играх в «клетки».

Сережа Орлов выпрашивать баночки был не мастер, кричать стеснялся и прослыл среди сорванцов, хором оравших на баржи с берега, «интиллигентом». В то же время уже тогда ему не отказать было в решительности. Помню, как он потащил за собой нас, более старших, нежели он, взбираться на верхнюю площадку вышки, как тогда называли построенный на канале высокий бревенчатый топографический знак, на вершину которого вели двенадцать вертикальных лестниц с разошедшимися ступеньками.

Взбирались, чуть не цепляясь за воздух, вопреки запретам родителей, учителей и сельских властей; взбирались на спор, будет или не будет виден Белозерск (километров тридцать от Мегры по прямой и сорок по обводному каналу), поскольку, действительно, в ясную погоду десятки золоченых куполов древнейшего города поднимались на глазах из озера как жаркий костер, как второе солнце.

Увы, купола эти, создававшие позолоченный Китеж-град на Белом озере, не сохранились.

Наш романтик Сережа Орлов, как правило, настаивал, что видит Белозерск, когда мы его и не видели. В то время мы злились на это, спорили, а сейчас представляется, что он действительно видел невидимое, ибо увидеть его хотел больше нас.

Из многих встреч запомнилась также встреча осенью

1936 года. Мне привелось быть тогда в Белозерске проездом в Череповец, где я оканчивал медтехникум и по комсомольскому набору учился в летно-планерной школе Осоавиахима (теперь ДОСААФ). Сергей учился в Белозерской ШКМ – в школе, которой сейчас присвоено его имя. Встретились мы совершенно случайно, в коридоре этой же школы.

Не скрою, в тот раз меня потянуло в школу не столько привязанность к ее стенам, сколько мальчишеское тщеславие. Очень хотелось показаться своим учителям и одноклассникам, уже кончавшим десятый класс, в темно-серой форме курсанта летной школы, с эмблемами авиации на небесно-голубых петлицах, с портупеей через плечо. И вот неожиданно Сережа окликнул в коридоре, поздоровался, как бы узнавая и не узнавая в одно и то же время, взялся рукой за портупею, спросил: «Разве ты не в медицинском?» Узнав, что кончаю летно-планерную школу «по совместительству», не удивился, только сказал: «Это здорово!» Лозунг «Молодежь – на самолет!» в те годы был особенно популярен. Попросил меня около часа подождать, – начинался последний урок.

После занятий встретили двух моих одноклассников, долго гуляли по городу; говорили, помню, о возможности полета на Луну, но не в связи с какими-то новыми научными данными, а в связи с уже нашумевшим тогда кинофильмом Александрова «Цирк», с его известным аттракционом. Сереже этот аттракцион почему-то не нравился. Он говорил, что это ухудшенный, опрошенный вариант жюль-верновского полета на Луну: «Это просто примитив примитива». Из-за этой фразы мне и запомнился весь эпизод, поскольку тогда было немножко досадно, что Сергей, по возрасту младший, оперирует понятиями, которые были для меня еще новыми. Был какой-то общий разговор об обсуждавшемся тогда проекте Конституции СССР и даже спор, тоже начатый Сергеем; однако в чем было существо этого спора, уже не помню.

Припоминается, что мы заходили в дом на улице, которая ныне носит имя Сергея Орлова. Сейчас здесь размещается музей с экспозицией, ему посвященной. В первом этаже его был буфет с безалкогольными напитками – продавались квасы белозерские, крепкие, с шумом вышибавшие фарфоровые пробки: «Хлебный», «Мятный», «Брусничный», «Клюквенный»; фруктовые воды, «Крем-сода», сельтерская. Рядом с тележки продавалось мороженое, сливочное, земляничное, в виде упругих шариков, зажимаемых продавщицей между круглыми вафлями.

И хотя нам было уже по пятнадцать – восемнадцать лет, мы этих лакомств не чуждались.

В годы войны, как и многие, мы утратили следы друг друга, хотя, как оказалось, воевали рядом: Сергей – на Волховском, я – на Ленинградском. В неведении прошли и первые полтора послевоенных года. В сорок седьмом я случайно встретил

товарища по Мегринской школе М.П. Бурова, изможденного, поседевшего в свои двадцать восемь лет. Оказалось, что он был взят, раненный, в плен, натерпелся мучений, был освобожден из фашистского лагеря Красной Армией. Михаил Буров спросил меня: «Ты знаешь, что Гунька Орлов в Ленинграде?» Я, естественно, не знал. И он рассказал мне, что Сергей горел в танке, стал поэтом, что сам Буров недавно видел книгу его стихов

«Третья скорость». Я был поражен. Мы, «мегорские», как-то не привыкли еще становиться известными дальше Белозерья. И вот всего через несколько дней раздается звонок в квартиру и как-то осторожно, стеснительно, старательно вытирая подошвы, входит незнакомый мне

внешне человек и, кланяясь моей семье, говорит: «Здравствуйте!» – и мне: «Здравствуй, Борис!»

Понял, что это Сергей Орлов, поскольку узнать оставленного несколько лет назад круглолицего мальчишку с молочно-розовой кожей щек и звонким певучим голосом, узнать его в вошедшем, с затянувшейся страшной раной вместо половины лица, было трудно.

Мы обнялись и за чаем просидели весь длинный вечер, радуясь встрече, но притом непривычно изучая друг друга.

Сергей был как-то по-особому сдержан. Может быть, где-то еще мешала не ушедшая из души воинская субординация, поскольку я с довоенных лет, будучи кадровым военным, продолжал служить в армии и носить офицерскую форму, а может быть, это объяснялось болезненным ощущением внешней своей искаленности.

В тот вечер впервые легла мне на стол и маленькая, но самая большая для меня и для дальнейшей судьбы поэта Сергея Орлова его первая, вышедшая в Лениздате, книжечка.

На ней написано:

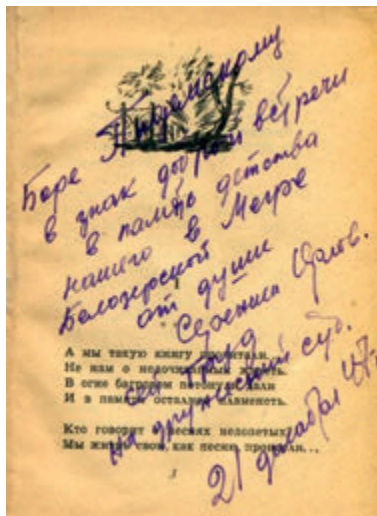
*Боре Пидемскому в знак доброй встречи,
в память детства нашего в Мегре Белозерской
от души...*

Сережка Орлов.

*Сей труд
на дружеский суд.*

21 декабря 47 года.

В этой надписи был весь Сергей, с его величайшей

человеческой скромностью и открытостью большой души. Все, что он писал, немедленно, и, как правило, до печати, передавал на суд друзей. Друзья-фронтовики были для него самыми нужными критиками, независимо от степени их умудренности в литературе, независимо от темы стихов. И мне, как и другим товарищам, он часто позванивал:

«Бо-оря, здорóво! Я тут, знаешь, стишок накропал, послушай...»

Не помню, чтобы он когда-либо в разговоре, а не в строке, называл свои стихи стихами. «Стишки», «стишок», и никак не больше. Кстати, в первые годы он и поэтом себя не называл; чувствовалось, что из той же скромности не был внутренне готов поставить себя в один ряд со служителями музыки, которой с детства привык поклоняться. Нельзя не поверить его честным строкам:

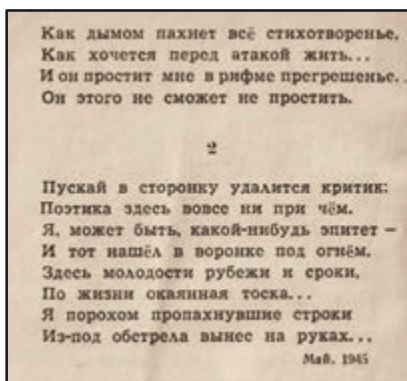
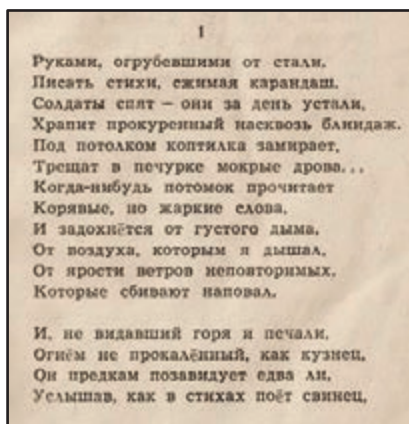
*Я на войне писал стихи украдкой,
Скрывал стихи от посторонних глаз.
Под картой в сумке прятал я тетрадку...*

Не случайно вырвалось и в «Третьей скорости»:

*Пусть нам теперь завидуют поэты,
Мы всё сложили в жизни, что могли.*

Сергей Орлов писал лишь то, что не мог не писать именно в это время, в данный период, в конкретный день, поскольку жил сердцем одною жизнью со всем народом своей страны, поскольку сегодня пережитое им – человеком – требовало проникновенного слова его – поэта.

На моих глазах рождались стихи «В клубе» и «Марья Гавриловна» после возвращения Орлова из поездки на Волго-Дон; «Ночью в казарме» и «Начальник заставы» – по возвращении его из поездки по приглашению Северо-Западного пограничного округа; стихи «Я не люблю людей, которым...» (1953) и «У леса голубого на опушке...» (1966); главы поэмы «Одна любовь».

Стихотворение из сборника «Третья скорость»

Однажды летом шестьдесят седьмого года мы с Сергеем Орловым и Михаилом Александровичем Дудиным – одним из ближайших друзей Сергея – ехали, как говорят, «с ветерком» по широкому, гладкому шоссе под Ленинградом, любуясь развертывавшимися между березовыми рощами и мачтовыми соснами лесов светло-голубыми холстами неба. Дудин только что возвратился из своей очередной поездки в Пушкинские Горы, из Михайловского, земли своей обетованной, где, мы знали, ему, как и Сергею в Белозерье, и пишется и отдыхается хорошо. Своим характерным медлительным голосом он рассказывал:

– Зимой ко мне прилетела синичка, и я ей на ветку подвешивал маленькие кусочки сала. Стою у окна, а она совсем рядом садится на веточку, берет передними лапками это сало – и прямо в клюв.

– Слушай, Миша, а на каких лапках она сидела-то, твоя синица? – взрываясь хохотом, спрашивает Сергей.

Все хохочем до слез. У водителя автомашины баранка подпрыгивает в руках.

Улыбается все вокруг: пролетающие мимо разлапистые кроны деревьев, в ярком золоте солнечных бликов листья малинников, изумрудные поляны в коврах одуванчиков и
208

ромашек. Кое-где сквозь деревья прорывается голубизна холодных озер.

Машина продолжает заглатывать длинную ленту разогретого солнцем бетона...

И тут у Сергея, смотрящего вдаль, из души вырывается:

– Красотища-то! Как в кино!

Снова смеемся, но уже с грустинкой. Насколько же стал человек лишен этой прелести – русской природы, частью которой является сам, если видит ее чаще в кино, если краски ее запоминает по киноленте.

Через несколько дней Орлов прочитал свои грустные, теплые тревожные строки:

Мы, дети природы, забыли природу.

Она нам не друг и не враг.

На лоне ее не бываем по году,

А годы – костры на ветрах...

Как-то в один из дней сентября, накануне двадцатой годовщины форсирования Невы моим батальоном и вступления его в бой на «малой земле» под Ленинградом – на так называемом Невском «пяточке», мы договорились с Сергеем Орловым поехать туда, на это дорогое мне памятное место...

* * *

... На высоком откосе берега мы присели у найденного мною КП полка 20-й дивизии и долго молчали. Затем Сергей запел вполголоса фронтовую любимую песню, написанную Павлом Шубиным, которую на Волховском фронте звали Волховской, на Ленинградском – Ленинградской застольной:

Выьем за тех, кто неделями долгими

В мерзлых лежал блиндажах,

Бился на Ладого, бился на Волхове,

Не отступал ни на шаг.

Подумалось: наверное, для глаз посторонних мы представляем странное зрелище – пожилой лысеющий полковник в обнимку с бородатым человеком с всклокоченной рыжей шевелюрой, поющие малоизвестную ныне песню.

Через день я понял, что Сергей подумал о том же, когда он по телефону после обычных своих слов: «Боря, послушай...» – начал читать:

*Мы с товарищем бродим по Невской Дубровке,
Два довольно-таки пожилые хрыча,
Будто мы разломали на круг поллитровку,
Мы с товарищем плачем и солдатские песни поем...*

Стихотворение «Невская Дубровка», родившееся за один день после поездки на «пяточок», еще раз воочию мне показало, что Сергею Орлову, создавая стихи, так же как и всем по-настоящему большим поэтам, не приходилось ничего придумывать.

Часто, когда пишут о Сергее Орлове, почему-то считают обязательным сказать: «поэт-танкист», «поэт-фронтовик» и т. д. Боюсь, что это определение может у людей, мало знавших Орлова, создать о нем впечатление, прежде всего, как о закованном в броню гвардии лейтенанте или поэте, посвятившем себя лишь воспеванию подвига советских воинов. Сергей Орлов был поэтом во всем, во всей своей жизни.

Незаурядный поэтический талант не только помогал ему строить жизнь, но и немало мешал, как и всем настоящим поэтам, внутренне приспособиться к извечным требованиям быта, службы в аппарате Союза писателей. И не всегда ему, поэту, было легко приспособиться к той прозе жизни, которая не минует никого из нас, независимо от талантов.

Я внимательно читаю материалы дискуссии в «Литературной газете», идущие под рубрикой «Человек

будущего. Каков он?», и все чаще ловлю себя на мысли: человек этот будет таким, каким уже был Сергей Орлов.

Если бы спросили, какая черта в нем преобладала, без риска ошибиться мог бы ответить: интеллигентность. Глубочайшая, видимо, генами и воспитанием заложенная в отношении ко всем и ко всему.

Можно очень много говорить о глубоких познаниях Сергея Орлова в литературе и искусстве. Не было талантливого поэта в любом поколении русских стихотворцев, которого он не процитировал бы при случае на память или о котором не имел бы своего мнения. Его выступления и статьи о Валерии Брюсове, Николае Тихонове, Александре Прокофьеве, Леониде Мартынове, Юлии Друниной, Василии Субботине, Николае Ушакове, Алексее Суркове, Марке Максимове, Александре Решетове, многих поэтах фронтового поколения и поэтах русского Севера говорят сами за себя. Он отлично знал Лермонтова и Блока, Киплинга и Антакольского, любил Твардовского и Смелякова, Луговского и Куприна, на память читал Бориса Корнилова, Пастернака и Бунина, знал древнейшие памятники литературы Отечества.

Мне привелось быть очевидцем, как писал Орлов доклад о Валерии Яковлевиче Брюсове для торжественного собрания в Москве в честь столетнего юбилея писателя.

На маленьком письменном столе в комнатке Дома творчества лежали листы бумаги, том стихов В. Я. Брюсова, краткая биографическая справка. Сергей ходил по комнате от двери до окна, мимо дивана и стола. Мне, приехавшему в воскресенье его навестить, было сказано: «Слушай, извини, я буду писать, а ты забирайся на диван, читай книжки. Потом погуляем. Хорошо? Чаю хочешь?» Я чаю не хотел, читать тоже. Поэтому лежал и смотрел на работу. Сергей писал. Что-то вычеркивал. Писал снова. Перелистывал страницы сборника, подолгу, оторвавшись от бумаги и книги, смотрел в

окно. Мы молчали. И вдруг, не поставив даже точку в наполовину исписанной странице и бросая мне апельсин, Сергей, ножом очищая свой, вдруг засмеялся и сказал: «Нет, ты послушай – в прошлом веке он написал об острове Пасхи:

*И много тревожит вопросов:
Кто создал семью великанов?
Кто высек людей из утесов?
Поставил их стражей туманов?*

А у нас с Казанским, видишь ли, сейчас те же мысли и вопросы приходят».

Сергей явно переключался на одну из излюбленных тем: Земля-планета и человек, космос, внеземные цивилизации, ракеты, пришельцы из других галактик.

Во множестве стихов Сергея Орлова довоенной, военной и послевоенной поры присутствуют космические моменты – плоды раздумий поэта о связи Вселенной и человечества, Земли и человека. Стремление к философскому проникновению в тайны природы и мироздания было характерно для Сергея Орлова с ранних лет, вливалось в его повседневные разговоры с товарищами, в выступления, статьи, стихи, прослеживается во многих опоэтизированных образах природы. «Разве нам не хотелось в детстве дойти до радуги, чтобы увидеть за нею необыкновенный край?» – спрашивает Орлов в статье о поэзии Александра Решетова.

Еще в довоенном стихотворении девушка-жница «серп на звезду ближайшую, как спицу, повесила и спать ушла домой». А в военных стихах космических примет не счесть:

*Идут машины, словно громы,
Сошедшие с крутых небес.*

Или:

*Звезда, летящая комета,
Как звезды мертвые войны –
Шипящие в ночи ракеты
С чужой немецкой стороны.*

Или:

*Здесь земля дрожала не от страха,
Просто было горестно земле.
Осыпались звезды, как на плаху,
На нее в ночной багровой мгле.*

Земля у Сергея Орлова в стихах, написанных в передышке между боями, – и плаха, и шит, и мавзоль для солдата. И есть железная логика в том, что поэт от потрясающего погребения солдат в «Карбусели» (1943):

*Мы подняли лопатами белый наст,
Вскрыли черную грудь земли –*

в сорок четвертом пришел своей поэтической мыслью к эпохальному стихотворению «Его зарыли в шар земной, а был он лишь солдат...».

Космическая тема не оставляет поэта и во все последующие годы.

*Мир безначальный, бесконечный.
Мы пассажиры на Земле,
Летим, а мимо свищет вечность,
Сверкая звездами во мгле.
Где дерзость выше человеческой?
Случайный гость коры земной,
В твои дела вмешаться, вечность,
Он хочет слабою рукой.*

Хочу упомянуть еще об одной благородной черте Орлова – о всегда открытой поддержке друзей, о помощи им, ограждении от несправедливой критики и нападков. Было у него какое-то острое, особое чутье на хороших людей – человек нечестный, какие бы посты он ни занимал, долго в близком окружении Сергея Орлова не задерживался. Иногда после резких прямых выступлений поэта против неправедных обид, наносимых товарищу, слышались реплики: Орлов не может, мол, в данном случае быть объективным, поскольку речь идет о его личном друге.

Орлов отвечал на это, что право и обязанность выступить так и дает ему именно то обстоятельство, что никто не знает человека лучше и всесторонней, чем настоящий друг, и он не допускает даже мысли о своем невмешательстве, иначе какие же они друзья.

Даже в малой беде, которую нельзя и бедой-то всерьез назвать, Орлов спешил на помощь друзьям. Лет двенадцать тому назад в зале гостиницы «Европейская» официально чествовали большого поэта – защитника города в годы блокады. Один из друзей Сергея Орлова и юбиляра, чуть-чуть захмелев после дружеских тостов, проявил моментом оправданную, но рискованную инициативу. Он вышел на эстраду, вежливым жестом отстранил молодую певицу, только что исполнившую модную песенку, и, взяв микрофон, неумело запел фронтовую боевую песню.

Неизвестно, как бы ее закончил этот никогда не певший с эстрады самодеятельный «солист», малоизвестный к тому же гостям, но только Орлов вышел из-за столика, быстро прошел через зал к нему, встал рядом и вместе громко запел, приглашая рукой участвовать в песне зал. Известность Орлова, любовь к нему не оставили призыв без ответа, тем более что в зале, под стать юбиляру, было немало фронтовиков. Песня загремела под сводами, поглотив голос запевалы.

Когда после вечера Сергея спросили, что его, столь стеснительного, никогда публично не певшего, заставило вдруг составить дуэт, он ответил вполне серьезно, что просто испугался за товарища, за его репутацию, «как бы не оскандалился при начальстве», а о том, что «выскочил сам», подумал уже потом, когда «все так ладно кончилось».

Известно домашнее гостеприимство Орлова. Трехкомнатную квартиру, где он проживал с семьей впятером, постоянно посещали земляки-вологжане. С той же любовью, с какой всю жизнь относился к родной земле,

питавшей его вдохновение, он относился и к ее представителям – встречал их с искренней сердечностью, независимо от положения.

Был, к примеру, его соученик Галик В., которого так до пятидесяти лет в Белозерье и звали – Галиком, а потому его отчества я не знаю. Думаю, что не знал его и Сергей. У этого, хорошей души, но безвольного, неорганизованного человека во всех отношениях не сложилась жизнь. Растерял семью, пристрастился к спиртному, жил кое-как. Однако в минуты прозрения и нравственного раскаяния он без всякого предупреждения иногда появлялся в Ленинграде, у Сергея, и не знаю случая, чтобы не был принят, отмыт, накормлен, как бывший школьный товарищ, как добрый земляк, или же ему не была бы предоставлена возможность переночевать у Орловых.

Много можно рассказать о добром внимании Сергея к людям, о бескорыстной заботе. Нужно ли? Все, кто знал его близко, помнят об этом.

Последние годы мы встречались с Сергеем то в Ленинграде, то в Москве, поскольку он жил уже в столице. Встречались то в служебных кабинетах, то дома, то у общих наших друзей.

Первое субботнее утро октября семьдесят седьмого года. Выходной день. Из-за чайного стола позвал звонок телефона. «Бо-оря, – как всегда, нараспев произносит знакомый голос, – здорово! Я здесь, в Ленинграде. Ты что подделываешь? Может, повидаемся?» Вопросов в таких случаях не возникало. Договорились встретиться у памятника «Стережущему» в начале Кировского проспекта. Обычные автобусы почему-то не ходили. Еду из Новой Деревни с пересадками, кружным путем. Иду к «Стережущему» от Петропавловской крепости. За квартал уже видим друг друга. Сергей машет кепкой. Обнимая меня, смеется: «Склероз уже, что ли? Какого черта я тебя тащил через весь город, коли сейчас мне надо добраться

к тебе в Новую Деревню – справку взять в поликлинике старых большевиков для прописки Степана Александровича» (его тесть). Радостно, в который раз, сообщает, что, наконец, ему дают в Москве трехкомнатную квартиру и он будет иметь возможность взять к себе в Москву стариков и сына. Вид, у Сергея довольно усталый, но настроение бодрое. Со смехом рассказывает, как вчера ему в жилконторе отказали дать какую-то справку, как он это переживал и возмущался, а сегодня вдруг понял, что они отказали ему правильно, он был не прав и надо теперь сходить извиниться за свои настояния. Едем на такси в поликлинику. Она не работает (забыли, что суббота). Дотолковались, что в понедельник возьму эту справку и пришлю в Москву. Зову Сергея к себе домой, поскольку рядом. Не идет. Мешает опять его вечная боязнь кого-то стеснить, побеспокоить: «Сегодня выходной у всех твоих, пусть отдыхают, не надо им мешать, чего мы к ним свалимся? Гляди-ко, погодка-та, давай погуляем, дойдем до Пушкина». И мы идем к месту дуэли А. С. Пушкина.

Сколько раз мы там бывали с Сергеем, сколько друг другу рассказано под этими строгими липами, окружающими обелиск! Вот и сейчас, подходя к нему, Сергей говорит мне о нехватке времени для завершения составления трехтомника, который включен уже в план печати и выход которого немножко поможет ему пережить переселенческие расходы. «Ведь, как говорят, каждый переезд на новое место равняется небольшому пожару», – шутит он.

У обелиска на месте дуэли обращает внимание на дату его установления – 1937... Затем видит полустертые строки на стелах и возмущается: «Чушь собачья! Не могли сохранить пушкинские строчки на граните. – Снова шутит: – А что же нам после этого, грешным, ждать?» – и со смехом соглашается, что нашему поколению рано думать о памяти. Если бы мы знали, что ему осталось жить меньше ста сорока часов, всего пять пасмурных октябрьских дней...

Небрежение, проявленное кем-то к памятнику Пушкину, помню, его огорчило не на шутку. Уже в электричке, когда решили поехать за город, Орлов стал пересказывать воспоминания А.В. Луначарского о советах В.И. Ленина, родившихся под влиянием книги Кампанеллы, расписавшего в ней утопический город будущего фресками, – использовать в России памятники и архитектурные сооружения для размещения лозунгов, цитат и стихов, поскольку Ленин считал, что фрески в нашем климате недолговечны. А вот прошло всего сорок лет, и надписи, высеченные в граните, тоже стерлись. «Но все-таки это чушь собачья, – повторил он излюбленное выражение возмущения, – чтобы это дело допустить. Ведь это не памятник купцу первой гильдии (назвал какую-то смешную фамилию), который незачем и уже некому восстанавливать».

Этот разговор привел снова в беседе о фресках Дионисия, которыми мы оба восхищались. Сергей стал жаловаться на то (увы, не в первый раз), что не находит времени закончить поэму о Дионисии, опубликованную кусками.

Расстались мы с Сергеем рано вечером на платформе станции Комарово, после того как немного посидели у меня на «казенной» даче. Спешил он на старую свою квартиру на улице Братьев Васильевых, спешил, чтобы до поезда на Москву «порыться вечером в старых бумагах». Он надеялся найти в них несколько ранее написанных «стишков», чтобы включить в третий том сочинений, с составлением которого задержался и боится этим «подвести издательство».

Я не стал его задерживать, тем более что договорились о встрече в Москве через неделю, откуда мне предстояло лететь в заграничную командировку.

Последнее, что он крикнул мне, садясь в электричку: «Гляди не останавливайся в гостинице. Жми с вокзала прямо ко мне, у меня и переночуешь! Велка будет рада!»

Когда 9 октября я садился с тяжелым сердцем в самолет, летящий во Франкфурт, Сергея Орлова уже не было, он остался лишь только в сердце, навсегда в сердце, остался в своих талантливых негромких стихах, которым, мы чувствуем это все больше, уготована большая судьба, в стихах, которым суждено жить дольше на столетия, чем довелось ему – человеку.

1980 г.

«Поздней осенью сорок первого»

Обложка книги, впервые изданной в 2001 г.

Рассказ и повесть Б.М. Пидемского – участника боев на Невском плацдарме – были написаны на основе личных впечатлений и записей во фронтовых блокнотах 75 лет назад, т.е. непосредственно после событий, в них отражаемых. Впоследствии дополнены документами Центрального архива вооруженных сил. Автор повествует об образе мыслей, духовных устремлениях, поведении и героизме советских воинов, оборонявших Ленинград.

В повести, издаваемой впервые (2001 г.), рассказывается о самоотверженной, нелегкой морально и физически и не бесконфликтной в своей среде работе военных контрразведчиков батальонно-полкового звена в экстремальных боевых условиях конца 1941–1942 годов. Ряд фотографий, включенных в книгу, так же публикуется впервые.

Автор написал подробное послесловие, которое приводится ниже:

Послесловие автора:

«... **С**обытийный ряд соответствует действительности. Изменены имена и фамилии главного и нескольких других героев повести. Отдельные события незначительно смещены во времени. Тексты документов и цифры – подлинные. Современных любителей собирать и обобщать теневые факты в действиях советских войск предупреждаю: трагедия «Невского пятачка» не характерна для большинства других операций Красной Армии. Операция была специфична и в условиях блокады. Ее трагизм лишь подчеркивает величие подвига советских людей в смертельной битве за Ленинград, подчеркивает героизм и жертвенность его защитников.

Да, продолжают до сих пор споры: оправданны ли жертвы двух операций по взятию и удержанию крошечного Невского плац-дарма (IX. 1941–IV. 1942 и IX. 1942–1.1943), предпринятых по приказам генерала армии Г. К. Жукова и генерал-лейтенанта Л.А. Говорова. Сражения войск в условиях, при которых, по подсчетам военных специалистов, «враг, в среднем на один квадратный метр «пятачка», выпускал в час от 15 до 25 пуль, обрушивая на плацдарм до двух тысяч мин, снарядов и бомб», подтверждает и энциклопедия «Великая Отечественная война 1941–1945»: «Защитники «пятачка» (на нем последовательно сражались части различных стрелковых дивизий и бригад) отражали в день по 15–16 атак противника. На них обрушивалось до 50 тысяч снарядов, мин и авиабомб в сутки. Однако сломить их волю врагу не удалось.»

Но в этих спорах всегда берет верх то, что в дни, критические для жизни всех ленинградцев и Ленинграда, прорыв блокады был наиболее возможен здесь, где всего 12 километров отделяли войска Невской оперативной группы от нашей 54-й армии, пробивавшейся им навстречу; где удержание «пятачка» и боевая активность воинов предотвратили намеченное немцами наступление на город с этого направления; где немцы в ежедневных боях также несли ощутимые потери. Только осенью 41-го разгромлена 7-я авиадесантная дивизия вермахта, четыре пехотных, танковая и моторизованная дивизии потеряли от 50 до 70% личного состава и техники, что заставило немцев снимать войска с других участков фронта, не давало им

возможности соединиться с германо-финской группировкой на севере Ладожского и Онежского озер. И, наконец, в январе 43-го «Невский пятачок» сыграл немалую роль в прорыве блокады под Шлиссельбургом».

Книга была издана в производственном издательстве «СТРОЙИЗДАТ» СПб и была немногими специалистами замечена. Но надо отдать должное издательскому коллективу (главный редактор Н.Н. Днепров, художник Е.П. Гаврилов), которые приложили действительно творческий и профессиональный подход к изданию книги.

Суперобложка изданной книги

Удивительно то, что книга издана в мягком переплётё, но с «богатой» суперобложкой¹⁴, которая обычно делается на твердых и красочных переплётёх. Как и положено, на суперобложке и её клапане были размещены необходимые детали: иллюстрации, название книги, имя или псевдоним автора, фотография автора, биографическая справка автора, аннотация.

¹⁴ Из истории суперобложки: до 1820-х годов большинство книг публиковалось в виде пачки неразрезанных листов без переплета и продавалось покупателям либо в этом виде, либо в простейшей бумажной обложке без надписей. Богатые читатели впоследствии делали переплет на заказ, и многие из них заказывали суперобложки, чтобы предохранить книги от повреждений.

Стихи Бориса Пидемского «Блокаднику»

Но самое главное и замечательное то, что на клапане суперобложки издатели разместили по просьбе автора его стихотворение «Блокаднику». Это явная удача Бориса Михайловича.

В те годы уже активно начала, как говорят в наше время, раскручиваться история участия защитников Ленинграда на так называемом Невском плацдарме или в простонародье – «Невском пятачке» и его воспоминания как непосредственного участника, многого стоили...

А уж талантливое стихотворение о блокаде, написанное военным контрразведчиком было просто «бомбой». Необходимо отметить, что именно после этой книги Пидемского Б.М. заметили на литературном поприще, как неординарного и талантливого писателя.

Уже позже была большая работа – «Под стук метронома», общественное признание в России и Премия Федеральной службы безопасности (ФСБ) РФ в 2008 году.

*Помню январь,
Проспект Литейный,
Снежный саван с земли до неба.
На ящике девочка
С синими глазами...
–Товарищ военный... хлеба!
–Нету, родная, рад бы...*

Нету!

*Так бы с ней рядом, обняв и сел.
Иду виноватый перед всем светом
За то, что свои сухари съел.*

*Вечером обратно
Походкой ватной.
Тот же Литейный...
Ничего не прося,
Вместо девочки с синими глазами
Девочка у ящика синяя вся.*

*Ташу на себе, словно боли крик,
Ту синеву и эту...
Кому отдашь, коли твой язык
Сказал последнее*

«Нету».

*В лицо мне скалится лик луны
Безгрешный, подлец, и ясный.
Бреду по квадратам плит стороны,
Что «наиболее опасна».*

*Квадрат за квадратом.
За квадратом квадрат...
В блокадном кольце все углы да квадрат:
В ночных пропусках
И в зелени карт,
В талонах на хлеб
И в скорби лопат;
В небе, простроченном, как халат,
Стропами аэростатов.*

*Квадраты листавших Блока печей,
Оконных рам в одеяльной вате...
Ты здесь пробыл девятьсот ночей?
Ты прожил поистине жизнь в квадрате!*

Борис ПИДЕМСКИЙ

1944 год

Пронзительное и страшное, по сути, стихотворение, описывающее, казалось бы, рядовую по меркам блокады Ленинграда ситуацию, с которой столкнулся Борис Михайлович, превращается в буквально рвущую душу повесть...

В Повесть с большой буквы, которая была свойственна многим жителям того времени в блокадном и голодном Ленинграде...

Недаром многие деятели культуры, прочитав первую книгу Пидемского Б.М. с восхищением отзывались о его книге.

* * *

Книга «Под стук метронома»

Подробная история создания и характеристика книги Б.М. Пидемского «Под стук метронома»

В 2007 году в издательстве Санкт-Петербургского юридического института была впервые издана книга Бориса Михайловича «Под стук метронома», которая буквально взорвала многие слои нашего общества и стала первым документом – свидетельством героизма защитников Ленинграда в годы Великой Отечественной войны на т.н. «Невском пятачке». Книга пользовалась несомненным и заслуженным успехом.

Обложка книги и фронтиспис (фото молодого Пидемского Б.М.)

Описание:

Военная контрразведка в войсках Ленфронта в блокадном Ленинграде – тема сборника. Повесть «Поздней осенью сорок первого» и рассказ «На седьмой переправе» написаны автором – участником сражения на «Невском пятачке» – на основе личных впечатлений и записей, непосредственно после событий в них отраженных до последнего десятилетия не публиковались по условиям цензуры. Повесть «Под стук метронома» также написана исходя из личной осведомленности автора о боевых свершениях, о жизни и быте контрразведчиков в годы блокады. Обе повести дополнены сведениями из Центрального архива вооруженных сил и архива военно-медицинских документов Министерства обороны России. Ряд фотографий, включенных в книгу, публиковались впервые.

Содержание:

- «На седьмой переправе». Рассказ.
- «Поздней осенью сорок первого (в наркомзем или наркомздрав)». Повесть.
- «Под стук метронома». Повесть.

* * *

Подвиг без погонь и перестрелок

«...**Н**а обложке книги Бориса Пидемского «Под стук метронома» – документальная фотография Невского проспекта 1942 года, снятая сквозь пробоину в стене Дома книги.

На другой стороне переплёта – заросшие за полвека, уцелевшие до наших дней траншеи «Невского пятачка». Автор рассказа и двух повестей, включённых в книгу, воочию видел и то и другое.

О прозе Пидемского можно сказать словами Всеволода Вишневского – «отражение художественной объективной правды войны». Четыреста семь страниц посвящены Ленинградской блокаде. Лейтмотивом повести «Поздней осенью сорок первого» стала малоизвестная, а потому и часто искажённо предстающая со страниц газет и журналов, с экрана и со сцены служба военных контрразведчиков в экстремальных боевых условиях.

Выдающийся русский писатель Василий Белов писал о прозе Пидемского: «Бои на «Невском пятачке» осенью сорок первого так правдиво никто больше не покажет и не опишет... Сравнить эту книгу по силе воздействия можно только с книгами о войне Виктора Некрасова, Василя Быкова, Александра Твардовского».

Немногим известно, что эта повесть и рассказ «На седьмой переправе» в основном созданы ещё в сорок втором году по личным впечатлениям автора и записям в его фронтовом блокноте, но не увидели света в то время по цензурным соображениям.

Повесть «Под стук метронома», давшая название всей книге, тоже о военной контрразведке. Сложнейшая служба в тяжелейших условиях показана без традиционных погонь и перестрелок (а они бывали), без акцента на героические подвиги (а они есть), без какого-либо пафоса, а в стоическом преодолении вместе с другими блокадниками ужасов бомбёжек, холода, голода.

Для меня, тоже служившего в ту пору н контрразведке Ленинградского фронта, описанное автором хорошо известно и лично пережито, как и героями книги. Но даже с учётом личного опыта стало откровением талантливое воплощение в художественном произведении стольких деталей работы контрразведчиков в тисках блокады и за линией фронта – воплощение того, что можно назвать правдой необычной жизни.

А интерес к непредвзятому, правдивому слову о деятельности разведки и контрразведки по-прежнему велик. Не случайно презентация книги Пидемского в «Книжной лавке писателей» на Невском проспекте привлекла столько людей, что этот литературный клуб не вместил всех желающих. Признание читателей дополнено высокой оценкой профессионалов. Книга «Под стук метронома» удостоена премии ФСБ России на конкурсе «За лучшие произведения литературы и искусства о деятельности органов Федеральной службы безопасности».

***И. Майзель, ветеран Великой Отечественной войны,
доктор философских наук. «Парламентская газета»
№ 4(2346), 23-29.01.2009***

* * *

Именно поэтому было принято решение о переиздании её в Московском центральном издательстве «Молодая гвардия» в 2011 г.

Обложка книги нового издания

Год выпуска – 2011 г.
Автор – Борис Пидемский
Формат издания – 130х200 мм
(средний формат)
Количество страниц – 278 с.
ISBN – 978-5-235-03426-6
Тираж – 2000
Издательство – «Молодая
гвардия»
Твердый переплет
Язык издания – Русский

В 2015 г. по инициативе Министерства обороны Российской Федерации Издательством «Вече» был издан дополнительный тираж книги «Под стук метронома» / Борис Пидемский. - Москва: М-во обороны: Вече, 2015. - 349, [16] л. ил.; 21 см. - (Библиотека патриотической литературы); ISBN 978-5-4444-2799-6: 1000 экз.

* * *

Афиша презентации

* * *

Стенограмма выступления Б.М. Пидемского на презентации его книги «Под стук метронома» 25.01.2008 г. в Лавке писателей на Невском.

Судьба этого сборника не совсем обычна.

Первые рассказ и повесть «Поздней осенью сорок первого», или она называется «В наркомземе или наркомздрав», написаны, в основном, в 1942 году, во время блокады. Документально дополнены в девяносто девятом-двухтысячном.

Вторая повесть, давшая название сборнику – «Под стук метронома» – написана прошлым летом, хотя события, которые в ней отражены, относятся тоже к тем же фронтовым годам, к тем же годам блокады. Летопись

ленинградской блокады за 65 лет очень велика: и десятки книг, сотни тысяч статей, публикаций, и, казалось бы, уже впитали все, что только можно было сказать о блокаде.

Что же побудило меня к этому изданию?

Душевная боль. Боль имеющая две причины. Первая в том, что в том океане информации о жизни города-фронта почти нет страниц о военной контрразведке, об Особых отделах, переименованных в 43-м году в контрразведку «Смерш», о той контрразведке, которая заставила германских полководцев, включая Кейтеля, признать, что они получали только тактическую информацию о противнике – т.е. о нас, т.е. на уровне полка, дивизии.

Но они не имели информации стратегического значения, в том числе и о Ленинградском фронте, ни о предстоящих операциях крупных – уровня армии, фронта, да и о состоянии войск и города. Это, кстати, одна из причин, что немцы не слишком активно действовали в конце сорок первого-сорок втором году. Информация была у них довольно слабая – они сами признают – только от пленных и радиоперехватов. И это притом, что, по их же данным, против Ленинградского фронта уже в 41-м году действовали 23 органа абвера – германской военной разведки и полиции безопасности. Сотни шпионов и диверсантов были заброшены в течение войны. Однако немцам не удалось ни совершить ни одной диверсии, ни узнать о подготовке хотя бы одной крупной фронтовой операции типа операции «Искра» по прорыву блокады. Я помню, как Жданов – член Военного совета, собирал руководство Особых отделов, т.е. контрразведки военной, у себя в Смольном, примерно за две недели, может раньше, до прорыва блокады, и поставил жестко задачу: «Ни в коем случае, абсолютно!, не допустить, чтобы противник узнал о готовящейся операции». Потому что это была уже не первая попытка прорыва блокады, и дальше терпеть уже было невозможно. И вот все время последующее, практически, вся наша контрразведка работала только на это

– никакой информации противнику: ни по проводам, ни по радиоперехватам, ни, упаси бог! – по переходу кого-то в плен или просто взятого на поле боя раненого. Это удалось. По захваченным Смерш документам у, так называемой, 104-й команды абвера, она против нас особенно активно работала, была в городе Пскове, из 150-ти шпионских групп, которые были заброшены в наш город с сентября 42-го по сентябрь 43-го, возвратились только две – остальные ликвидированы военной контрразведкой и Управлением МВД Ленинграда. В то же время, не было почти ни одной из 11-ти школ абвера, которые готовили агентуру против нас, перед нашим фронтом, куда бы ни были внедрены агенты Смерш, т.е. раньше еще контрразведки Особых отделов. Это конкретный факт – от него никуда не уйти. Дезинформация противника нашей агентурой, разработанная штабом Ленинградского военного округа совместно с контрразведчиками, сыграла немалую роль в тех победах, которые одержал Ленинградский фронт. И не случайно генерал Быстров, начальник контрразведки Ленинградского фронта, а затем Ленинградского военного округа с 42-го по 49-й год, по представлению командующих и Военного совета фронта, был удостоен ордена Ленина, ордена Суворова I степени, трех орденов Боевого Красного Знамени. Это очень высокие награды. Мы видели эти награды, как награды всей нашей группы. И вот, при отсутствии художественной литературы об этой большой работе, было уже просто как-то нетерпимо не сказать хотя бы небольшой повестью об этом подвиге контрразведки Ленинградского фронта.

И вторая причина или повод для появления этой книги. Прямо скажу: этот повод – необходимость словами правды, лично виденным и пережитым, ответить на уже, по сути дела, нестерпимый сейчас поток измышлений, который льется годами со страниц, с экранов особенно, о контрразведчиках СССР, да и сегодняшнего времени. Противопоставить хотя бы то, что сам испытал, что лично знал, вот этим досужим

домыслам типа таких телефильмов, как «Штрафбат», «Смерть шпионам» или циничного фильма «Сволочи», посмотрев который, ей богу, хотелось назвать этим словом его создателей. К сожалению, поток такой информации продолжается. Очень верно сказал журналист Александр Кондрашов 17 декабря в «Литературной газете»: «Голливудские продюсеры «создали» когда-то Америку, российские же неплохо зарабатывают на растаптывании или опошлении истории родной страны... Нельзя же бесконечно играть на понижение». Вот я полностью с этим согласен. И обидно то, что чернят работу и поведение контрразведчиков те писатели, те журналисты, по-видимому честные люди, но, простите меня, ни бельмеса не знающие ни об этой работе, ни о контрразведке. Просто ради моды, в любом своем опусе о войне и о советской действительности, вот надо, почему-то, походя «лягнуть» госбезопасность. Это мы видим все время. При этом даже не соображают, что уподобляются именно тем «писакам», которых сами же справедливо вполне обличали в том, что они писали и говорили: «Я не читал, но я против». Помните, был такой грех. Вот то же самое повторяется сейчас в отношении многих фактов нашей прошлой действительности. Вот, к примеру, у писателя, видимо бегавшего в годы войны еще в коротких штанишках, недавно вышел роман о боях танкистов на Волховском фронте. В нем на 14-ти страницах идет, в той или иной мере, поношение особистов и их работы. А насчет того, насколько автор компетентен в ней, говорит уже то, что у него в одной и той же воинской части есть и представитель контрразведки Смерш, занимающийся ловлей шпионов, и особист – уполномоченный НКВД при штабе «Волга», как его именуют. А этот, значит, проверяет – выйдет ли в срок дивизионная газетка и, между прочим, болтается на передовой не в полевой форме той части, в которой служит, а с малиновыми петлицами. Явно, что писателю просто невдомек даже такой конкретный совершенно факт, что Смерш-то – это тот же Особый отдел, те же сотрудники и те же задачи –

переименованный в апреле 43-го года в «Контрразведку СМЕРШ». А вот тут появляются уже, и встречаются они там даже у него в романе, два таких деятеля двух разных организаций, одну из которых можно больше ругать, а вторую меньше ругать, поскольку она ловит шпионов. Вот такими вещами сейчас занимаются некоторые литераторы.

Возвращаясь к представляемой сегодня книге, хочу сказать, что вы не найдете в ней ни персонажей, похожих на только что мной упомянутых, ни героев типа Джемса Бонда – агента 007, не найдете сногшибательных сцен погони, перестрелок по 100 выстрелов из одного магазина – с одной обоймы, рукопашных схваток, т.е. всего того, что очень любимо сейчас детективщиками романов и сценариев о контрразведчиках. Если повесть «В наркомзем или в наркомздрав», простите тавтологию, повествует о действиях контрразведчиков в экстремальных условиях боя, где без показа смертельных атак, стычек военных и т.д. не обойтись, то вот повесть «Под стук метронома» умышленно лишена этой героики, посвящена повседневной, рутинной и, я бы сказал, бесшумной работе и уровню жизни фронтовых особистов-контрразведчиков, кропотливому разоблачению и захвату агентуры врага, агентурному перехвату каналов его внедрения, но снова – в экстремальной обстановке блокадного города и голодавших госпиталей. Почему? Потому, что именно в них, в таких условиях, проявлялись наиболее рельефно ментальность – по-русски натура, душа, и не только офицеров контрразведки, но и окружавших их ленинградцев – советских людей, которые им помогали. И вот, об этой ментальности было легче сказать читателю фактами, которые были действительно и которые наблюдал. И это именно то, та тема, которую как раз сегодня, к сожалению, литераторы знают мало. Вот причины и повод для того, чтобы писать. Может даже возникнуть вопрос: почему в книге первая повесть, которая создавалась в дни блокады, названа «документальной», а вторая просто –

«повесть», хотя почти все ее герои, кроме агентов-осведомителей, с подлинными фамилиями? Потому что события первой, на «пяточке», вплоть до отдельных диалогов, воспроизведены по журналистским фронтовым блокнотам, а не только по памяти. А тексты приказов получены в 90-х годах из архива. А вот вторая повесть написана «по мотивам» событий, происходивших в 42 – 43-м годах, участником которых привелось тоже быть. Следует сказать, что на эту тему после войны была издана маленькая книжка генерала Лоркиша, писавшаяся, кстати, с моим участием. Но в то время, в те дни, оставался только факт самого захвата трех групп диверсантов – все остальное было интересной, но, во многом, фантазией автора. Поскольку, по цензурным условиям, мы не имели права не только писать о работе с агентурой, а она лежит в основе операций любой разведки и контрразведки мира, но до 60-х годов не могли даже упоминать в печати о том, что в вооруженных силах есть такие органы, как Особые отделы.

Говоря о документальности или не документальности, могу сказать, что конечно сейчас, поставив квинтэссенцией этой повести захват трех шпионских групп, поэтапно, абверовских – эпизод, кстати, меньшей значимости, чем многие – в сюжетный ряд включены факты, взятые по памяти из других операций и из другого времени, в ином сочетании, но тоже почерпнутые из пережитого в разные дни и годы блокады. К сожалению, к несчастью или счастью, мне довелось пережить всю блокаду, с первого дня до последнего, внутри кольца. И в повести не просто фотографирование событий хотелось дать, а рассказ, основанный на нескольких подобных случаях, рассказ о необходимом, физически и морально нелегком, я не побоюсь сказать, даже жертвенном в то время, да и потом, труде этой, не всеми почитаемой, службы. Очень хотелось показать, в том числе, и незадачливым сочинителям, из-за своей некомпетентности компрометирующим сегодня прошлое, показать, чем на

самом деле занимались на фронте органы военной контрразведки и Особого отдела. Дать осознать непредвзятому читателю, что контрразведчик Красной армии не бегал с пистолетом сзади атакующих, а часто сам вел в атаку роты и батальоны, которые потеряли командиров. Особистам было не занимать, как и другим солдатам, чувства долга, отваги, мужества, самоотверженности, выполнения своих обязанностей, выполнения своей солдатской присяги. Только в войсках, оборонявших Ленинград, пали смертью храбрых в боевых операциях 1276 офицеров контрразведки. Для масштабов фронта – это немало. 1276, и основная часть непосредственно в бою. Но, теми же павшими и живыми контрразведчиками Советского Союза, по архивным данным, сегодняшним ФСБ России и Министерства обороны, за время войны было обезврежено более 30000 шпионов, около 3,5 тысяч диверсантов подготовленных диверсантов, до 6000 террористов. Заброшено к немцам за линию фронта и внедрено в их школы и разведывательные центры больше 3000 наших агентов советской контрразведки. Проведены 183 успешные, о неуспешных не говорю, радиовойны с противником. А контрразведка Ленинградского фронта была в этом отношении, прямо скажу, не стесняясь, по-моему, лучшей. Помещение в книге подлинных фамилий, как я уже сказал, генералов и офицеров: Быстрова, Лоркиша, Соснихина, Ковалдина и других – это дань их заслугам в годы блокады в организации сложных операций и радиоигр. Уже на их примере можно сказать, а они в недалеком прошлом были командиры, начальники, политработники армии, они не могли, как правило, вести себя так и стать такими, какими их показывают ныне в фильмах и средствах массовой информации. Они были призваны в контрразведку по обязательной, особенно в начале 40-х годов, по обязательной рекомендации командования и армейских политотделов, как офицеры с высоким интеллектом и нравственным обликом. Причем, это было одним из главных критериев в подборе

военнослужащих на эту не столь простую службу. Т.е. повторяю, в 40-е годы, особенно сразу после массовой и довольно жесткой репрессивной чистки силовых структур, которая тогда проходила, обновления кадров всех спецслужб, как тогда говорили – ликвидации последствий «ежовщины», т.е. беззакония и преступных репрессий конца 30-х годов, нельзя было увидеть тех, о ком пишут вот эти повести. Конечно, как говорят, в семье не без урода. Бывало всякое – семья большая. Встречались еще и такие «Копаловы», которые в повести у меня «В наркомзем или наркомздрав», но это, простите, уже так – след фекалий в чистом озере. Он не решал. И вот нам, молодым командирам, призванным в контрразведку перед войной из воинских частей (тогда она тоже была в Наркомате Обороны, называлась Третьими управлениями, Третьими отделами) даже не приходилось слышать тогда о каких-то нарушениях законности, об оскорблениях задержанных или о подлогах. В 40-е, да и позднее, о какой-либо коррупции, аморальности в контрразведке мог подумать только недалекий человек, вопреки тому, что сейчас пишут. Даже если не из-за чести, совести, так даже из-за страха, в то время. Потому что, это был период, когда была ликвидация последствий. Причем очень жестко. Тогда не только арестовывали, а расстреливали очень много следователей, допустивших какую-либо незаконность.

Отдельными, короткими штрихами, тоже основанных, собственно, на фактах, мне в книге хотелось сказать и о том, что офицеры наши ничем особенно не выделялись в армейском быту, в блокадных условиях жизни. Так же, как и все, голодали и мерзли, так же умирали от истощения, как все другие военнослужащие, а не жрали вместе со Ждановым ананасы в Октябрьской гостинице, как недавно написал один журналист – читал я статью. Кстати, Октябрьская гостиница была тогда госпиталем, так что, жрать там нечего было. Хотелось, хотя бы одним эпизодом также опровергнуть

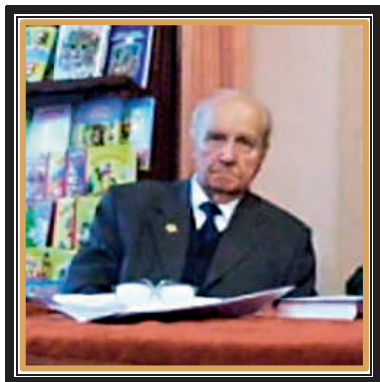
модные сегодня, опять же, выдумки, что заградительные отряды формировались Особыми отделами и подчинялись, якобы, им, а не командованию дивизии, что уже явно противоречит директиве Ставки Верховного командования от 12.09.41 г. № 001919. То же, кстати, можно сказать об органах военной цензуры. Это были чисто военные органы, в которых, естественно, как и в других военных организациях – полках, дивизиях, присутствовали наши контрразведчики. Кстати история войны не знает и фактов применения заградотрядами массовых расстрелов, применения пулеметов против отступавших подразделений. Не знает история войны. Выдумать факты можно, а вот подтвердить их нельзя. Да, и приказ 227 – «Ни шагу назад» давали такую возможность командирам частей, политработникам частей, Особым отделам частей и заградотрядам, которыми командовали командиры дивизий, которому они подчинялись, давали такую возможность при серьезной панике, при бегстве части. Но, фактов то таких, слава богу, не случилось. Не было. И никто не может сказать что «вот тогда то, там то, вот расстреляли из пулеметов такой то полк – потому погибли люди». Не было такого. Поэтому, хотелось бы, чтобы люди просто понимали это. Немножко, штрихом, в диалоге одном я дал понять эту ложь. То есть все распространяемые ныне вот эти кино-теле-литературные слухи и факты – это просто ложь. Как и то, например, что удаление немцев в период войны из нашей армии, а также депортация из Поволжья немцев, то ли, якобы, несправедливой тоже – на днях я читал – но ведь эта депортация была правилом, неизбежным злом во всех воевавших странах. Во всех. А Соединенные штаты своих граждан-японцев даже размещали в лагерях, не просто депортировали. Вот об этом почему-то мы не пишем, об этом не говорим. В общем, на маленькой площади этих повестей я пытался, скажем так, подарить читателю не только для развлечения, как детектив, а для раздумья, для размышления, несколько случаев, связанные вот с этими и

другими темами военного лихолетья, которое мы все пережили. Помятуя слова поэта Леонида Мартынова, которого я очень люблю:

*Да,
Он назад не возвратится –
Вчерашний день,
Но и в ничто не превратится
Вчерашний день,
Чтоб никогда мы не забыли,
Каким огнем
Горели дни, когда мы жили
Грядущим днем.*

Вот насколько мне это удалось – судить, товарищи, вам.

* * *

Б.М. Пидемский и А.Н. Слижевская на презентации книги

На презентации выступила первый Главный редактор первого в стране экспортного издательства «Аврора» – Слижевская Алла Николаевна:

«...Надо сказать, что тут уже говорили, многие присутствующие, что все хорошо знают Бориса Михайловича и всем известна его деятельность, которая прекрасно отражена в великолепных двух повестях, читаемых с необычайным интересом. А вот уж вы, наверное, меньше знаете о том, что

когда пришел в существовавшее уже тогда издательство «Советский художник» полковник КГБ, мы ахнули и вздрогнули... Потому что, во-первых, – настолько разные задачи военных и издательское дело. И к нашему удивлению, очень скоро Борис Михайлович вник в суть издательского дела и, как человек, что-то всегда трансформирующий в лучшую сторону, сумел пошатнуть устоявшиеся традиции: как строится издательство; и сумел создать совершенно новое в то время, несуществовавшее до того в России издательство. которое выпускало альбомы, календари, факсимильные репродукции, за которыми буквально гонялись у нас в Ленинграде, и очень широко получившее отзвуки за рубежом. ... темы их были тоже впервые поданы: – высокохудожественные издания по искусству...».

Церемония вручения премии ФСБ РФ Б.М. Пидемскому

Премия КГБ СССР в области литературы и кино существовала с 1978 по 1989 годы. Ее лауреатами становились такие известные мастера, как режиссеры Павел Чухрай и Владимир Фокин, актеры Вячеслав Тихонов и Георгий Жженов, писатели Юлиан Семенов и Василий Ардаматский. Художественные фильмы «ТАСС уполномочен заявить...», «Операция «ТРЕСТ», «Ошибка резидента», «Государственная граница» и многие другие вошли в золотой фонд отечественного кинематографа.

8 декабря 2006 года состоялось возрождение Премии – это очередной шаг ведомства в реализации политики «разумной открытости», развития и укрепления связей с гражданским обществом.

ФСБ России проводится ежегодный конкурс на лучшие произведения литературы и искусства о деятельности органов федеральной службы безопасности.

В ходе Конкурса осуществляется отбор лучших произведений, в которых на высоком художественном уровне создан образ сотрудника органов безопасности, наиболее объективно отражена их деятельность.

Зал, где проходят награждения

Конкурс проводится по следующим номинациям:

- «Телевизионные и радиопрограммы» (документальные фильмы и телепрограммы, циклы теле- и радиопередач);
- «Художественная литература и журналистика» (проза, поэзия, очерки, репортажи);

- «Музыкальное искусство» (профессиональная и авторская песня, концертные программы творческих коллективов – отмечаются исполнители, авторы стихов и музыки);
- «Кино- и телефильмы» (режиссерская работа в игровом кино);
- «Актерская работа» (актерское мастерство в игровом кино);
- «Изобразительное искусство» (живопись, скульптура, графика, монументальные и оформительские работы).

В декабре 2008 г. в Москве состоялась торжественная церемония вручения премий ФСБ России за лучшие произведения литературы и искусства о деятельности органов федеральной службы безопасности.

Медаль и Кубок Лауреата Конкурса

В 2008 г. автор книги «Под стук метронома» Б.М. Пидемский удостоен Премии ФСБ.

*Земля бесстрашья – Невский
пятачок!*

*Здесь полегли храбрейшие из
храбрых.*

*Потомок! Знай своей свободы цену
И мужеству учись у храбрецов!*

Михаил Дудин, 1941 год

Стенограмма церемонии вручения премии

Ведущие официальной церемонии:

«... наша следующая номинация «Художественная литература журналистика».

В данной номинации представлены:

- **Теодор Гладков** – автор книги «Артузов» в серии ЖЗЛ:– Москва, Молодая гвардия, 2008 г.;
- **Владимир Давыдов** – автор книги «Группа специального назначения КГБ СССР «Вымпел»:– Москва, Фонд «Вымпел-Гарант», 2008 г.;
- **Борис Пидемский** – автор книги «Под стук метронома»:– СПб, Издательство Санкт-Петербургского института, 2007 г.

Для вручения премии на сцену приглашается писательница Полина Дашкова.

Третьей премии удостоен Пидемский Борис Михайлович – автор книги «Под стук метронома»:– СПб, Издательство Санкт-Петербургского института, 2007 г.

«Книга рассказывает о работе офицеров военной контрразведки в блокадном Ленинграде и на огненном «Невском пятачке», о жизни и быте в условиях блокады. Прообразом главного героя книги является сам автор – ветеран Великой отечественной войны, участник обороны Ленинграда. В этом году, дорогие мои, автору книги

исполнилось 90 лет!!! »

На сцену выходит Б. Пидемский:

«... Сердечное спасибо комиссии, присудившей эту почетную премию, руководству Федеральной Службы Безопасности, руководству Департамента военной контрразведки, ибо эта Служба – моя «альма-матер». Я не мог сегодня не написать эту книгу. По работе, по борьбе, по смерти и выживании наших офицеров контрразведки. Спасибо всем...»

Заключительное слово Полины Дашковой:

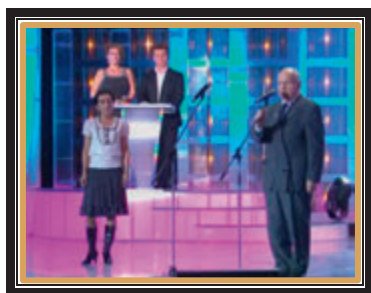
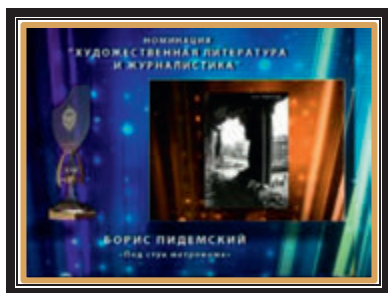
«Приятно поздравлять Лауреатов. На этот раз задача была достаточно трудная в том, что касалось литературы, потому что деление на первое, второе и третье место в данном случае – очень условное. Настолько сильные были представлены

работы.

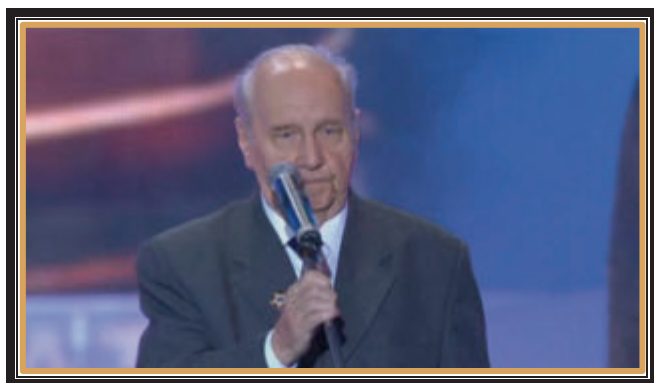
Хочу особенно выделить Бориса Михайловича Пидемского. Я впервые прочитала его книгу. Это действительно очень мощный, очень эмоциональный труд. Надеюсь, что книга будет печататься большими тиражами и, возможно, даже будет снят фильм. Спасибо.»

* * *

Фотогалерея церемонии награждения

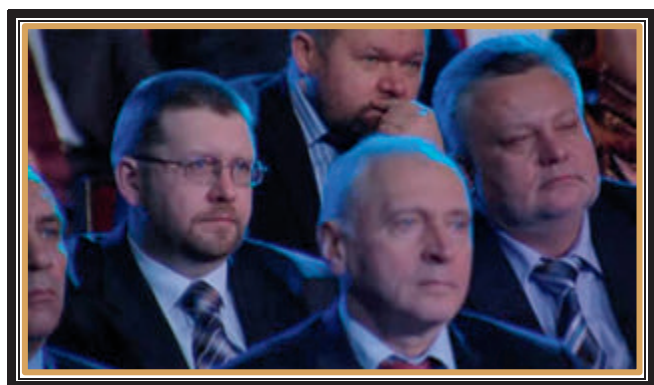
Общий вид церемонии

Выступление Бориса Михайловича

Награждение Б.М. Пидемского

Коллеги на церемонии награждения

Отзывы о книге:

«... Прочитал твою книгу. Молодчина! Написал хорошую художественно-документальную повесть. Читая, поражаешься твоей памяти на людей, на детали солдатского быта, языка, психологических черточек в описаниях».

Юрий Бондарев.
(Из личного письма 06.01.2004 г.)

«... Истинная правда. Это – о книге прозы, которая, как мне кажется, воистину бесценна...

Дело не только в том, что автор лично участвовал в боях, а еще и в том, что он совершил подвиг литературный. Бои на «Невском пятакке» осенью сорок первого так правдиво никто больше не покажет и не опишет.

Художественность рассказа «На седьмой переправе», документальной повести «В Наркомзем или в Наркомздрав» проявляется как раз в документализме – в этом ее истинная правда...

Книге уготована завидная судьба среди тех читателей, кто интересуется русской историей – ученых, психологов, кинематографистов, медиков. Сравнить эту книгу по силе воздействия на читателя можно только с книгами о войне Виктора Некрасова, Василя Быкова, Александра Твардовского».

**Василий Белов (Литературная Газета
№38-39 29.09.-05.10.2004 г.)**

«... Книга произвела совершенно потрясающее впечатление. Давно не читали о войне ничего драматичного и в то же время беспощадно правдивого, достоверного. Испытал, примерно, такие же чувства, как при чтении повести Василя Быкова «Мертвым не больно» (она написана давно и тоже о контрразведчиках – «СМЕРШ-евцах»). Однако повесть, как это ни парадоксально звучит, более

оптимистична. Да, именно так. Это оптимистическая трагедия. Люди, способные пережить ужасы «Невского пятачка», непобедимы. Они одолеют все и вся... Все это мог написать только человек, прошедший через этот ад. С точки зрения литературной, повесть написана сильно, своеобразно, профессионально»...

**Борис Стукалин (быв. Министр печати СССР.
Из личного письма)**

«... Книгу твою прочитал и еще раз убедился: такого кошмара, какой пережил и воспроизвел ты, мне не довелось (Слава Богу) за все 4 года фронта. Помню, что читал эту книгу в рукописи, будучи еще в «Нашем современнике» и хотел напечатать, но... не успел. Ушел из журнала. Прочитал и подумал: твой талант родился под счастливой звездой...»

**Сергей Викулов (4.02.2002 г.)
Поэт. Литературный критик. Лауреат
Государственной премии России. Основатель и многие
годы Главный редактор журнала «Наш современник».
Ветеран Великой Отечественной войны.**

«...Книгу твою прочитал с огромным интересом! Да, и как иначе: Вот она перед глазами – наша родная, пропитанная кровью и усыпанная осколками земля! Впечатляет и один из главных героев Белозеров...»

**Иван Курчавов (Псков-Москва, 18.12.2002 г.)
Писатель. Журналист. Автор романов «Московское время»,
«Цветы и железо», «Невская дубровка», ряда повестей. Участник
Великой Отечественной войны, бывший спецкор фронтовой газеты
на Невском плацдарме.**

«... Известный военачальник, генерал армии, Герой Советского Союза Иван Иванович Федюнинский утверждал: «О «Невском пятачке» писать трудно». Да, действительно, невероятно трудно. Даже простой перечень событий может составить огромную летопись. А их оценка по сей день чрезвычайно сложна...

Но ведь, как говорится, сердцу не прикажешь. Четверть века назад вышел первый сборник воспоминаний участников боев на «Невском пятачке». Каждая его страница драгоценна, в нем любой эпизод, словно молния, а вспоминающий даже словно удивляется тому, что в действительности было. И в нем же приводятся отрывки из дневника известного литератора Всеволода Витальевича Вишневского: «Да, у нас в прессе войну часто описывают необъективно... Нет (в большинстве случаев) художественной, объективной правды войны».

Этот упрек я невольно вспомнил, взяв в руки только что вышедшую книгу «Поздней осенью сорок первого» – художественное произведение о «Невском пятачке». Оно состоит из рассказа «На седьмой переправе» и повести «В наркомзем или наркомздрав». Его автор Борис Михайлович Пидемский – человек в нашем городе весьма известный – старейший журналист и издатель, кавалер 28 правительственных наград. А первую свою медаль – «За отвагу» – он получил на «Невском пятачке».

У книги – интересная судьба. В основном Борис Михайлович написал ее 59 лет назад, лежа в госпитале после ранения. Но издать ее не удавалось: в ней действующими лицами являются и контрразведчики батальонно-полкового звена. Цензура подобного не допускала. И только сейчас книга увидела свет. Это не хроника, а опыт отображения «художественной, объективной правды войны», о котором мечтал еще Вишневский после знакомства с «пятачком».

*Игорь Лисочкин, Специальный корреспондент газеты
«Санкт-Петербургские ведомости».*

Заслуженный работник культуры России.

*(Из статьи «Невский пятачок». Великий долг
остается» в газете «Санкт-Петербургские ведомости»
30.04.2002 г.*

«... Произведение, от которого я в восторге, заставило взяться за ручку (очень давно никому не писала). Название книги сразу же напомнило о той незабываемой осени –

тяжелой, горькой. Спасибо за правдивую повесть о «пяточке». Книга написана на богатом фактическом материале, правдиво описаны трудности, лишения, тяжелые условия, холод, голод, перенесенные воинами «пяточка», а также их патриотизм, выносливость, мужество.

Много человеческого – это подвиги наших солдат, переставших дорожить жизнью для спасения Родины, Ленинграда...

Наверно Ваш талант, богатство души от Бога... Описать так успешно, мастерски, подробно все... и переступить границу недозволенного – написать правду о «пяточке»! Меня уверял один ветеран Ленфронта, что о «пяточке» никто не посмеет написать правду...».

*А.М. Такулова-Пучкина (Владикавказ, 4.01.2002 г.).
Медсестра Ленинградского фронта. Участница боев на
Невском «пяточке» (упоминается в книге (стр. 51)*

* * *

То, что приведено в качестве рецензий, является маленькой толикой многих прекрасных отзывов о произведениях Бориса Михайловича.

Глава 6

Из архива Бориса Михайловича...

В декабре 2017 года, когда задумали написать книгу «Особист» о Борисе Михайловиче Пидемском, обратились к его огромному архиву, который нам любезно предоставил его сын – Олег Борисович Пидемский. Он не просто дал нам почитать его записи, наброски и тетради,

Олег Борисович, как истинный профессионал-архивариус, разбирал и грамотно классифицировал все материалы архива; расшифровывал наброски Бориса Михайловича, сделанные порой в нерабочей обстановке (даже во время войны); «переводил на русский» его, иногда не очень понятный, почерк; перебирал массу записок и старых фотографий, приводя их в божеский, удобоваримый вид. Без его непосредственного участия мы никогда не разобрались бы в таком количестве документов, которые более чем за 80 лет собрал его отец.

Низкий поклон и благодарность за такую работу Олегу Борисовичу! Поэтому мы не зря считаем его соавтором этого произведения.

Некоторая часть архивные материалы, которые мы размещаем ниже – либо не публиковались вообще в печати, либо публиковались с большими сокращениями и правками. Полностью мы планируем весь архив довести до читателя в большой книге о жизни и деятельности Б.М. Пидемского в серии ЖЗЛ.

Коротко об авторе – Пидемском Олеге Борисовиче

Пидемский Олег Борисович родился в исключительно сложное время: 1947 г. – послевоенный этап в истории нашей страны – всё в разрухе и опустении...

В детстве отца очень мало видел дома. Тот постоянно работал.

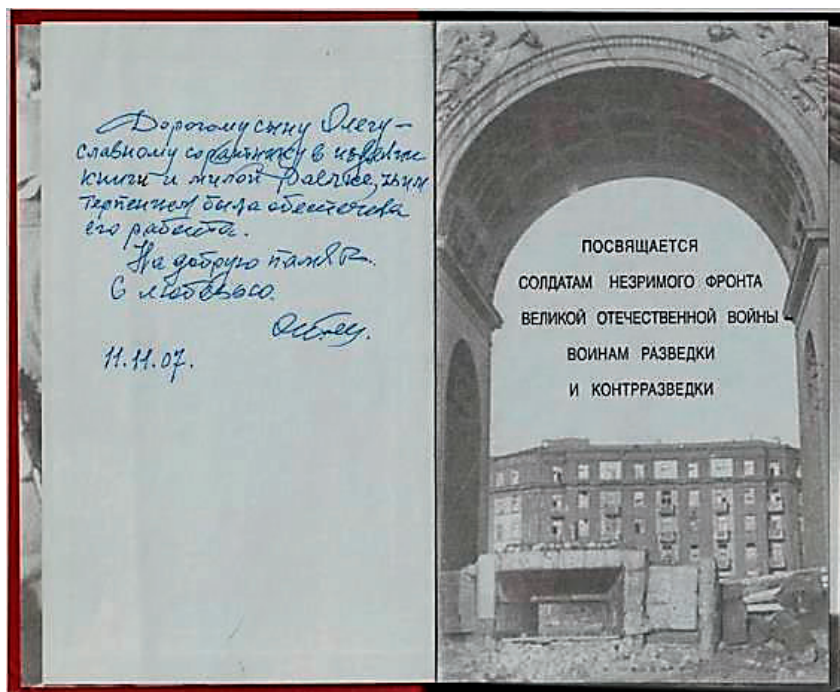
В 1965 году окончил среднюю школу № 62 с политехническим уклоном. Высшее образование получил в Ленинградском ордена Ленина и ордена Красного знамени механическом институте им. Маршала Советского Союза Д.Ф. Устинова (знаменитый «Военмех»).

Длительное время работал на заводе «Двигатель»¹⁵ в сфере автоматизации производства. Впервые в отрасли внедрил на заводе станки с числовым программным управлением (ЧПУ), создал и возглавил службу, обеспечивающую их функционирование. За участие в создании на заводе гибкого автоматизированного производства (ГАП) удостоен бронзовой медали ВДНХ. Награжден юбилейной медалью «300 лет Российскому флоту» и медалью «Ветеран труда».

¹⁵ "ДВИГАТЕЛЬ" Предприятие выполняет ответственные заказы в интересах ВМФ по целому ряду стратегически важных для развития отечественного судостроения направлений, поставяет свою продукцию на экспорт и имеет предпосылки для дальнейшего повышения своего научно-технического и производственного потенциала. В 2004 году «Завод «Двигатель» вошел в ОАО «Концерн «Морское подводное оружие».

Учитывая навыки и умения работы с документами и с компьютерной техникой их подготовки и печатью, много помогал отцу в написании книг и различных бумаг. Поэтому первый человек, кому Борис Михайлович дарил книги – был сын Олег.

На форзаце первого издания книги «Под стук метронома» Борис Михайлович написал:

«Дорогому Олегу – славному соратнику в издании книги и милой Раечке, чьим терпением была обеспечена его работа.

На добрую память.

С любовью.

Отец.

11.11.07.»

«Человек требует мира!...»

Поэма

Примечание:

Когда Олег Борисович Пидемский передал мне архивную рукопись поэмы отца, я был тронут и очень удивлен: – пожелтевшие и дышавшие на ладан листы старой бумаги (фотокопии оригиналов прилагаются), на которых были напечатаны пишущей машинкой эти волнующие стихотворные строчки о войне, просто поражали своей простотой и правдивостью.

Как же надо было любить своих близких, родных, а главное, – Родину, чтобы так рассказать о сомнениях, вопросах и злободневностях непростой жизни обычного военного контрразведчика после стольких лишений и испытаний, а главное – недоверия и незаслуженных обвинений, которые он пережил после войны...

В течение долгой жизни, Борис Михайлович некоторые строчки поэмы использовал – отдельными стихотворениями (например – «Блокаднику») в других сборниках, но полностью поэма печатается впервые.

По словам сына, Борис Михайлович очень любил Маяковского, знал практически все его стихи наизусть. Кстати, Олег Борисович рассказал об отце такой эпизод: – при знакомстве с коллективом издательства «Советский художник», женщины (там работали в основном женщины) встретили его настороженно – «... почему к нам назначают директором какого-то полковника контрразведки, он же всех повыгоняет и заарестует...».

И отец произвольно, подсознательно в первый день, в процессе знакомства стал читать наизусть поэму

«Флейта – позвоночник»¹⁶. Сотрудники сначала притихли, а потом взорвались аплодисментами. Очень им понравилось, что новый директор так хорошо знает Маяковского и готов с ними так спокойно общаться...

И в поэме «Человек требует мира!...» влияние Владимира Маяковского по манере стихосложения, конечно же, чувствуется и явно заметно. Конечно, кто-то посетует, что всё слишком академично и даже – назидательно, но посмотрите – как искренне и профессионально! Такой патриотизм был в то время нормальным явлением для обычного советского человека, а тем более, для руководителя специального правоохранительного подразделения.

И особенно удивляет и поражает разносторонность знаний и талант фронтовика-контрразведчика, а также умение литературно и художественно излагать свои мысли.

*Главный редактор
А.В. Чернышев*

¹⁶ В. Маяковский всегда воспринимался в обществе в качестве дерзкого и вызывающего хулигана. Созданный им самим образ, казалось бы, перечеркивал саму возможность возникновения чистого и светлого чувства. Тем не менее поэт всю жизнь страдал от неразделенной любви к Л. Брик. В момент знакомства женщина уже была замужем, но это несколько ей не мешало. Лиля придерживалась достаточно свободных взглядов на любовные отношения. Роман с Маяковским она считала просто очередным незначительным увлечением. Поэт же впервые был вынужден признать, что полностью поглощен страстью. «Любовный треугольник» стал неизменной темой для обсуждения в обществе. Поэт знал, что над ним смеются, и сходил с ума от ревности. Он посвятил Л. Брик большое количество стихотворений, одно из них – «*Флейта-позвоночник*» (1915 г.). Автор поражен своим состоянием. Ведь он всегда отрицал высокие чувства, считал, что ему подвластен весь мир, не признавал Бога. Но внезапно вспыхнувшая любовь, как божественное повеление, оглушила и поставила его на колени. Если свою любовь Маяковский считает божественным даром, то мужа Брик – посланцем Сатаны («если... перекрестить, ...издымится мясо дьявола»).

Б.М. Пидемский

ЧЕЛОВЕК ТРЕБУЕТ МИРА!...

*«... Слишком живы в памяти народов ужасы
недавней войны и слишком велики общественные
силы, стоящие за мир, чтобы ученики Черчилля по
агрессии могли их одолеть и повернуть в сторону
новой войны... »*

(И.В. Сталин).

1

*« ... Вот пишу Вам
и почерк дикий.
А на коленях
одна из причин:
Мой любознательный
кривоязыкий,
Мой замечательный сын!
Спрыгнул и в угол –
за радиолу
Зайчиком солнечным от окна;
– Папа, скажи,
кто такое голод?
Папа, скажи, кто такая война?
Нет, Вы слыхали,
какие вопросы?
– Кто тебе это сказал,
Сынок?
– Ладиво!¹⁷ (снова в колени носом
и в ожиданье умолк).
Не замутив изумрудиков глаз,
– Голод, – ответил я –
Самое худшее,
Но его нет
И не будет у нас!*

¹⁷ Радио

Война –

Это тоже плохое слишком...

Что же иное малышке сказать?!

Может на счастье,

Лишь в классе, в книжке

Лет через десять

Ему узнать... »

* * *

Этот клочок письма

к неизвестному...

В сорок первом я взял на полу.

Его автор лежал между креслами,

сбитый пулею –

Сын – в углу...

2

Почему это вспомнил сегодня я,

Когда солнцем квартира залита́,

Когда видя квартальную сводную

Лишь воскликнул:

– Угля-то ! А стали-то!

День за днем растём –

Успевай считать!

Сердце молотом

В грудь от гордости

Дочка – Галочка,

Берегись отстать:

Рост Отчизны твоей –

В твоём возрасте!

Дочка ...Галочка ...

Вот и вспомнил я

Отчего войны преисподняя

В этот светлый день
Мне пришла на ум.
– Папа, кто такой
этот мистер Трум,
Нет, не Трум...
краснея поправилась...
Там по радио ... тетя Корея
От лисы от манной избавилась...
А он что-то велел,
что-то драться с ней...
А бывает лиса разве манная?
Засмеялся:
– Бывает...
У этих людей
Даже память – и та – деревянная;
Нехорошие дяди
Как ты говоришь,
Эти Трумен с «лисой» и подлисками...
Ну чего же так зло на приемник сопишь?
Их там нет.
И не пустят
так близко их.
Кем ты будешь, мой маленький грамотей?
Кем сынишка –
Олежка
станет?
Не хочу одного,
чтобы ваших путей,
Снова трассы свинца пресекали.
Я хочу,
чтоб, когда вам пойти в институт
В расписание уже не чернело:
«После лекции –
«коммунистический труд»,
«Два часа – «военное дело».

Бейтесь насмерть
с ветров суховейной ордой.
С тушей оползней в шахтах глубоких,
С ледяною, колючей и злою пургой
На заимках таёжных далеких.

Пусть вам будет в пути
не легко и не просто,
Побеждайте пустыни,
морскую волну...

Мы ж до вашего
полного роста

Вот сегодня
Должны
Победить
Войну!

3

Война,
Блокада,
Голод,
Потери ...

О них рассказал нам
не мистер Кадоган,
Они были в свисте осадной метели,
В глазах малышей,
замерзавших на Ладоге.

Они –
это клочья огня и дыма

Вместо музеев
Пушкина,
В зареве нóчи
трупы любимых
С костями, изломанными
пушками.

Это – щипки
из солдатских
ремней в котле
В доме, вымерзшем
над Невой,
Это в Петрищеве
юность в петле,
В мертвой шахте
Олег Кошевой!
Помню,
январь,
проспект Литейный...
Снежный саван с земли
до неба.
На ящике девочка
с синими глазами:
– Товарищ ... военный...
хлеба...
Нету, родная,
рад бы
нету...
Так бы с ней рядом,
обняв и сел.
Бреду виноватым
перед всем светом
За то, что свои
сухари
съел.
Вечером обратно
походкой ватной.
Тот же Литейный,
ничего не прося,
Вместо девочки с синими глазами –
Девочка у ящика
синяя вся.

Это бред?
 – Жена, успокойся,
 я просто листаю
 Правду четырех
 военных лет.
 Да,
 только листаю,
 Читать и не нужно,
 Горят заголовки –
 глаза обожжешь !
 Хранилище памяти
 так освещают,
 О бывшем,
 недужном –
 Без строчек прочтешь.
 Вот вижу,
 как в пламени,
 желтых лоскутьях
 Корчатся крыши
 костёлов Варшавы;
 Толпами люди
 бредут по распутьям
 Под хохот конвоя
 в Освенцим кровавый.
 Крамеры,¹⁸ череп
 над черепом выткав,
 Блузки, баретки
 в порядочке слóжив,
 Русских и чехов
 толкают на пытку
 Руками в перчатках...
 из девичьей кожи.

Как малышей наших,
 славных и хрупких,
С ртом, перекошенным
 от угара,
Кучею валят из душегубки
В страшное крошево
 Бабьего Яра.
И не лист бумаги с Желтизною
 вижу я
Сквозь строк газетных ряд –
 снег
За новгородскую стеною,
 где России витязи лежат.
Сорванные с круга
 пьедестала
Без кровинки
 в бронзовых сердцах,
Прикрывая грудью
 из металла
Землю у Софийского
 крыльца.
И как у тех –
 живых,
 кого пачками
Гнали, как существа безликие,
Вижу,
 номер бандиты напачкали
На камзоле Петра Великого.
Мерой того,
 как стояли в ту осень,
Фактом того,
 что пришлось испытать,
Высятся в памяти
 двадцать восемь,
Стонут из памяти
 двадцать пять!

Двадцать пять...
дошкольного возраста...
– Так сообщало информбюро –
Отняты...
взяты в фашистский госпиталь...
Высосана кровь...
офицерам в бедро.
Чтоб снова могли убивать
влита...
А дети?!
не им ведь о них горевать,
Дети...
зарыты.
И двадцать восемь!
И двадцать пять!
И двадцать восемь!
Что встали стеною,
Бетонней, чем доты
и шире, чем рвы,
Не дав вурдалакам
упиться кровью
Из сердца вселенной –
Москвы.

5

Видели это –
земля и народы!
Видят все
в ком память жива.
Все,
кто восемь сапог изорвал
И девярых едва
не оставив подошвы,
встал на Одере
грозен и прям!

Все,
 кто сняв кружева и прошвы
Сжали ватником
 девичий стан.
Все,
 кто рушил
 паучьи составы
В паутине
 железных дорог,
Кто до крика
 больных суставов
В прибалтийских
 болотах дрог.
Кто не кланяться,
 закатив белки,
Встал под дужки
 Лувровых ниш –
Куклуксклановцев
 мюнхенской выделки
Брал на мушку,
 спасая Париж.
Кто по Ковентри испытали,
 как спастись отдельным мирком,
Убаюканные вначале
 чемберленовским говорком.
Их всех перечислить
 никто не сможет
Если и годы на это уйдёт.
Кто может горе на доблесть
 помножить
И подытожить?
 Народ!
Разве в скупых
 стихотворных строчках
Слить миллионоголосый
 стон,

Иль в диаграмме
 в столбцах, кружочках
Вычертить гневных
 сердец миллион?
Знаю,
 чех на меня не обидится,
Китаец не будет
 меня охаивать
За то, что не вспомнил
 в строках о Лидице
Об изувеченных рикшах
 в Шанхае я.
Рабочий Турина
 и докер Тулона
Поймут
 отчего без всесветных фактов,
Я Родины муки
 построил в колонну,
Провел по стиху
 обвинительным актом.
Лидице
 в море Сычёвок каплею,
Кóвентри
 к сотне Смоленсков сто первым,
От нами спасенного
 камни б заплакали
Если бы им хоть кусочек
 нервов.

6

Лязгая стальными
 червями гусениц
Не семь, а сто семьдесят
 дивизий враз,

Отмобилизованные
до блеска пуговиц
Лезли в то черное лето
на нас.
В небо пускали
труды Украины,
Танками рвали
седых стариков,
Поля Белоруссии
засеяли минами
И поливали свинцом
с облаков.
Кóрнями вéтел
покрылися тропы,
Листья не пили
живительных рос,
Пепела ветер
носил по Европе,
Сеял в парках на пряди
полос.
А в этом смерче
стали и стонов,
Крови,
Криков,
Пожаров,
Слышался голос
наших наркомов
Партии
комиссаров:
«Тело химера гадливая
по землям республик рассвастила.
К городу Ленина тянет
морды своей остриё.
Думает сладкой сливою
падет этот город в пасть её,

Чёрта получит подлая!
 ЛЕНИНГРАД,
 В РУЖЬЁ!
Все, кому дороги жизни
 своих матерей и детей,
Кто дорожит Отчиной
 и честью своих дочерей,
Все, кому смерть и мученья
 готовит фашистов зверьё,
Стройся в ряды ополченья!
 СТАЛИНГРАД,
 В РУЖЬЁ!
Враг не укроется в норы!
 Черным кольцом бушлатов
Горло его автоматов
 мертвую хваткой сожмем!
За моря родные просторы,
 за наши поля и горы,
За наши дома и хаты
 СЕВАСТОПОЛЬ,
 В РУЖЬЁ!
За землю свою оскверненную,
 за муки погибших отцов,
За наши колхозы
 сожжённые,
За Минск,
 за Житомир,
 за Львов
 ОДЕССА,
 ВСТАВАЙ
 НА МЩЕНИЕ!
По банде шрапнельным дождем!
 Нет врагу
 сожаления,
Не прогоним его
 – убьем!

За родину всех
народов,
За правое дело
своё,
За право на труд
и отдых
СТОЛИЦА МОЯ –
В РУЖЬЁ!
Ветер выл
сумасшедшим горнистом,
Ливень мыл
придорожную паль,
Уходили полки
коммунистов
В вороненую
ночи сталь.
Уходили к Днепру
и в Дубровку,
На Сиваш
и Мамаев курган,
С русской силой
и русской сноровкой
Приучая врага
к котлам.
Зажимая гадину в клещи,
и вот,
В Сталинграде
жало вырвав.
До Берлина вспороли
её живот
Остриями
ножей прорывов.
Может быть вспомнит о том
за Кинсеном
Новый фашист,
завершая свой бег.

Может поймет,
что штыки Ким Ир Сена
Знаменем жизни
несет человек.
Если же нет,
пусть на нас не пеняет,
Когда, начиная
кровавый пир,
Снова страну за страной
вынуждает
Голосом пушек
бороться за мир.
Мы, право на войны,
давая заплатам,
Не всяких пожаров
осудим огни,
Но знаем,
для мира расщепленный атом
Врагам пострашнее,
чем атом войны.
Мы к чувствам зываем
дюпоно-мелоньим
У них ли –
душителей Греции, Мальты,
С их подворотней
джонсон-ачосоньей,
Чувства
в заплеванном
сердца асфальте.
Слово о боли
по стонам изученной.
Слово о гневe,
чтоб стал взнезeмным.

Услышь человек
 доброй воли,
 измученный
Ужасом ужасов
 прошлой войны.

Светлый мира корабль
 для людей земли
Не Нью-Йоркские
 строили орды.
Ради мира у многих из нас
Прошли в седине
 молодые
 годы.

И когда в трюмах этого корабля
 снова бочки с бензином катят
Поджигают
 гниющий конец фитиля
Глоткой, книгой,
 руками,
 всей силой ума,
Человечество крикни:
 ХВАТИТ!

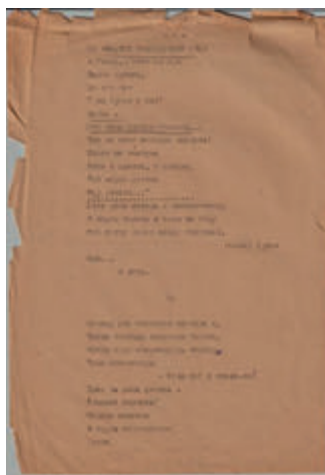
Хватит шутить
 с миллиардом огней,
Орать, чтобы снова
 били и резали,
Слишком много в мире
 людей
На тротуарах скрипят
 протезами!
Не для
 черчеллевидных уродов
Поднимаются
 наши сыны –

«СЛИШКОМ ЖИВЫ
В ПАМЯТИ НАРОДОВ
УЖАСЫ НЕДАВНЕЙ
ВОЙНЫ».

*Борис Пидемский, 1950 г.(?)
г. Ленинград*

* * *

Оригинал рукописи поэмы «Человек требует Мира!...»

Б.М. Пидемский

«Мы с товарищем бродили по Невской Дубровке ...»

Как-то в один из осенних дней, накануне 20-й годовщины вступления в бой нашей дивизии на так называемом Невском плацдарме под Ленинградом, или «Невском пятачке» у поселка Дубровка, мы договорились с Сергеем Орловым поехать туда, на это дорогое для ленинградцев памятное место.

Водитель нашей армейской «Волги» (я продолжал еще в то время службу в армии), быстро домчал нас до этой ленинградской Малой земли и мы с Сергеем побрели от шоссе по заросшей редким бурьяном луговине к берегу Невы.

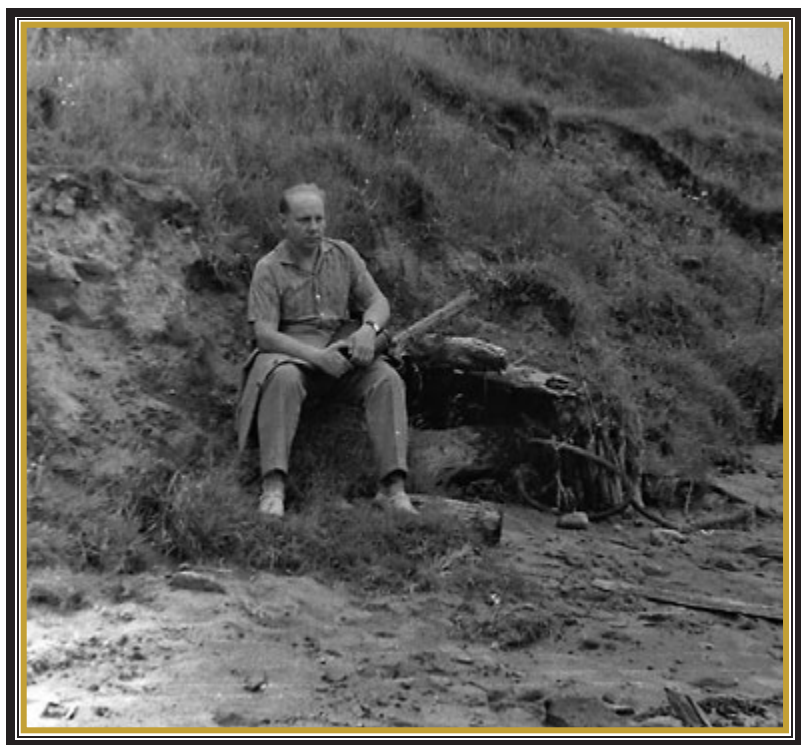
Шли медленно, проваливаясь в заросшие ходы сообщения, воронки от снарядов и мин, провалившиеся блиндажи. Спотыкались об искореженные ржавые части минометов, вылезшие из земли гильзы снарядов, проржавевшие каски, колючую проволоку.

Сергей внимательно слушал, как мне казалось, очень сбивчивый мой рассказ о том, как на этом плацдарме, который, собственно, и плацдармом то можно было назвать условно – вдоль по Неве он занимал всего километра полтора и в глубину до километра, о том как на этом действительно «пятачке» в 41-м и 43-м шли ожесточенные бои, не затухавшие ни на день по несколько месяцев подряд. Не батальоны или роты, а несколько дивизий солдат и офицеров полегли тут, на этой предельно малой земле, до предела насыщенной железом, пеплом и ... костями.

Много лет еще после войны здесь не хотела расти трава. По ночам это поле, долго выделявшее фосфор, светилось жутким белесым светом.

Сергей шел молча. Пристально всматривался в изуродованную землю. Иногда наклонялся и ржавым осколком или железкой от патронного ящика зарывал отдельные кости. Их нередко из почвы вымывало дождями.

Так мы добрались до остатков блиндажа командного пункта 8-го полка 20-й дивизии – моего полка. Сели. Молчали. Глядели, как мимо по реке проходят баржи и теплоходы...

*Пидемский Б.М. у своего блиндажа на «Невском пятачке»,
Август 1961 г.*

Сергей вдруг вполголоса запел. Запел популярную на фронте песню на слова Павла Шубина. Эту песню на Волховском фронте, где воевал Сергей, называли Волховской застольной, а у нас в блокаде – Ленинградской.

*«Выпьем за тех, кто неделями долгими
В мерзлых лежал блиндажах,
Бился на Ладогe, бился на Волхове,
Не отступал ни на шаг».*

Мне тогда подумалось: вот бы кто-нибудь поглядел на Серегу и меня. Странное зрелище представляли: лысеющий пожилой полковник и бородатый, рыжеволосый, с всклокоченной ветром шевелюрой, известный поэт – вроде трезвые, а обнялись и поют во весь голос уже мало кому известную песню.

А ровно через день понял, что Сергей подумал в тот миг о том же. Он по телефону, после обычных своих слов в таких случаях: «Боря, послушай, - начал читать, - «Мы с товарищем бродили по Невской Дубровке ... ».

***Выступление на радио
04 Августа 1986 г***

* * *

Сергей Орлов

Невская Дубровка

Б. Пидемскому

Мы с товарищем бродим по Невской Дубровке,
Два довольно-таки пожилые хрыча,
Будто мы разломил на круг поллитровку,
Мы с товарищем плачем и солдатские песни
поем...

Вот он, берег Невы сорок первого года.
Двадцать лет поднималась и жухла трава,
Шли дожди и снега, лишь одна оставалась
пехота, –

Та, что в берег вцепилась, от дивизии рота
В сорок первом году, ни жива ни мертва.

Вспоминает полковник лейтенантское звание,
Вспоминает о Женьке, санитарке глазастой, –
Как она полоскала рубашку свою
и рвала, как ромашку для раненых, –
И смеется, как будто бы вспомнил о счастье.
А в траве земляника пылает на брустверах,

И солдаты лежат между ржавыми минами,
И, наверное, Женька – красавица русая –
Пулеметом порубана, где-то рядышком, милая.

Вспоминает полковник, а земля исковеркана,
Двадцать лет ничего на земле не разгладили,
Да и мы – как земля, наша память, наверное,
Будет тоже, как эта земля, вечно в ссадинах.

На шоссе ждет машина нас, зря надрывается.
От воронки к воронке над траншеями медленно
В бой на Невской Дубровке от земли отрываются
Пять солдат с лейтенантом, из роты последние.
Ничего нет вокруг, но велением памяти
Мины рвут тишину, лейтенант чертыхается,
И солдаты встают... Воздвигается памятью
памятник,

Там, где нету его, но стоять ему там
полагается.

А вокруг – мирный луг, а вокруг – жизнь
нормальная.

По Неве к Валааму плывет теплоход, полон
песнями.

Но сердца, словно компасов стрелки над
аномалией,

Бьют о ребра вовсю, будто тесно им, тесно им.

А водителю Вите лет двадцать, не более,
Столько, сколько нам в армии было когда-то.
Он включил себе радио, не идет с нами в поле,
Наши слезы и песни ему непонятны.
Что ему это поле, – как нам Куликово, не боле!..
Хлещет радио джазами над погостом в костях
и металле.

Мы с товарищем, с нашею славою, с болями,
Эпопеей для Витьки, историей стали.

Только мы не история, мы в нее не годимся, –
В нас ликуют и плачут железные годы,
И живут там солдаты, и хрипят: «Не сдадимся!»,
Делят хлеб и патроны у бездонного брода.
Делят хлеб и патроны, разгружают понтоны.
Нам бы надо обидеться на курносого Витю,
Но у жизни есть горя и счастья законы,
Наше – нам, юность – юным, и мы не в обиде.
И зачем ему, Витьке, за нас нашей памятью
мучиться.

Ах, зачем, все равно у него не получится.
Свищут птицы, горит земляника на брустверах,
Полон Витька к истории благодарности и
уважения.
Он глядит на шоссе и на девочек в брючках,
без усталости
Мчащих велосипеды вдоль древнего поля
сражения.

Август 1961 г.

* * *

Память или Показуха?

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПРАЗДНИКУ

Мы только что отпраздновали 45-летие Великой Победы. Она действительно была Великой – Победа сорок пятого года, избавившая нас от рабства и поругания. И заслужила нашу вечную память – искреннюю, осознанную, человеческую.

5 лет тому назад я узнала, что близкий человек, считавшийся без вести пропавшим, погиб в сорок втором году в Долине смерти под Новгородом. С тех пор каждый праздник Победы я встречаю у свежей могилы в Мясном Бору, где вновь и вновь хоронят солдат, «забытых» на полях сражений. Новгородцы сумели сделать так, что каждый в тысячной толпе, окружающей могилу – старик или школьник, солдат или рабочий, добрый и не очень, пассивный или живущий на гребне естественной активности – любой ощущает здесь адскую жуть войны и радость, что она миновала, и страшную цену Победы, и безмерную благодарность к тем, кто расплатился за нее своей жизнью.

ТАКИМ ЖЕ истинным Днем Памяти было и нынешнее 8 мая в Мясном Бору. Ряды кумачовых гробов вдоль дороги, а в них – 3 тысячи солдатских останков, поднятых из болот поисковыми отрядами; трепетные руки женщин, укладывающие цветы на крышки гробов; мерцающие огоньки поминальных свечей и волнующий молебен священнослужителей Новгородской епархии под руководством протоиерея Михаила Елагина.

Поблагодарив отца Михаила за проникновенную молитву в память убиенных на войне, я спросила: как же относится православная церковь к тому, что павшие, захороненные самой землей, выкапываются, укладываются в гробы и хоронятся через столько лет после смерти?

– Святое дело! – ответил протоиерей. – Убитый, не поднятый человеческими руками, не может считаться погребенным. Кошунство – не то, что делает молодежь, а то, что мы забыли своих павших на поле брани. Ведь это кости

мучеников! С самого зарождения христианства кости мучеников поднимались из земли и хоронились с почестями. Я счастлив, что хоть теперь получил возможность почтить погибших, среди которых мог бы оказаться и сам: я тоже воевал, на 3-м Белорусском...

Столь же искренним, как и молебен, был и торжественно-траурный митинг. Участники здешних боев вспоминали жуткую мясорубку Мясного Бора, товарищей, погибших от взрывов снарядов и бомб или затоптанных людской лавиной, хлынувшей в Долину смерти из кольца окружения 24 июня сорок второго, раненых, оставленных на милость врагу...

Родственники, наконец-то узнавшие о судьбах своих близких, рассказывали, какими они были – их отцы или братья, Делились горькой радостью – знать, что есть на свете дорогая могила... И обнимали ребят, снявших с их мертвых солдат клеймо «без вести пропавших». Ведь совсем недавно эти слова были синонимами предательства и измены...

И поисковики из Новгорода и Казани, Калуги и Хромтау обещали приезжать сюда еще и ещё – до тех пор, пока в Долине смерти останется хоть один захороненный солдат...

Таким вот печально ясным был этот майский день на Новгородчине.

А как отметили День Победы ленинградцы?

Как всегда, мы побывали на Пискаревке – у тех тысячных братских могил, где непременно кого-то оставила каждая блокадная ленинградская семья... Положили на гранитные плиты цветы, конфеты, ломтики хлеба. И выпили горькую за своих незабытых убитых и умерших и за то, чтобы никогда не повторился ужас войны. Мы все в этот день были чисты и праведны душой.

Но что же наши официальные празднества? Соответствовали ли они этому торжественно-грустному настроению? Увы... Тщательно спланированные ритуалы,

вполне приличные, в меру торжественные они оставили ощущения пустоты. Хотя в них, кажется, было все: и громкие речи, и оружейные салюты, и пионерские приветствия, и те же нововведенные богослужения.

Похороны 574 солдат, погибших на Невском «пяточке», чьи останки были подняты поисковиками молодежного объединения «Возвращение», почему-то начались с бравурного марша у Рубежного камня. В выступлениях представителей советской власти и ветеранской общественности славилась Победа, и давались обещания соорудить на «пяточке» величественный мемориал.

Был и молебен – тусклый, заунывный, равнодушный. Он явился яркой демонстрацией того, что чиновничий формализм способен поразить не только нашу нелюбимую номенклатуру, но и церковь.

Хор семинаристов отпевал убитых длинно и монотонно, бесстрастно отрабатывая положенное время. В два часа пополудни отец Дмитрий – священник из Петрокрепости, руководивший богослужением, заметил председателю Кировского горсовета тов. Кокареву, что «ребятам пора обедать». «Ребята» в черных рясах оборвали заунывное песнопение и разошлись.

Поисковиков, молча стоявших с лопатами в руках у края могилы, вслед за священником осудили и выступавшие: председатель комиссии по увековечению памяти защитников «пяточка», бывший сотрудник Особого отдела 20-й стрелковой дивизии Б.М. Пидемский («Мы не позволим касаться братских костей железным заступом!») и член президиума Ленинградской секции ветеранов войны П.П. Дмитриев. Участник Любанской операции, бывший комвзвода управления 327-й стрелковой дивизии Павел Павлович Дмитриев отлично осведомлен о ежегодных поисковых экспедициях в Мясном Бору и нимало не возражал по этому поводу (ведь новгородские власти –

за!). Здесь же, зная о негативной позиции облисполкома Кировского горсовета, он принялся клеймить поисковиков.

Перед захоронением на «пяточке» (дабы оно стало первым и последним!) на совместном совещании областного и Кировского исполкомов детально обрабатывался сценарий празднества вплоть до перечня выступавших. На митинге председательствующий тов. Кокорев не дал слова ни поисковикам, ни тем, кто хотел выразить признательность за их нелегкий труд.

Лишь А.А. Капустина, с трудом прорвавшаяся к микрофону, сумела сказать несколько благодарных слов ребятам из поисковых отрядов «Память», «Возвращение», «Выборжец», работавших здесь все весну и поднявших более полутысячи солдат, оставленных на поле боя.

Андрей Шмельков, Александр Чупров, Юрий Ковалев. Геннадий Королев, Георгий Стрелец. Владимир Бирко, Вадим Максимов и другие хорошо знают, что «без вести пропавшие» лежат на каждом квадратном метре «пяточка». Что никакие митинги и новыеobelisks не рассказали бы 92-летней вдове Егора Семеновича Маркелова, где убит ее муж, за которого лишь в нынешнем мае она получила первую пенсию. Как не узнали бы без их поиска о судьбах своих близких родные хлебопека А.Н. Шибаева и старшего батальонного комиссара А.В. Щурова, красноармейца Михаила Федотовича Чупрова и капитана Павла Николаевича Кузьмина и остальных 32 солдат, чьи имена выгравированы теперь на могильных плитах...

– Учесть всех погибших, установить их имена, захоронить с почестями – вот цель нашей работы, – говорит руководитель объединения «Возвращение» Г. Стрелец.

Но, оказывается, именно эта цель и не устраивает руководителей Кировского района нашей области, ибо они отлично понимают, с каким объемом работ им пришлось бы

столкнуться. Куда проще – раз в году проводить помпезные митинги и время от времени открывать новые памятники.

Поисковая группа «Следы матери» много лет работает в Погостье, где тяжелейшие бои по прорыву блокады вела 54-я армия. Председатель Малуксинского сельсовета Анатолий Андреевич Кравченко всегда помогал ребятам, чем мог – и в устройстве, и в работе, и в захоронении. И нынче, с 28 апреля по 6 мая, здесь работали 30 поисковиков – ленинградцев и москвичей. Они подняли останки 132 солдат, установили 5 имен. Но захоронение не состоялось: в Малуксе открывался мемориал!

Маршал Л.Т. Язов – в годы войны командир взвода – воевал в этих местах. Министерство обороны выделило средства, и в рекордно короткий срок (всего за полгода!) был и спроектирован, и возведен величественный памятник.

Только вот останкам солдат, павшим за эту землю, места в мемориальной зоне не нашлось: они так и остались лежать в лесу, прикрытые дерном.

Открывать в День Победы, в день нашей вечной Памяти мемориал во имя павших и не захоронить их самих – это ли не кощунство, это ли не лицемерие?

– Будем воспитывать детей не компаниями по раскопкам костей героев, а в истинном благоговении – считает Б.М. Пидемский. Но «что, кроме неуважения к взрослым, могут воспитать в детях эти слова в сочетании с человеческими костями, брошенными рядом с мемориалом?».

– Вы уверены в каждом из поисковиков, которых так защищаете? – спросил меня однажды председатель Кировского горисполкома Н.В. Чижев.

Останки воинов, брошенные мародерами

Фото Александра Беленького

Вопрос, однако, не в личностных качествах каждого из 296 поисковиков объединения «Возвращение», а в их твердой убежденности: память к павшим должна быть подлинной и действенной, а не формально-равнодушной.

Изольда ИВАНОВА

СМЕНА

19 июня 1990 г. № 140 (19590)

* * *

Публикуемое ниже стихотворение Борис Михайлович написал через несколько дней после опубликования 19 июня 1990 года журналисткой Изольдой Ивановой газеты «СМЕНА» статьи «ПАМЯТЬ ИЛИ ПОКАЗУХА? Послесловие к празднику», в которой рассказывалось о бескорыстной работе поисковиков молодежного объединения «Возвращение».

Б.М Пидемский и его друзья-фронтовики полагали, что никому нельзя вторгаться в места захоронения погибших солдат – а воспитывать молодежь «... надо не компаниями по раскопкам костей героев, а в истинном благоговении...».

* * *

Б.М. Пидемский

Баллада о «Невском пятачке» или Ищем кости на погосте...

«... На «Невский пятачок» в два 2 кв. км земли на месте бывшего поселка Московская Дубровка, где сражались 12 дивизий Красной Армии, в течении 7,5 месяцев обрушивалось в сутки до 50.000 авиабомб, снарядов и мин. Погибло до 200.000 человек»

(Энциклопедия)

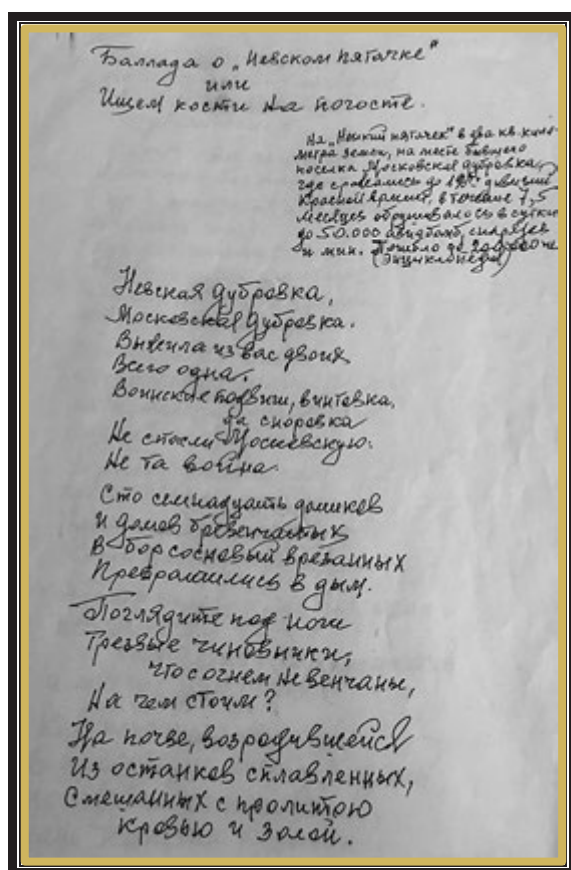
Невская Дубровка,
Московская Дубровка.
Выжила из вас двоих
Всего одна.
Воинские подвиги, винтовка,
да сноровка
Не спасли Московскую –
Не та война.

Сто семнадцать домиков
И домов бревенчатых –
В бор сосновый врезанных –
Превратились в дым.
Поглядите под ноги –
Трезвые чиновники,
 что с огнем не венчаны,
На чем стоим.
На почве, возродившейся
Из останков сплавленных,
Смешанных с пролитую
 кровью и золой,
Жаль, что вы не видели:
По ночам, столь памятным,
 «пяточок», светившийся
Голубым огнем.
Жаль, что вы не видели
Полюшко безтравное
 (где в тридцатых нёжилось в зелени село).
Где десятилетия
 (и это может главное)
Травы божьи нё жили,
Ничто не проросло.
Словно бы просила
Двухверстная могила,
Открытый крематорий
 под небом голубым:
«Укройте меня илом,
 Простой землицей милой.

Пусть наше поле–горе
Хоть выглядит иным».
Пусть каждый, где был срезан
Покоится, растерзан
осколками фугасов
И многих тысяч мин.
Как попросил запиской
в преддверье смерти близкой,
Последний из погибших,
Наш капитан Кузьмин.
А мы могилки крестим
Оркестры, торжество!
Все вроде честь по чести
Под свежеею листвою.
Чиновники
и люди из ближних городов...
Поп панихиду служит
Над дюжиной гробов.
Ему совсем не важно,
Что немец и бурят,
Что пали в рукопашном,
В одном гробу лежат.
Что в каждый гроб пунцовый
Ссыпали из мешков
По дюжине берцовых,
По двадцать черепов.
Кто знает не из местных:
Над холмиками в ряд
Таблички: «Неизвестный, –
покоится, – солдат».

А этих неизвестных
Семьсот на одного.
Насколько же уместно
Такое торжество?
Здесь не скелеты всюду
лишь кости, как крупа.
Как битую посуду...

Июнь 1990 г.

Оригинал рукописи стихотворения Бориса Михайловича...

* * *

Потери на Невском пятачке

Количество погибших и раненых советских воинов в боях за Невский «пятачок» в разных источниках значительно отличается, но, согласно абсолютно всем оценкам, потери в боях за плацдарм были огромными.

В 1960-е годы в газете «Правда» была впервые обнародована цифра в 200 000 солдат, погибших на Невском «пятачке», которая на длительное время утвердилась в отечественной военно-исторической литературе. В последние годы появились другие оценки.

Так, согласно подсчету комитета ленинградских ветеранов, обнародованному в 2001 году, безвозвратные потери советских войск в боях за плацдарм составили 50 000 человек. По расчетам историка Г.А. Шигина советские войска в боях за плацдарм потеряли убитыми и ранеными – 64 000–68 000 человек. Кроме того, желая подчеркнуть беспрецедентный уровень потерь в боях за «пятачок», зачастую указывается число убитых на квадратный метр плацдарма. При этом и здесь оценки значительно отличаются — от 2 до 17 погибших солдат. Однако подобные утверждения являются некорректными и явно преувеличенными. Размеры Невского «пятачка» постоянно менялись: от 4 до 1 километра в ширину и от 800 до 350 метров в глубину, – иногда буквально за сутки.

Много там погибло людей, но никак не 50 000 (с этой цифры начинали недобросовестные вещатели), и уж, тем более, никак не сотни тысяч.

Общее количество перевезённых всеми 5 переправами через Неву ТУДА и ОБРАТНО согласно хранящимся в ЦАМО РФ отчётам с 19.09.41 по 27.04.42 составило 46 500 чел.

* * *

Роль Пидемского Б.М. в признании «Невского пятачка» мемориальным комплексом

Судьба Ленинграда во многом решалась на берегах Ладоги и Невы. На территории современного Кировского района Ленинградской области с 1941 по 1944 гг. разворачивались важнейшие операции по прорыву и освобождению Ленинграда от немецко-фашистской осады. Обустройство братских воинских захоронений по линии Ленинградского и Волховского фронтов и мемориализация мест сражений на рубежах героической обороны Ленинграда началась еще в суровые военные годы.

Идея создания мемориалов на Ленинградском фронте была высказана архитектором А.С. Никольским¹⁹ в его блокадном дневнике 8 января 1942 г.: «Я задумал серию памятников – памятных точек боев за Ленинград. Такой, в полном смысле пространственный коллективный памятник боям на подступах к Ленинграду²⁰». Эскизы временных памятников на могилах павших бойцов встречаются и среди зарисовок архитекторов-фронтовиков.

Первые монументы на рубежах героической обороны города были установлены в 1944–1945 гг. Инициаторами их создания стали Ленинградский обком и горком ВКП(б), Военный совет и Политуправление Ленинградского фронта при непосредственном участии маршала Советского Союза Л.А. Говорова, который в 1942 г. проводил подготовку сил фронта (Невская оперативная группа, 55-я армия) к участию в Синявинской наступательной операции. Статус мемориального военно-исторического комплекса "Невский

¹⁹ Никольский Александр Сергеевич (1884–1953) – советский архитектор, лауреат Сталинской премии первой степени (1951).

²⁰ Из истории советской архитектуры 1941–1945 гг. Документы и материалы. Хроника военных лет. Архитектурная печать. М., 1978.

пятачок" с охранной зоной площадью 194 га был определен решением Леноблисполкома 10 июля 1978 года. К этому времени уже существовали памятники, установленные по инициативе самих участников приладожских сражений.

В 1948 г. был объявлен специальный конкурс на проекты памятников в поселке Гостилицы и на Невском пятачке. В нем принимали участие архитекторы и художники – бывшие воины Ленинградского фронта. Лучшим был

признан проект памятника-obeliska архитектора А.И. Лапирова. Обелиск был изготовлен в Москве на заводе «Водники». Геральдические украшения отлиты из бронзы по проекту скульптора Г.П. Якимовой. Работы проводились на деньги, собранные ветеранами, освобождавшими Ленинград от немецкой блокады. В 1952 году десятиметровый обелиск был установлен рабочими 8-й ГРЭС.

В 1967 году команда военнослужащих ЛВО под руководством майора Дягилева, метрах в ста от обелиска, подготовила поста-мент и установила на нем танк Т-34.

Последним сооружением на плацдарме стала часовня святого Георгия Победоносца (архитектор С.Г. Наумов), установленная между танком и обелиском. Она была построена за 11 дней и освящена 8 мая 1999 года.

23 февраля 1965 г. со страниц газеты «Смена» к ленинградцам обратился поэт-фронтовик Михаил Дудин, друг Бориса Михайловича, с предложением посадить вдоль бывшей линии фронта деревья и кустарники как символ вечной жизни и памяти. С тех пор мемориальная зона Ленинграда стала называться «Зеленый пояс Славы». К сожалению, полностью реализованных проектов практически нет.

Борис Михайлович стал серьезно заниматься «Невским пяточком» ещё в конце своей службы в военной контрразведке (в 1961-1964 г.г.). Со своими друзьями постоянно приезжал на места боёв, изучал историю и документы сражений под Ленинградом, участвовал в различных мероприятиях Комитета ветеранов войны и др. Он был одним из тех, кто настоял на законодательном закреплении статуса «Невского пяточка».

После долгой работы, благодаря губернатору Ленинградской области А.Ю. Дрозденко, был подписан Приказ № 01-03/15-18 от 13 мая 2015 г. о включении данного

290

объекта, обладающего признаками культурного наследия в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве достопримечательного места регионального значения – «Плацдарм советских войск в битве за снятие блокады Ленинграда «Невский пятачок» – «Невская Дубровка», 1941 – 1943 гг.».

В сентябре 1971 года на южной границе бывшего Невского плацдарма сооружен памятник его легендарным защитникам. Его назвали «Рубежный камень». Памятник представляет собой чугунный и гранитный кубы, врезанные друг в друга и приподнятые на 7 метров.

Текст на памятнике: *«Вы, живые, знайте, что с этой земли мы уйти не хотели и не ушли. Мы стояли насмерть у темной Невы. Мы погибли, чтоб жили вы».*

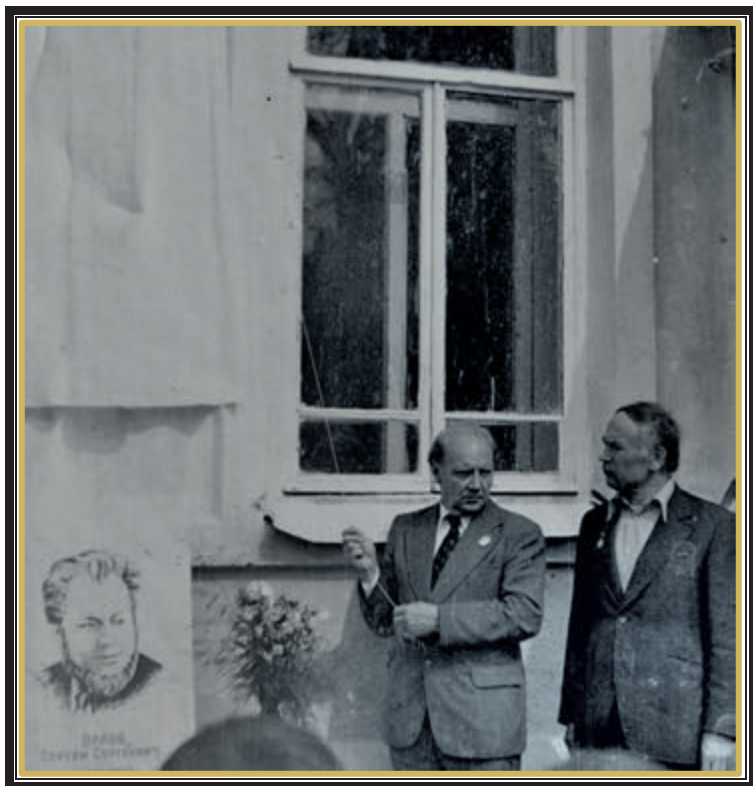
Сохранившиеся фото Пидемского Б.М.
послевоенного времени в семейном архиве

Пидемский Б.М. и Михаил Дудин

Пидемский Б.М. и Хосе Давид Альфаро Сикейрос

*Пидемский Б.М. и Викулов С.В. открывают
памятную доску Орлову С.С.*

Пидемский Б.М. и Жаклин Кеннеди в Нью-Йорке

*Пидемский Б.М. с художниками
Мыльниковым А.А. и Звонцовым В.М.*

Пидемский Б.М. с Орловым С.С. в Санкт-Петербурге

Борис Михайлович у «Невского пяточка» с коллегами
(рядом с ним – будущий руководитель Департамента военной контрразведки ФСБ России генерал-полковник Юрьев Николай Петрович, председатель СПб Совета ветеранов военной контрразведки Лен. ВО. Конташов Анатолий Павлович), 2008 г.

На Невском пятачке

Дубровка. 28.05.2011 г.

В своей удивительно плодотворной работе он очень много сил и времени уделял этому месту в Ленинградской области, как участник боев на Невском плацдарме. Поэтому, когда его пригласили на митинг по закладке первого камня Часовни-памятника всем погибшим в Дубровке, с радостью согласился.

28 мая 2011 г. в Дубровке на правом берегу Невы – на месте, откуда переправлялись наши героические воины на Невский пятачок, в торжественной обстановке заложили первый камень часовни – памятника павшим воинам. В боях на Невском плацдарме погибло огромное число наших солдат и офицеров²¹. Открытие часовни намечено на 22 июня в 4 часа утра.

Шёл дождь, но на митинг собрались жители Дубровки, учащиеся местной средней школы, ветераны Невского пятачка, руководители региональной общественной организации «Ветераны военной контрразведки» – главные инициаторы строительства будущего памятника.

На Невском пятачке решилась судьба Ленинграда. Без этого плацдарма не удержалась бы Дорога Жизни, а без нее не удержался бы Ленинград. Страшное кровопролитное противостояние длилось 285 суток.

²¹ См. отдельную справку в разделе «Из архива Бориса Михайловича...» (стр.249)

Пидемский Б.М. на закладке памятного камня на «Невском пяточке»

В исполнении учащихся Дубровской средней школы в день закладки первого камня будущей часовни прозвучала литературная композиция «Звучит салютов скорбных канонада» по произведениям члена Союза писателей России, ветеран военной контрразведки, капитана 1-го ранга запаса Владимира Медведева.

Дубровка. 28.05.2011

Ветеран Великой Отечественной войны, участник боев на Невском плацдарме Борис Михайлович Пидемский поделился с участниками митинга своими воспоминаниями.

Открытие Часовни «Вечная слава Защитникам Отечества»

Этот памятник защитникам Отечества появился на берегу Невы в июне 2011 года благодаря программе «Молчаливое эхо войны», реализуемой Департаментом военной контрразведки ФСБ РФ при координации общественной организации «Ветераны военной контрразведки» (Москва).

Освящение Часовни памяти воинов Великой Отечественной войны открыта на берегу Невы в поселке Невская Дубровка Ленинградской области.

Среди воинов всех родов войск, переправлявшихся на Невский «пятачок» и героически там сражавшихся, были и сотрудники госбезопасности, выполнявшие задания особой важности и значимости, зачастую ценою своей жизни. В числе них был и член нашей организации, ветеран Великой Отечественной войны, кавалер четырёх боевых орденов полковник в отставке Борис Пидемский – участник боёв на Невском пятачке в составе 20-й стрелковой дивизии НКВД.

Часовня памятная беломраморная «Вечная слава защитникам отечества» в Невской Дубровке. Кроме

православного креста на куполе сооружение изнутри украшает Георгиевский крест – символ воинской доблести, преемственности славы защитников Отечества. Крест опирается на постамент в виде георгиевской ленты.

Часовня-сень из белого мрамора построена в память воинов, павшим в боях за Ленинград в Великой Отечественной войне, по инициативе общественной организации «Ветераны военной контрразведки».

Пидемский Б.М. выступает на открытии Часовни.

*Часовня на «Невском
пятачке». Сооружена при
поддержке сотрудников и
ветеранов военной
контрразведки ФСБ РФ 22
июня 2011 г.*

*Обелиск морякам –
десантникам*

*Мемориальная доска в
Часовне*

Б.М. Пидемский на открытии Часовни

Стихи о «Невском пятачке»

Как я уже упоминал в самом начале – книга «Под стук метронома» и посещение описываемых в ней мест оказали на меня неизгладимое впечатление и, вернувшись домой, я написал следующие строчки, посвященные Б.М. Пидемскому о «Невском пятачке»...

*Дубровка – это не Рублёвка –
Здесь не коттеджи выстроились в ряд,
Стоят здесь камни –obelisks,
Нам всех не перечесть по спискам,
Кто жизнь отдал за Ленинград.*

*Рвались снаряды, бомбы, мины
И тысячами жертв невинных
Была усеяна земля,
Но мы сражались здесь не зря –
Была поставлена преграда
И дан отпор фашистским гадам!*

*С потерями далась Победа –
Пролита кровь отцов и дедов
И этот маленький клочок
Назвали «Невский пятачок».*

*Здесь битвы был такой накал,
Что даже плавился металл –
Осмелюсь это я сравнить с жаровней
И чтобы всем об этом помнить
Была построена Часовня
Чекистами шесть лет назад –
Не надо им за то наград.*

*И есть теперь, где помолиться,
Отцам и дедам поклониться,
Ушедших души помянуть...
Как жаль, что нам их не вернуть!

Но нет важнее памяти в сердцах
Чем память о погибших здесь бойцах!
И с Вами наш гражданский долг –
Зачислить их в Бессмертный полк!*

Я не успел, как планировал, прочитать эти стихи Борису Михайловичу Пидемскому, но полагаю, будет уместным посвятить их ему...

Память вологодских воинов увековечили на «Невском пятачке»

В Кировском районе Ленинградской области 6 мая 2014 года прошло торжественное открытие мемориальной плиты в память о подвигах уроженцев Вологодской области, погибших в битве за Ленинград. Этот памятник был построен на пожертвования вологжан.

Невский пятачок – это условное обозначение плацдарма на восточном берегу Невы, который удерживали советские войска Ленинградского фронта. С этого плацдарма советские войска неоднократно пытались начать наступление на Синявино навстречу войскам, наносившим удар с востока. Их целью было прорвать блокаду Ленинграда. В 1941-1943 годах здесь шли ожесточенные и кровопролитные бои. Наши солдаты ежедневно отражали атаки противника, неся огромные потери. Огромное число солдат и офицеров Красной Армии погибли. Среди них несколько тысяч воинов-вологжан. «Невский пятачок» стал символом мужества, героизма и самопожертвования советских воинов.

Губернатор Вологодской области Олег Александрович Кувшинников на открытии памятной плиты сказал:

«... Сегодня мы присутствуем на историческом событии. 360 тысяч вологжан ушли на фронт и более половины из них не вернулись в родные семьи. Ленинград – это символ мужества. 70 лет назад была прорвана блокада Ленинграда. Сегодня здесь вологжане могут поклониться павшим землякам, мы приобрели святыню, к которой мы можем приезжать, чтобы почтить память павших вологжан... »

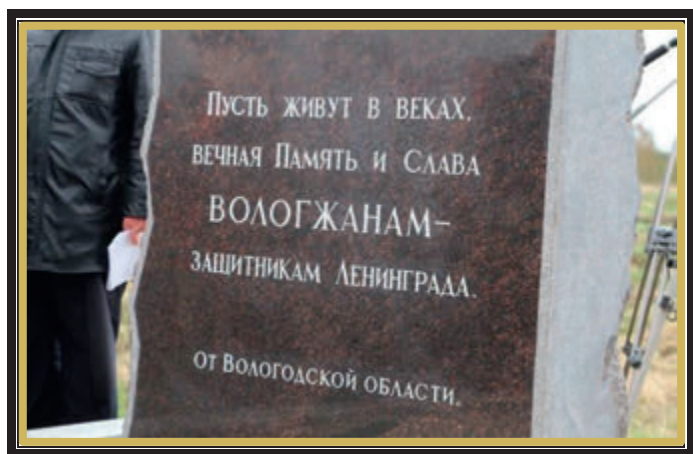
«... 900 дней и ночей беспримерного мужества и стойкости! Ничего подобного не знала история. Несмотря на

голод, морозы, непрерывные бомбежки, болезни, гибель людей жители города смогли его защитить от длительной осады. Сколько бы лет ни прошло с января 1944 года, мы всегда будем помнить этот подвиг!

Губернатор Вологодской области Олег Кувшинников

Для увековечения памяти погибших на территории памятника федерального значения «Невский пятачок», входящего в Ансамбль «Зеленый пояс Славы Ленинграда», создана «Интернациональная аллея Памяти».

Мемориальная памятная плита вологжанам

На сегодняшний день на ней установлены мемориальные памятные плиты от жителей Ленинградской

и Московской областей, республик Татарстан и некоторых других регионов России, государств Казахстан, Азербайджан, Республика Беларусь.

Правительство Вологодской области выступило с инициативой установки Мемориальной Памятной плиты на «Невском пятачке» от жителей региона».

Право открыть мемориал предоставили Губернатору Вологодской области Олегу Кувшинникову, Губернатору Ленинградской области Александру Дрозденко и ветерану Великой Отечественной войны блокаднице Зое Поповой.

Освящение мемориальной памятной плиты вологжанам-защитникам Ленинграда провел архиепископ Вологодский и Великоустюгский Максимилиан.

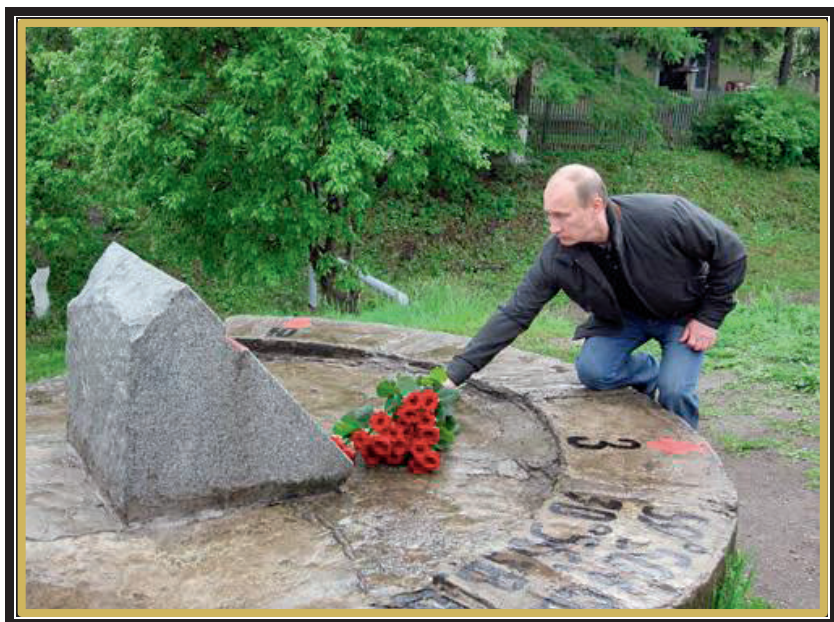
Невский Пятачок – 75 лет подвигу дедов.

19 сентября 2016 г.

Общий вид Невского плацдарма

Минуло 75 лет с начала трагически-героической эпопеи Невского Пятачка. Много лет погибшие бойцы обнаруживаются то в частных подворьях, выросших на поле боя, то у аллей, проложенных на бывшем переднем крае. И множиться таким находкам ещё годы и годы. Не будем повторять враньё иных владельцев журналистских перьев о сотнях тысяч погибших на Пятачке воинов. Общее количество перевезённых всеми 5 переправами через Неву ТУДА и ОБРАТНО согласно хранящимся в ЦАМО РФ отчётам с 19.09.41 по 27.04.42 составило 46500 чел., в числе которых 2 раза учтён и отец Президента России, солдат 330-го стрелкового полка 86-й стрелковой дивизии. В ноябре 1941 года он получил тяжелое ранение на Невском плацдарме.

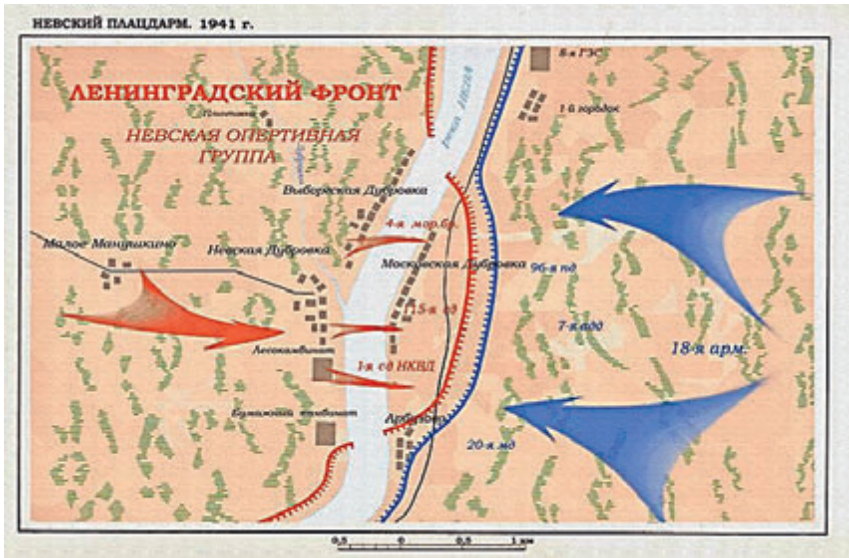

Президент В.В. Путин на Невском пятачке

Не все из этого количества погибли, это очевидно. Есть точные сведения о численности вывезенных обратно на правый берег раненых за период самых массовых и губительных боёв 20.10.–05.12.1941 – всего 10845 чел. Инженерные части (всего 3350 чел.), обслуживавшие переправу на обоих берегах, потеряли безвозвратно 223 убитыми и 164 пропавшими без вести (12%) за чуть больший период с 20.10.1941 до 20.12.1941. Точная цифра погибших на Невском Пятачке за всё время его существования неизвестна, оценки колеблются между 25 и 30 тысячами человек.

Владимир Владимирович Путин, отец которого воевал на Пятачке, так ответил журналистам:

«Я думаю, что на войне всегда бывает много ошибок. Но если ты воюешь и думаешь о том, что вокруг тебя все ошибаются, никогда не победишь. Они тогда думали о победе... »

Оперативная карта обороны Невского плацдарма

Характерно, что в Германии о тяжелейших боях за Невский пятачок мало что известно. Казалось бы это странно. Ведь в нашей литературе потери немцев на пятачке описаны, как огромные. Тем не менее, в «Военном дневнике» начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера²². Невский плацдарм, как конкретная военная цель, обойден вниманием. В завуалированной форме, однако, он фигурирует, как «атаки местного значения на Ладожском участке фронта» (запись Гальдера от 02.11.41 г.)

Видимо, на уровне верховного командования вермахта этот крохотный участок суши, отвоеванный с таким трудом и с такими потерями нашими войсками, был занозой, достаточно болезненной, но не смертельной? Но значит ли это, что немецкое командование недооценивало опасность расширения советскими войсками плацдарма на левом берегу Невы?

²² Военный дневник Ф. Гальдера, Москва, ОЛМА-ПРЕСС, 2004 г.

Как рассказывает в своем блоге Автор «Рататоск»²³ ответ на этот вопрос удалось найти в немецкой книге «Дневниковые заметки и оценки обстановки в ходе двух мировых войн» генерал-фельдмаршала Риттера фон Лееба (Штутгарт, 1976 г.)²⁴.

В ней командующий группой армий «Север» тридцать три раза уделяет внимание данному участку фронта, что свидетельствует о его серьезной озабоченности обстановкой в этом районе.

Военный историк и переводчик Ю.М. Лебедев подробно пишет о них в книге «Ленинградский «Блицкриг», 2011 г..

Книги Ю.М. Лебедева

На основе военных дневников высших офицеров вермахта генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон

²³ Рататоск (др.-сканд. ratatōskr) – в скандинавской мифологии белка–«грызозуб», посредник, связующее звено между «верхом» и «низом».

²⁴ За успешный прорыв линии Мажино и пленение в Эльзасе 700 000 французских солдат фон Леебу было присвоено звание генерал-фельдмаршала.

Войну против Советского Союза фон Лееб начал командующим группой армий «Север»; он стремился в кратчайшие сроки захватить Ленинград. Решение Гитлера перенацелить основной удар на Москву и заставить 18-ю армию выполнять полицейские функции по умерщвлению Ленинграда голодом сильно деморализовало фон Лееба. Это четко прослеживается в его собственноручных записях и оценках обстановки в данный период боевых действий. После провала наступления на Тихвин, инициатором которого был он сам, командующий группой армий «Север» оказался морально окончательно надломленным и попросил отставки, которую Гитлер принял 16 января 1942 г. После этого 65-летний генерал-фельдмаршал уже никогда больше не возвращался к военной деятельности и жил в своем поместье в Хоеншвангау в Баварии. Умер фон Лееб 29 апреля 1956 г. в возрасте почти 80 лет. Похоронен в фамильном склепе в Мюнхене.

Лееба и генерал-полковника Франца Гальдера в книге представлены отрывки из военных дневников двух высших офицеров вермахта: генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба и генерал-полковника Франца Гальдера. Во время Великой Отечественной войны первый из них был командующим группы армий «Север», второй являлся начальником Генерального штаба сухопутных войск (ОКХ). Ленинград стал ареной их личного противостояния. Победил в конце концов Гальдер, убедивший Гитлера отказаться от штурма Северной столицы. Ради захвата Москвы город на Неве был объявлен «театром второстепенных военных действий» и был обречен на бесчеловечную блокаду, а его жители – на лишения, голод и гибель...

Бой на Невском пятачке...

Ежедневные заметки немецких военачальников, начиная с нападения на Советский Союз и описание боев за Ленинград в 1941–1942 годах, тщательно проанализированы и дополнены комментариями Юрия Лебедева²⁵. Материалы

²⁵ Юрий Михайлович Лебедев - по специальности переводчик-референт по немецкому и польскому языкам, специалист информационно-аналитических служб, прослуживший

печатаются впервые, и книга, выходящая в канун 70-летия начала блокады Ленинграда, приоткрывает завесу над ее причинами.

Немецкая аэрофотосъемка. Пески, Невская Дубровка

свыше двадцати лет в структурах министерства обороны Советского Союза и России. Окончил Военный институт иностранных языков, г. Москва (1976 г.)
Воинское звание: подполковник запаса

Глава 8

Воспоминания о Б.М. Пидетском

*Сергей Рац*²⁶

Краткие мгновения с Борисом Пидетским

Ранним утром 22 июня 2011 года в пятом часу утра над собравшимися в районе Невской Дубровки пролетел Ан-2. С его борта сыпались алые гвоздики, а не бомбы, как это было 70 лет тому назад в 1941 году.

Раздавался не вой сирен, а звучал Бах – траурная музыка небес. Несмотря на ранний час, вокруг белокаменной часовни на крутом невском берегу собралось сотни жителей посёлка, ветераны органов государственной безопасности, солдаты караула. В честь открытия часовни, посвящённой памяти всем погибшим воинам на этом крохотном «пяточке» русской земли, настоятель церкви иконы Божией Матери Взыскание всех погибших прочёл молитву, и все услышали много добрых и тёплых слов в честь тех, кто лежал где-то рядом в

²⁶ Рац Сергей Васильевич является членом Союза писателей России, президентом Фонда поддержки офицеров запаса государственной безопасности. С.В. Рац имеет учёную степень кандидата политических наук, доцент, 15 лет научно-педагогического стажа. За последние три года имеет 16 публикаций (РИНЦ) . Разработал и читает курс лекций по теме: «Национальная безопасность и конфликт». Является ответственным редактором, автором и составителем следующих монографий: «Чекисты Ленинграда в Афганистане» (2008), «Военная контрразведка КГБ СССР в Афганистане» (2010), «НКВД СССР в Испании. 1936-1939» (2014), «Спецоперации НКВД СССР в Испании. 1936-1939» (2015), «Война после войны» (2016). С.В. Рац является автором ряда художественных произведений, из которых наиболее известны: «Пикник над пропастью», «Морская бездна», «Шаман-дерево», «Волшебные крылья», «Поющая вечность», «Волшебный перстень Шань-Шара».

холодной земле, нашлапигованной свинцом и металлом. Борис Михайлович предложил почтить минутой молчания всех героев, павших на Невской Дубровке и «Пяточке», и предложил воздвигнуть мемориал Дня Памяти и Скорби в их честь.

В последние годы наши встречи с Борисом Михайловичем Пидемским выпадали на майские дни и проходили на Невской Дубровке. Как правило, его окружали ветераны и руководители органов военной контрразведки, и он, указывая тростью на противоположный берег, где когда-то расположился героический Невский Пятачок, рассказывал о тех днях конца октября 1941 года, когда он, будучи офицером особого отдела 20-й дивизии НКВД, переправился на противоположный берег. Это произошло на 9-й переправе, там, где каждые 10–15 минут молодого офицера, коменданта переправы, сражал осколок или вражеская пуля, а очередного смертника назначали по списку. Он отвечал «Есть!» и вступал на серую корку льда, смешанного с кровью своих товарищей. Комендант переправы под свист пуль выполнял главную задачу: как можно быстрее заполнить плавсредства личным составом и отправить их на противоположный берег. Из этих ушедших солдат, матросов, офицеров, отправленной боевой техники и боеприпасов немцы топили половину ещё на середине фарватера. Бойцы, добравшиеся до противоположного берега Невы, попадали под бесконечный несмолкаемый обстрел немецкой артиллерии, град свинца, нескончаемые атаки фашистов, иногда до десяти атак за день. Подчас они переходили в рукопашные бои – и тут в дело шли заточенные сапёрные лопатки, штыки, финки. Ох, как немцы боялись рукопашной схватки! Во второй половине октября 1941 года 20 и 21 дивизии НКВД потеряли до 60 процентов личного состава, им были приданы несколько пехотных полков и корпус морской пехоты. После очередной атаки с нашей стороны фактически боеспособных подразделений не осталось. Плотной серой цепью немцы вновь пошли, чтобы выбить окончательно с «пяточка» этих 314

упорных русских. Как рассказал нам Борис Михайлович, кроме него, не осталось в живых ни одного офицера, полегли все. Он собрал вокруг себя более сотни, отступавших к левому берегу Невы матросов и солдат, и повёл их в контратаку. Немцы дрогнули и отступили. Старший лейтенант Борис Пидемский оглянулся и увидел десятки догоравших советских танков Т-38 и сотни трупов, лежавших вперемежку немцев и русских. «Но мы-то точно знали, за что погибали, а вот элитные части вермахта... Мы только в районе Невского пяточка перемололи больше 12 немецких дивизий, то есть это примерно 80 тысяч безвозвратных потерь — Задумчиво проговорил рассказчик и добавил, — трудно представить, что было бы, если бы вся эта немецкая нечисть попала под Москву...». Он взглядом указал на лацкан своего пиджака, где позвякивала медаль «За отвагу». «Больше всего горжусь этой наградой, знаете, всё-таки это был 41-й год. Тогда немцы удержали «горлышко», и мы не соединились с Волховским фронтом».

Чуть позже Борис Михайлович получил тяжёлое ранение в голову, и уже, находясь в госпитале, написал повесть «Поздней осенью 1941», ставшую бестселлером через много, много лет после её написания. Хотелось бы заметить, что какое-то время эта повесть, по цензурным соображениям, не была издана. Слишком откровенно и правдиво автор воссоздал то, что было в этом кровавом противостоянии. По последним данным учёных, в районе Невской Дубровки и «Пятачка» в боях с фашистами погибло от 180 до 200 тысяч солдат и офицеров Красной Армии.

Свой рассказ Борис Михайлович продолжил под сводами огромной солдатской палатки, в недрах которой было накрыто десяток столов с незатейливой закуской и ста граммами фронтовых. За столами сидели организаторы встречи, ветераны госбезопасности, руководители военной контрразведки Северо-Западного округа, гости из столицы. В центре внимания, естественно, был Борис Михайлович

Пидемский. Он рассказал, как его полуживого и ещё несколько раненых бойцов переправляли через Неву на небольшом плотике, – как вдруг рядом в воде разорвался снаряд. Все, кто был на плотике, кроме Бориса Пидемского, погибли. Его же взрывной волной отбросило на баржу, где его, обмороженного и контуженого, и подобрала полковая разведка. Этот факт рассказчик оценивал как «чудо». После чего стал относиться к вере в Бога уже с других позиций.

Как известно, более 20 лет Борис Михайлович возглавлял издательство «Аврора». Издательство готовило к публикации уникальные альбомы по искусству, в том числе зарубежных авторов. Кто только не приезжал к Борису Пидемскому, чтобы отведать его гостеприимство.

В 1973 году у Бориса Пидемского в гостях побывал Давид Альфаро Сикейрос. Художник Давид Сикейрос был ярчайшим представителем монументальной живописи, оставивший свой след в мировом искусстве.

В 1936 году Давид Сикейрос, поддерживая борьбу испанского народа с фашизмом, в числе первых прибыл в Испанию и вступил в одну из интернациональных бригад. Обладая организаторскими способностями, он стал одним из руководителей диверсионного отряда, познакомился с разведчиками из СССР и дал своё согласие на сотрудничество с советской разведкой. Он был близко знаком с такими асами ликвидаций и диверсий, как Григорий Сыроежкин и Наум Эйтингон. Вскоре ему присвоили звание подполковника республиканской армии. После победы путчистов Давид Сикейрос продолжил борьбу с фашизмом на территории Франции, а в 1940 году, по заданию советской разведки, он возглавил диверсионную группу с оперативным именем «Конь», и был направлен в Мексику с целью ликвидации Льва Троцкого.

Вот как Борис Пидемский описывает встречу с прославленным художником, которая произошла весной 1973 года, то есть за год до смерти Давида Сикейроса.

«Несколько дней подряд я не расставался с Давидом, с которым, по обоюдному согласию и взаимному удовольствию, после нескольких фраз в разговоре я перешёл на “ты”. Он говорил много. Во мне он нашел благодарного слушателя. Он приехал в СССР, собственно, чтобы договориться со мной, как с директором «Авроры», о выпуске его альбома. Его популярность в СССР, как одного из лидеров коммунистического движения в Латинской Америке, была огромной. Он также высказал просьбу передать в дар советского народа все самые известные слайды его картин для тиражирования в любой форме. Во время одного из наших разговоров он коснулся гражданской войны в Испании, сожалел, что СССР из политических соображений прекратил поставки вооружения, и рассказал, как он, являясь руководителем группы боевиков, принял участие в покушении на Льва Троцкого. Это произошло 23 мая 1940 года в Мексике около двух часов ночи, когда его группа в составе 15 человек незаметно подобралась и расположилась у дверей виллы, в которой жил в то время Лев Троцкий. В это время, со слов рассказчика, на дежурство заступил “наш” человек, который по сигналу открыл калитку, и наша группа ворвалась во двор виллы.

Охрана Троцкого не оказала сопротивления и была обезоружена. Он (Давид Сикейрос) и двое его людей бросились к спальне хозяина, вышибли дверь и открыли стрельбу из автоматов системы «Томпсон» по кровати, на которой, как они предполагали, находился лидер троцкистов. Каждый выпустил, целясь в кровать, по полному диску. Комната наполнилась дымом, но нападавшие не проверили, как заметил Давид Сикейрос, результат своей работы. На следующий день все газеты «трубили» об этом покушении, которое провалилось из-за пустяка: кровать, под которой спрятался Троцкий, была сделана из морёного дуба и стала отличным щитом от пуль».

Сикейрос до последнего вздоха был верен идеям коммунизма, в 1974 году ему присвоили международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами». Умер Давид Сикейрос в буквальном смысле у холста, заканчивая монументальную фреску «Забастовка рабочих в Канания». Однако с его наследием ничего путного не получилось. Наши чиновники (из чувства такта Борис Михайлович фамилии не назвал) в течение целого года согласовывали вопрос о получении его наследства. Сикейрос так и не дождался ответа, и после его смерти вдова передала все работы художника ГДР.

Этот рассказ мы услышали от Бориса Михайловича в кардиологическом центре имени Алмазова. Мы, то есть я и мой товарищ Юрий Бабушкин, навестили Бориса Пидемского за неделю до его ухода из жизни. Несмотря на слабый, голос он был полон творческих планов: очень хотел написать сценарий по своей одноимённой повести «Поздней осенью 1941, Невский пяточок», источал обаяние, а его рассказы были полны жизни. Он, например, поделился, как в течение нескольких дней принимал Жаклин Кеннеди, как его инструктировали «товарищи», чтобы он не сказал чего-нибудь лишнего.

«А она оказалось простой женщиной, первым делом поинтересовалась, где можно купить духи «Красная Москва», – и ни слова о политике», – Борис Михайлович улыбнулся. Затем добавил серьёзно: «Любите Россию, друзья, пишите всегда честно!». После этих слов он передал нам для публикации свои послевоенные воспоминания о так называемом «Ленинградском деле». А уже через несколько дней мы прощались с Борисом Михайловичем Пидемским, скромным и одновременно великим гражданином. Сегодня его заветы стали для нас, его единомышленников, путевой звездой – уроками нравственности и офицерской чести.

28.11.2017

Аркадий ПИНЧУК²⁷

Один из тех, кто ...

Задание редакции поначалу мне показалось простым: встретиться с известным ветераном-контрразведчиком, побеседовать, написать материал. Позвонил, договорился о встрече. Прикинул объем необходимого времени на работу – час беседы, день за машинкой. Позвонил в газету: такого-то числа очерк отправлю факсом. В общем, обычное дело журналиста.

Но, как это нередко случается в нашей практике, человек оказался необычным. И все мои расчеты полетели кувырком. Мы проговорили с Борисом Михайловичем Пидемским ровно пять часов. Точнее, говорил, показывал документы, фотографии он, я же слушал, смотрел и записывал. Поглядел на часы и не поверил: время пролетело, как одно мгновение. И вот сижу, перечитываю записи и не знаю, что наиболее интересным будет для читателя. Не знаю, потому что все интересно, все нестандартно, все, начиная с детских лет.

Разве не любопытный факт, что в селе Метра на Вологодчине, недалеко от которого родился Борис Пидемский, жили в одном доме с ним и ходили в одну начальную школу сразу два будущих известных поэта –

²⁷ ПИНЧУК АРКАДИЙ ФЕДОРОВИЧ – Родился 11 января 1930 года. Боевой путь начал в 14 лет, разведчиком в белорусском партизанском отряде. Полковник в отставке. Длительное время являлся корреспондентом газеты «Красная звезда» по Прикарпатскому, а затем по Ленинградскому военному округу. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Президент Международной ассоциации писателей-баталистов и маринистов Санкт-Петербурга. Член Союза писателей России. Прозаик. Автор 10 пьес и сценариев к кинофильмам. Награжден медалью им. А. Фадеева. Лауреат премии имени В. Пикуля. Лауреат премии имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова в области литературы и искусства. Ушел из жизни 11 марта 2008 года.

Сергей Орлов и Сергей Викулов? Все трое дружили, пронесли это чувство через десятилетия, трогательно поддерживали один другого в дни невзгод и испытаний. Мало того, мать Сергея Орлова была первой учительницей Бориса Пидемского. Сюжет для повести – не то, что для очерка.

Или другой необычный эпизод...

Окончив семилетку, Борис Пидемский по семейной традиции (отец и мать были медицинскими работниками) поступил в Череповецкий медицинский техникум. Но была середина тридцатых годов, когда царствовал в умах парней призыв: «Молодежь – на самолет!», и ряд студентов, в том числе Пидемский, поступили без отрыва от техникума в летно-планерную школу Осоавиахима. Однажды во время каникул на летней практике в Коктебеле ему довелось повидать прибывших туда начальника ВВС РККА Я.И. Алксниса и председателя Центрального совета Осоавиахима Р.П. Эйдемана, участвовать в беседе с ними.

Казалось, по окончании техникума Пидемский как уже состоявшийся летчик-планерист наверняка дальнейшую жизнь свяжет с авиацией. Но перед выпуском в техникум прибыли высокие начальники из медслужбы Главного управления пограничных и внутренних войск (ГУПВО НКВД) и предложили выпускникам службу в войсках, пользовавшихся в те годы особым авторитетом и почетом благодаря средствам массовой информации. Согласие на досрочный призыв в Вооруженные Силы дали более двадцати студентов. Отобрали семерых, в том числе и Пидемского – комсомольского руководителя. Тоже ведь сюжет...

С неослабевающим вниманием я слушал рассказ Бориса Михайловича о его служебной одиссее в предвоенные годы. Мы ведь очень приблизительно знаем, как и чем жили Вооруженные Силы страны в конце тридцатых. Тем более пограничные и внутренние войска, подчиненные Наркомату

внутренних дел. А войска там были серьезные: отряды, полки, дивизии.

После военной подготовки в лагере Военно-медицинской академии и стажировки в пограничном отряде на границе с Эстонией Борис Пидемский, получивший звание военфельдшера (ныне лейтенант медицинской службы), был направлен в полк по охране железнодорожных сооружений. В 1939 году он оказался в гуще событий при вводе наших войск в Польшу, а затем – в кровавом водовороте войны с Финляндией. С передовыми частями вошел в марте сорокового в Выборг (тогда Виипури). В этом гарнизоне его назначили начальником аптеки полка. Лекарства, книги, относительная тишина. Казалось, можно перевести дыхание, глубже вникнуть в партийную работу. В начале 1941-го Пидемский был избран секретарем парторганизации штаба, но 13 марта того же года его вызвали в политотдел и вручили предписание, которое круто изменило жизнь: «Прибыть в Ленинград для дальнейшего прохождения службы в 3-м отделе Ленинградского военного округа».

Третий отдел – это контрразведка Наркомата обороны. Рекомендовали его на эту работу командование части, партийно-политические органы как грамотного, надежного и преданного Отечеству офицера.

Прибыв к месту назначения, Пидемский встретил там много таких же молодых представителей из комначсостава армии. Уже из первичной беседы с ними руководителя отдела стало ясно, что главная цель их призыва – обновление кадров службы, ликвидация последствий «ежовщины» как явления преступного, восстановление законности в работе органов госбезопасности. Пидемский был назначен на должность помощника оперуполномоченного и направлен для работы в Центральный военный госпиталь. С опытным работником Б. Вороновым им удалось за короткий срок пересмотреть и прекратить десятки дел на сотрудников госпиталя, неоправданно заведенных ранее, предать их

сожжению с санкции руководства.

Это была первая победа на новом месте. И победа своеобразная – над устоявшимся мнением о безупречности органов безопасности в тридцатые годы.

Борис Михайлович показал мне сделанный недавно рентгеновский снимок коленного сустава. На нем отчетливо просматривается немецкая пуля. Прижилась!

– Это первая отметина Великой Отечественной, – сказал ветеран.

Уже в конце июля – начале августа 41-го он участвует в переброске через фронт агента ленинградской контрразведки. Во время операции Пидемский с напарником попадает под огонь врага и нарывается на фашистскую пулю. Благодаря старшему *боевому* товарищу, помогавшему ему ползти, выбрался с «нейтралки» к своим. Полтора месяца лечения – и снова в строй.

Рискованную схватку однажды пришлось испытать и внутри отдела. Как-то начальником отделения, в котором работал Пидемский, был назначен Москвой капитан госбезопасности Поваров. Маленького роста, кругленький, самоуверенный. Оперативники между собой прозвали его в шутку поросеночком. Пидемский в эти дни работал с беженцами из Прибалтики на фильтропункте. Поварову не понравились два задержанных эстонца, которых он потребовал «расколоть» во что бы то ни стало. Поговорив с беженцами, Борис Михайлович определил, что они не могут быть лазутчиками. Поваров взвинченно заорал: «Работать не умеете! Сейчас покажу, как надо получать показания!». Схватив винтовочный шомпол, он ударил одного из задержанных, требуя признания в шпионаже. Пидемский вместе со своим товарищем Иваном Ревиным помчались в партком. Доложили, что их начальник нарушает социалистическую законность, используя запрещенные методы допроса. Поваров был понижен в должности. Но пока

это произошло, ему удалось через отдел кадров Ревина отправить в командировку на Лужское направление, а Пидемского с батальоном связи – в Невскую Дубровку, зная, что с этих боевых участков «командированных» не возвращают из-за нехватки там оперработников. В результате Пидемский вместе с командованием батальона связи, подготовленного к переброске на Невский пятачок, чтобы по приказу обеспечить связь частей дивизии с правым берегом и между собой, вновь оказался на передовой.

Форсировав на рассвете Неву, он сразу вместе с воинской частью попал под плотный артиллерийский огонь. Казалось, нет ни одного шанса остаться в живых. Только спустя годы он узнает, что по подсчетам военных специалистов, на один квадратный метр пятачка враг выпускал в то время в среднем пятнадцать-двадцать пять пуль в час, обрушивал на плацдарм до двух тысяч мин, снарядов и бомб. А тогда оперработник просто делал свое дело, принимая меры к предотвращению внедрения в часть и на линии связи агентуры противника, утраты кодовых таблиц и шифров, фактов измены Родине, дезертирства и паники. После переправы батальона через Неву он обязан был вернуться в управление фронта, однако в силу обстоятельств остался на огненном плацдарме. Был назначен в стрелковый полк вместо погибшего оперработника.

О проведенных там семнадцати днях Борис Пидемский уже в наши дни написал и выпустил в свет переполненную болью книгу «Поздней осенью сорок первого». Всех, кто хочет прикоснуться к этим трагическим и полным подлинного героизма дням, я отсылаю к этому произведению ветерана-контрразведчика.

После ранения, контузии, и лечения в госпитале в январе 1942 года Борис Пидемский пешком через весь город пришел в отдел кадров своего управления и здесь узнал ошеломляющую новость: его бывший начальник Поваров, отправленный с понижением из фронтовой в армейскую

контрразведку, прихватив там секретные документы, перебежал к немцам и преподает в разведшколе абвера. В конце войны предателя изловили на Курляндском полуострове и по приговору трибунала повесили.

Я уже чувствую, как ужимаются возможности газетного очерка, а еще ничего не сказано об участии контрразведчика в период блокады в разработке и обезвреживании засланной в Ленинград шпионской группы, свившей явочное гнездо на Большой Пушкарской улице. Тоже сюжет для повести. Впрочем, именно об этом написал повесть опытный чекист – заместитель начальника контрразведки фронта генерал-майор И.Я. Лоркиш. Книга вышла в «Лениздате» еще в 1967 году стотысячным тиражом. Работе Пидемского в этой книге посвящены целые главы.

Не менее драматичен сюжет, связанный с розыском и задержанием немецкого шпиона, засланного к нам накануне победы германским разведорганом «Цепеллин» в расчете на оседание, то есть на годы после войны. Хочется верить, что Борис Михайлович сам использует этот крутой детективный сюжет для своей новой книги. Там есть все: и мозговые атаки, и засады, и побег с погоней, и трагические развязки. Читаться будет на одном дыхании.

А я хочу оставшееся место на полосе использовать на то, чтобы кратенько рассказать о двух эпизодах из жизни Пидемского, которые так же жестко и круто меняли его судьбу. Первый связан с так называемым ленинградским делом. Уже после того как все партийное и советское руководство Ленинграда, в том числе и управление госбезопасности, было сметено и уничтожено, бериевские подручные взялись за командование округа и руководство военной контрразведки. В эти жернова попал и Пидемский. От него требовали немногого: дать какой-либо компромат на начальника управления. Уговаривали, грозили. Пидемский выстоял – он знал своего генерала как преданного делу

руководителя. Так и говорил на ночных допросах. И поплатился карьерой: был уволен в запас из органов без объяснения причины.

Кто-то другой, наверное, смирился бы с таким ударом судьбы. А Борис Михайлович стал настойчиво добиваться ответа: за что уволили? Дошел до самых высоких инстанций. Это был, может быть, один из самых драматичных его невидимых боев. Все время – на острие ножа. Но он и здесь одержал победу. Его восстановили на службе в контрразведке, и он за короткое время вырос до полковника, занимал большой и пост. Но уже не с дипломом фельдшера, а дипломированным историком, сумевшим за годы ленинградской опалы окончить исторический факультет Государственного университета.

Второй эпизод связан с его работой после увольнения в запас по болезни. В обкоме партии ему предложили возглавить небольшое издательство «Советский художник». Почти ничего не понимая в издательской деятельности, он разобрался в проблемах предприятия, быстро оценил возможности издательства и вступил в схватку с руководящей бюрократией за осуществление перспективного его развития. Предложил создать первое в стране издательство художественной продукции на иностранных языках для туристов и экспорта.

Идея Пидемского, как и любая новая идея, встретила жесткое сопротивление. Для ее осуществления надо было завоевать поддержку на трех уровнях: в обкоме партии, министерстве и ЦК КПСС. Когда же она стала овладевать умами властей предрежащих, министр печати перехватил ее и внес предложение в ЦК создать такое издательство в Москве. Борис Михайлович понимал, что, если состоится такое решение, уже ничего исправить не удастся. Он пробивается в отдел ЦК, объясняет, что в Ленинграде есть квалифицированные искусствоведы-редакторы, есть вузы, готовящие специалистов, всемирно известные музеи, лучшая

полиграфическая база цветной печати. Чтобы возразить ему, не нашлось ни одного убедительного аргумента.

И в Ленинграде появилось знаменитое на весь мир издательство «Аврора», уже в 1977 году получившее по международному рейтингу десятое место по точности воспроизведения картин в репродукциях. Приведу несколько цифр. За 25 лет предприятие выпустило в свет более 1700 названий книг и альбомов на одиннадцати языках, 40 факсимильных изданий, 18 тысяч названий художественных открыток. Издательство первым в нашей стране положило начало международной издательской кооперации по совместному выпуску произведений с инофирмами, в частности с японским издательством, серии альбомов по Эрмитажу, Избежать санкций за инициативу, реализованную без согласия высоких инстанций, Пидемскому удалось лишь благодаря получению высокой прибыли для государства.

У «Авроры» и ее директора появилось множество творческих связей за рубежом с руководителями крупнейших издательств мира и со всемирно известными личностями. В том числе с мексиканским художником Давидом Альфаро Сикейросом, итальянским художником Ренато Гуттузо, несравненной Жаклин Кеннеди-Онасис, коллекционировавшей книги «Авроры», с сыном Федора Шаляпина – американским художником Б.Ф. Шаляпиным и другими. О встречах Пидемского с этими людьми можно написать еще две отдельные книги. Тут уж пусть читатель поверит мне на слово. Думаю, что к биографии и невидимым боям чекиста Пидемского у нас еще будет повод вернуться.

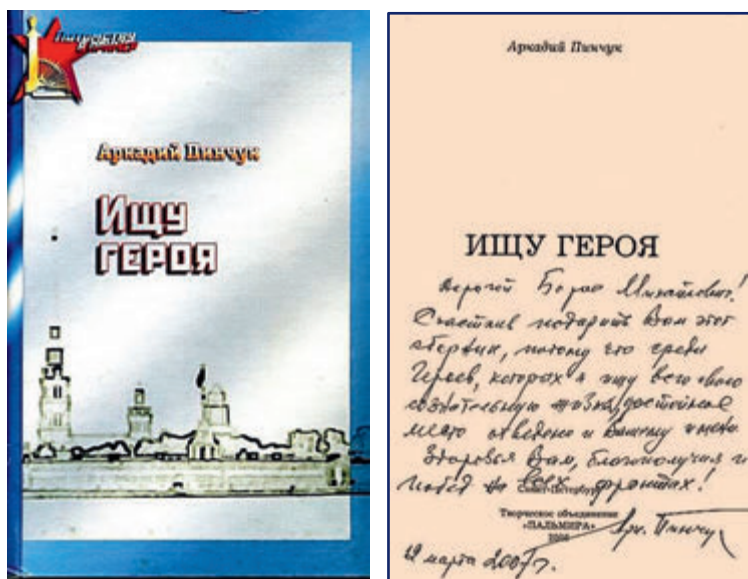
**14 марта 2003 ♦ НА СТРАЖЕ РОДИНЫ ♦
№ 56-57 (26922-26923)**

* * *

Кстати, этот очерк в дальнейшем был включён Аркадием Пинчуком в сборник рассказов – «Ищу героя» под названием

«Небольшой набросок для большой книги».

Книга была издана в Санкт-Петербурге в 2006 году Творческим объединением «Пальмира» и подарена Борису Михайловичу Пидемскому с признанием его заслуг и наилучшими пожеланиями.

Глава 9

Ушел из жизни ветеран...

Печальная весть о том, что ушел из жизни Борис Михайлович Пидемский, моментально распространилась, не только среди жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области, но и далеко за их пределами. Во всех ведомствах и учреждениях, к которым имел отношение Борис Михайлович, а также на соответствующих сайтах, были размещены некрологи...

* * *

Церемония прощания

На церемонию прощания с Борисом Михайловичем пришли тысячи людей: от рядового и до генерала, главы администраций, руководители и представители Вологодского землячества, простые граждане.

Член Совета Федерации РФ Мезенцев Дмитрий Федорович ²⁸ на церемонии прощания с Б.М. Пидемским

²⁸ Мезенцев Д.Ф. – (род. 18 августа 1959 года, г. Ленинград, РСФСР, СССР) – российский государственный деятель и дипломат. Губернатор Иркутской области с 8 июня 2009 года по 18 мая 2012 года. Член Совета Федерации и представитель от Администрации Иркутской области (2002—2009). Генеральный секретарь Шанхайской организации сотрудничества с 1 января 2013 года по 31 декабря 2015 года. С 1 января 2016 года — член Совета Федерации от Сахалинской области. Член Союза журналистов России, кандидат психологических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

Родные и близкие на церемонии прощания с Борисом Михайловичем

Землячество Вологодской области в лице Председателя Совета Некипелова Александра Андреевича прощается с Борисом Михайловичем

Сослуживцы Бориса Михайловича на церемонии прощания

Последнее слово Председателя Лиги офицеров запаса органов государственной безопасности Раца Сергея Васильевича

Глава 10

Напутствие молодым чекистам

В последние годы своей жизни в процессе общения с чекистами-ветеранами и теми, кто еще служит, в плане пожелания и напутствия Борис Михайлович говорил буквально следующее: **«Ребята, продвигайте Ф.Э. Дзержинского, с него надо пример брать...»**.

Как дань памяти этим словам Бориса Михайловича родились следующие строчки:

Ребята, продвигайте Дзержинского

*"Юноше, обдумывающему житьё,
решающему – сделать бы жизнь с кого,
скажу не задумываясь:– делай её
с товарища Дзержинского"*

В. Маяковский

*Пока твой взор ничем не затуманен,
а взгляд на жизнь не так печален –
Запомни, юноша, ты раз и навсегда:
Дзержинский Феликс для чекистов –
есть путеводная звезда!
Его заветные слова про сердце, руки чистые и ум
воспринимай не наобум,
А как пример для подражания:
и от соблазнов воздержание
Наградой явится тебе
и благодарностью в судьбе!
К людскому горю будь не равнодушен
и мимо зла не проходи –
Законы исполняй послушно,
на помощь ближнему приди.*

*И, помни, не во имя славы
мы исполняем долг перед Державой –
За нами – Родина и мать –
на благо их – должны мы курс держать!
Пусть это пафосно звучит
и, может быть, банально!
Но кто Россию защитит,
её народ многострадальный?!*

*Санкт-Петербург
2017 г.*

* * *

В этой связи очень уместным будет ознакомить читателя с выступлением Бориса Михайловича на семинаре чекистов, рукописный текст которого любезно передал его сын – Олег Борисович Пидемский.

Пидемский Б.М.

Выступление на семинаре ЧЕКИСТОВ В 1988 г.

«...**В**чера Ник. Ник. позвонил и попросил меня – скажи, говорит, завтра секретарям (на семинаре) несколько слов о гуманизме особистов в Великой Отечественной войне.

Шибко нелегкая задача, хотя бы потому, что сама война, какая бы она не была (справедливая или несправедливая), явление антигуманное. Что может более противоречить принципам нравственности и гуманизма, как не убийство. Причем убийство, в данном случае, массовое.

Но в том то и дело, что высшая степень гуманизма у людей порядочных, как мы говорим, по натуре, или у людей воспитанных, и проявляется особо рельефно в

экстраординарных условиях, в условиях войны, в условиях пожизненной, часто борьбы политической, коей является служение Родине в чекистских органах.

И вот понимание этого, этих гуманистических основ молодыми работниками органов, работа в этом направлении партийных бюро и партийных организаций Особых отделов сегодня, по-моему, один из ключевых моментов воспитания подлинных чекистов.

Ведь в вопросе теоретической оценки морального и аморального, гуманного и антигуманного в нашей профессии, мы часто вынуждены стоять на грани одного и другого и наша задача удержаться, в любом случае, на уровне не только законности, но общечеловеческой порядочности, справедливости и добра, без расхождения в то же время с марксистско-ленинской трактовкой понятия гуманности и нравственности. Не забывать слова В.И. Ленина: «Гибель нравственная – верный залог гибели политической». Гуманизм коммунистической морали выражается наиболее глубоко в преданности делу коммунизма, т.е. построению самого гуманного общества. Этой преданностью всегда отличались подлинные патриоты коммунисты-чекисты.

Социалистический гуманизм не имеет ничего общего с духом всепрощения. Истинная любовь к человеку – гуманизм – является взыскательным чувством. Она не проходит мимо пороков, преступлений, недостатков людей, не может во имя тех же людей, массы людей, мириться с ними. Марксистски понятый гуманизм всегда предполагает действенную борьбу с теми, кто покушается на благо и счастье нашего человека и его Родины. Можно спорить о мерах, которые надо применять к людям, нарушающим законы, нормы нашего общества, но мы должны быть внутренне непримиримы по отношению к ним. Это требование подлинного гуманизма. Ничего иного на сегодняшней ступени развития общества придумать нельзя.

Энгельс писал: «Мораль, стоящая выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них, действительно человеческая мораль, станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике.» (Маркс–Энгельс т.20, стр.96). (Это говорилось не о преодолении классовых различий в одной стране).

Иное дело, что подлинный гуманизм не имеет ничего общего с псевдо гуманизмом, который под видом якобы государственных интересов или противопоставления «человек–общество» оборачивался жестокостью к честным людям, вообще к людям, ко всему обществу, на которые иногда ссылались прохвосты, затесавшиеся в органы госбезопасности и принесшие нам столько вреда.

Преступления подонков, притащенных в органы ежовыми–бериями–рюмиными набросили с помощью ряда бездумных борзописцев тень на гуманизм, самоотверженность, благородство всех бескорыстных защитников революции, всегда стремившихся исполнять лишь директивы партии, за что С.М. Киров и назвал чекистов «верными солдатами партии».

В последние годы, с легкой руки отдельных массовых изданий, прессы, таких, как «Огонек», «Московские новости»; отдельных порочных телепередач типа «5–го канала»; во многом лживых театральных пьес, по–моему, не в силу злого умысла, а в результате вопиющей некомпетентности, незнания подлинных чекистских кадров и их истории, при невольном содействии в заблуждениях нашей глупой излишней засекреченности, не позволяющей объективно взвесить и сопоставить факты, а также в силу какой–то моды крыть все, о чем раньше не говорили, моды, превратившейся в эйфорию, великое и светлое звание «чекисты», которое наши контрразведчики стремились, в основной своей массе, пронести незапятнанным, стало уже ассоциироваться со

словами и понятиями «палачи», «садисты с Лубянки и Литейного», «сталинские гестаповцы», «задравшиеся бериевские сатрапы» т.п., причем безотносительно к конкретным лицам, с распространением этих позорных понятий на всех чекистов и не только 30-х лет.

Несомненно, в этом роль сыграла и не всегда объективная мемуарная болтовня о якобы полном моральном психологическом перерождении всех работников органов госбезопасности (конечно понятная и даже простительная в силу пережитой мемуаристами трагедии), но от этого молодым и малокомпетентным нашим особистам сегодня не легче. Что в противовес сим облыжным обвинениям в нескольких словах сказать о гуманном облике подлинных советских контрразведчиков?

Недавно в газете «Литературная Россия» к примеру, появился цикл стихов «Золоченая спица» (я бы сказал наиболее лояльный из того, что появляется) моего доброго знакомого московского поэта Владимира Савельева. Одно из них, посвященное выселению немцев Поволжья в начале войны содержало такие строки:

*«Молчали бабы. Плакали младенцы.
Чем были виноваты наши немцы
В том, что другие немцы шли сюда?
Другие – со своим кровавым стажем
И со своим коварным шпионажем.
С армадой "мессершмитов" в небе нашем.
С пальбой из шмайсеров – от живота.
Да, были немцы те и немцы эти...» и т.д.*

И там же, как бы обвиняя всех чекистов страны, написал:

*«А от «ЗИСов» рокочущих чекисты
Поглядывали, как – с лица землисты –
Шли комсомольцы к ним и коммунисты.
Свои? Или теперь уж – не свои?...»*

*«...Казалось, в том, являя кару Божью,
Что вот мол, полуправда с полуложью
Подняли и над немцами Поволжья,
И надо мною свой двуручный меч....»*

Стихотворение в целом было неплохое, но мне пришлось ответить Володе: «В твоей «Золоченой спице» не хватало кавычек у слова чекисты. Ибо как «были немцы те и немцы эти», так были чекисты и «чекисты» и первых, не торговавших честью и совестью, таких как М. Кедров, Дм. Медведев, Ю. Андропов, Р. Зорге или известный тебе по Союзу генерал Ильин было много-много больше. Что я мог еще ему сказать?

Я, к примеру, не знаю ни 37-го, ни 38-го. Только закончил тогда техникум и был призван в армию. Меня направили из войск, где я был только что избран секретарем партбюро штаба полка в Особый Отдел для прохождения службы в марте 1941 года.

Первое, что я услышал здесь, что мы молодые коммунисты призваны в Третий Отдел ЛВО (тогда так назывались ОО) для ликвидации последствий ежовщины, для обеспечения в органах военной контрразведки социалистической законности.

С тех пор, на протяжении 27-ми лет работы в военной контрразведке, и в войну и в мирное время, чаще всего я слышал эти слова «социалистическая законность». Больше всего боялся нарушить эту законность.

Начнем с того, что наше партийное чекистское воспитание начиналось с изучения и восприятия традиций Дзержинского. Словно «с молоком матери» мы впитывали в чекистской учебе и из советов старших по опыту и жизни чекистов, и из практики нашей партийной работы, заветы Дзержинского: «Чекистом может стать только тот, кто имеет холодную голову, горячее сердце и чистые руки». Это была одна из первых заповедей гуманизма и честности! Мы не

забывали слов Дзержинского, что жестокий человек не может работать в ВЧК – он подобен заржавленному инструменту. Мы буквально впитывали в себя такие факты, как тот, что когда, в начале 1918 года, в напряженнейшее время борьбы, Феликсу Эдмундовичу стало известно, что один из работников ВЧК допустил грубое обращение с арестованным, Дзержинский сам провел расследование и на протоколе допроса написал: «Комиссия рассмотрела и решила сделать самые энергичные внушения виновным и в будущем предавать суду всякого, позволившего дотронуться до арестованного. Ф. Дзержинский».

Мы изучали и впитывали (а было нам по 20–25 лет) записку и инструкцию Дзержинского для лиц, производящих обыск и дознание, в которых было сказано:

1) Оружие вынимается только в случае, если угрожает опасность.

2) Обращение с арестованными и семьями их должно быть самое вежливое. Никакие нравоучения и окрики недопустимы.

3) Ответственность за обыск и поведение падает на всех из наряда.

4) Угрозы револьвером, и вообще каким бы то ни было оружием недопустимы.

Виновные в нарушении данной инструкции подвергаются аресту до 3-х месяцев, удалению из Комиссии и высылке из Москвы. (Ш.1918)

А сколько было изучавшихся нами таких документов и периода ВЧК, и более позднего времени! В том числе ленинских документов и указаний по ВЧК.

Я не помню инструкций и указаний, призывавших когда-либо в любой период моей работы до 60-х годов, к антигуманным методам или поощрений кого-либо за них.

Наказания помню:

Помню, что судили в период блокады оперработника 2-го Отдела за то, что съел два пакета сухарей, предназначенных для агентуры. Помню исключения из партии и увольнения из органов за спровоцированные дела и материалы. Помню, как сам с оперуполномоченным (ныне покойным) Иваном Ревиным ходили в партком к секретарю Пьянову, во время войны, возмущенные тем, что наш начальник, добиваясь признания в шпионаже перебежчика из Эстонии, ударил его во время допроса, дело было передано тогда же особоуполномоченному. Начальник понижен в должности и переведен из Отдела фронта. Говоря все это, не хочу, чтобы поняли товарищи так, что хочу представить контрразведчиков без исключений, просто ангелами во плоти.

Как уже здесь говорили, в 50-х годах военной контрразведке, как и вообще органам госбезопасности, пришлось без особого сожаления распрощаться с рядом работников, если при следствии, и не преступивших каких-то узаконенных, но по сути преступных распоряжений высоких начальников, то преступивших, при следствии и допросах (особенно в конце 30-х годов) общечеловеческие нормы морали. Что было причиной их нравственной несостоятельности? Думаю, что в каждом случае разное. И уровень общего развития и воспитания, и классовая, до ослепления, ожесточенность в 20 – 30-е годы, и страх перед таким же начальником, и карьеризм, и слепое рабское выполнение приказа.

Как бы там ни было, уроды в семье оказались, но, повторяю, не они в 40 – 70-х определяли подлинный облик семьи чекистов. Зная окружавших меня чекистов в период войны и после нее, я, за редким исключением, видел вокруг себя беспредельно преданных Партии работников. Сколько проявляли они трудолюбия, личной скромности, взаимопомощи, чувства долга, смелости, мужества, выносливости, самоотверженности, просто нравственной

чистоты и не вообще, как говорят, «коллективом за компанию», а персонально. В этом-то во всем и проявлялся подлинный социалистический гуманизм.

Кто из товарищей не читал, я бы, как и Николай Николаевич, порекомендовал прочесть сборник «Армейские чекисты» (воспоминания контрразведчиков Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов), который, кстати, через год выйдет в новом издании в Юриздате, и только что вышедшую книгу «Чекисты Карельского фронта». Там немало фактов подлинного самопожертвования чекистов.

К примеру:

Оперуполномоченный 310-й сд. Алексей Федорович Калмыков в 44-м в целях сохранения большинства бойцов батальона, гибнувших под фронтальным огнем у д. Осни, уговорил командира дать ему маленькую группу бойцов, чтобы обойти деревню с тыла, пробраться с ними в центр немецкой обороны, и вызвал огонь своей части на себя. Погиб, но обеспечил меньшей кровью взятие опорного пункта, гибель более трех сотен немцев.

Никто не посылал контрразведчиков в атаки, никто не поручал им командовать частями, но мы помним сотни случаев, когда чекисты при погибших командирах брали командование в бою на себя.

Оперуполномоченный в 11-м лыжном батальоне Никандр Васильевич Жуйков, когда были ранены в бою командир и комиссар, в 42-м году взял руководство на себя.

Подполковник Александр Сергеевич Кустов, начальник Особого Отдела 33-й бригады повел в аналогичных условиях бойцов в наступление, взял поставленный задачей рубеж, закрепился. Погиб в бою. И т.д. – всех не перечислишь.

Подполковник Василий Андреевич Бокия, будучи оперуполномоченным в полку на Карельском перешейке в 1940 году попросил включить его в штурмовую группу замполитом, когда часть не смогла прорвать укрепленную

линию обороны. Несколько часов лежал с бойцами на снегу в 40-градусный мороз. Отморозил ступни, а в Отечественную, будучи по сути инвалидом, снова пошел на передовую.

Высокие качества души чекистов проявлялись по разному.

Я лично знаю случай, когда контрразведчик в безвыходной иначе обстановке, перед атакой, за демонстративный отказ от выполнения приказа командира о открытую попытку призвать красноармейцев к бегству в тыл, был вынужден на месте расстрелять сержанта. Но, затем, оформив положенное Постановление, настоял, чтобы командование части послало семье расстрелянного уведомление общей формы «пал смертью храбрых», чтобы на жену и ребенка труса не пали лишения и позор.

И такие случаи гуманного отношения к семьям людей, понесших кару жестокую, но неизбежную в конкретных условиях, стали настолько характерными, что нашли отражение, как помните, в «Живых и мертвых» Симонова (рассказ Серпилина).

А сколько было случаев, когда оперработники, не будучи санитарями, вытаскивали раненых с поля боя? Будучи душой партизанских отрядов, спасали местное население от озверевших гитлеровцев.

О более неприметных фактах заботы о людях, о подчиненных.

Помню, как старший уполномоченный Управления «СМЕРШ» Черкасов Андрей Васильевич, после того, как мы с ним по розыску нашли агента-«цеппелиновца», арестовал его в Башкирии и по приказу генерала Быстрова был вынужден с 2-мя конвоирами-солдатами, только что выписанными после ранения, везти его в общем пассажирском переполненном поезде. Обоих конвоиров оставил с задержанным на сидении, а сам от Уфы до Москвы, в непогоду, с нездоровыми легкими, ехал на подножке и стоя в

тамбуре. Кто от него этого требовал? Никто. Лишь высокая нравственность.

Хочется закончить затянувшееся выступление (за что простите) мыслью о том, что сейчас партийным организациям Особых Отделов максимум времени, сил, возможностей надо направить на оценку и на воспитание нравственных качеств каждого контрразведчика. Воспитание и воспитание веры в славные традиции, веры в правду, веры в объективный подход.

Один товарищ недавно спросил меня: «Слушай, с кого же теперь «делать жизнь»? С Иисуса Христа, как невольно советует Чингиз Айтматов со своим Авдием, или с Дзержинского, как звал Маяковский? Ведь сегодняшняя молодежь по настоящему-то не знают ни того, ни другого. Философы и историки пока как воды в рот набрали?».

Что я думаю сам?

Если человек до мозга костей будет воспитан в доброте, в милосердии, человеколюбии; если будет готов откликнуться на боль и страдание; и стараться не причинить их человеку сам; будет исповедовать справедливость и высокие идеалы постоянной борьбы за правду; необходимость ограждения людей, человека и общества от несправедливости и общей беды – и при этом, внутренне поймет ленинскую методологию понимания принципов не отвлеченного, а социалистического гуманизма – этот человек сегодня и может быть чекистом с холодной головой.

Все – кто с глубоко анализирующим разумом; с горячим сердцем, т.е. откликающимся на чужую боль, с чистыми руками, к которым ничто чужое и грязное не пристанет.

Это и будет лучшим итогом партийной работы, партийного воспитания в Органах.

1988 г.

* * *

Пидемский Б.М.

Выступление на торжественном собрании в день 85-летия военной контрразведки

19 декабря 2003 г

Мы с вами живем в такое время, когда далеко еще не все, особенно молодежь, знают и поняли значение органов безопасности и особенно в первый период деятельности ВЧК. Это, кстати, показала недавняя бурная дискуссия в СМИ по поводу памятника Дзержинскому.

ВЧК и Феликса Эдмундовича обвиняли во всех грехах, мыслимых и немыслимых, и, прежде всего, за «Красный террор». А вас, ныне действующих чекистов, за то, что в здания ФСБ стоят еще бюсты Дзержинского и в кабинетах висят его портреты. До сих пор находятся люди, кои, в основном по безграмотности, по незнанию подлинной истории, в том числе истории наших органов, поддаваясь ее фальсификации, криком кричат о палаче Дзержинском и терроре массовом, якобы инициированном ВЧК. Поэтому, если мы с вами считаем, что славной истории нашей контрразведки сегодня исполнилось 85, а это правда, и мы с гордостью называем себя чекистами, надо вспомнить и вдалбливать тем, кто еще заблуждается: «Красный террор? Да, был. Но в какой обстановке? Чем был вызван? Кто был инициатор террора? Как оправдала его история?».

Лекцию не собираюсь читать, но сегодня не как контрразведчик, а как историк за пять минут хочу напомнить правду истории.

Итак, обстановка:

В 18-м году в Центральном аппарате ВЧК всего 120 сотрудников, включая и технический персонал. Немцы оккупировали Украину, Белоруссию, Северо-запад. На Севере

английские, французские и американские интервенты. На Дальнем Востоке японские, американские, английские войска. Урал, Поволжье, Сибирь – чехословаки и войска Самарской Учредилки. Средняя Азия у англичан. В Закавказье – немецкие, турецкие и английские оккупанты. На Северном Кавказе и на Дону белогвардейские армии Алексеева и Краснова. Три четверти страны в кольце фронтов. Центр страны отрезан от хлебных и топливных ресурсов. После I-й Мировой войны – разруха и голод. В занятых областях России истребляют советских работников, коммунистов, крестьян-бедняков, признавших Советы учителей.

Июнь 18-го: в 22-х губерниях расстреляны 824 человека, в июле – 4141, в сентябре – больше 6-ти тысяч. Не считая тысяч погибших в Ростове на Дону, Екатеринбурге, Омске, Вольске, других городах. В одном селе Александров Гай под Самарой за один день расстреляно 675 человек. Это террор или нет?

В сентябре убит председатель Петроградской ЧК Урицкий и комиссар по делам печати Володарский. Ранен глава Правительства Ленин.

Только лишь в этой обстановке смертельной угрозы не только советской власти, как сейчас говорят, а существованию России, как таковой, пришлось увеличивать органы ВЧК и допустить так называемый «Красный террор». Красный террор – чрезвычайная, вынужденная мера защиты государства, как ответ на свирепый белый террор.

Были перегибы нравственные (о которых кстати писали Бунин, Короленко, Горький). Были проявления беззакония, извращения? Да, были. Но была война не на жизнь, а на смерть. И велась она с нашей стороны полуграмотными при царизме работягами от станка, доведенными эксплуататорским строем до величайшей ненависти к тем, кто был против их революции. Других верных кадров у ЧК не было. Эсеры-интеллигентники – блюмкины, александровичи – бывшие вначале в ЧК, Россию предавали и продавали.

Два слова о «палаче» Дзержинском. Да, он был беспощаден к врагам, так как беспощадны сегодня спецназовцы в Норд-Осте или к террористам в Чечне. Но справедливость и гуманность, нравственность и личная скромность – вот ключевые черты его внутреннего содержания.

Не время и не место сейчас напоминать о жизни, отданной без остатка только народу и Родине. Бегло напомним о нескольких строчках его приказов чекистам, указаний, советов, подлинных, а не липовых, которые, увы, тоже были, тех, что 80 лет чекисты помнят и ими руководствуются. Чаще всего приводят фразу Дзержинского: «Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками».

Я напомним, что еще говорил он чекистам: «...Кто из нас очерствел, чье сердце уже не может чутко и внимательно относиться к людям – уходите из этого учреждения. Тут, больше чем где бы то ни было, надо иметь добрые и чуткие к страданиям других сердце».

А вспомните приказ об арестах и обысках: «Пусть все те, которым поручено произвести обыск, лишить человека свободы и держать его в тюрьме, относятся бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливей, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти. Каждый должен помнить, что он представитель Советской власти рабочих и крестьян и что всякий его окрик, грубость, нескромность, невежливость – пятно, которое ложится на эту власть. Нравоучения и окрики недопустимы».

И это палач?...

«...Требуйте самую живую отзывчивость к каждому делу, где попорана справедливость», – писал он.

В самое суровое время в 19-м году он, борясь за законность, заявил о недопустимости «разрастания»

чрезвычайных комиссий и вошел в ЦИК с предложением о роспуске низовых ее звеньев. В январе 20-го по его предложению Совнарком принял решение прекратить применение ЧК расстрелов. Дзержинский писал: «... Высшая мера наказания – это исключительная мера, а поэтому введение ее как постоянного института пролетарского государства вредно и даже пагубно».

И это палач?...

В 21-м в своем приказе он писал: «...Массовыми арестами и репрессиями, вполне понятными в боевой обстановке, при изменившейся обстановке Чека будет только лить воду на контрреволюционную мельницу, увеличивая массу недовольных...». В другом приказе требует различать где враг, где обыватель: «...Иначе, – пишет, – шпионы, террористы и подпольные разжигатели восстаний будут гулять на свободе, а тюрьмы будут полны людьми, занимающимися безобидной воркотней против Советской власти».

И это палач??...

А детская комиссия ВЦИК, которую он попросил разрешения возглавить, сказав: «...Это ужасное бедствие – беспризорность детей. Сколько их искалечено борьбой и нуждой! Тут надо прямо-таки броситься на помощь, как если бы мы видели детей утопающих».

И бросился. И в считанные месяцы ликвидировал беспризорность.

И это палач???...

«...Благодаря его душевной чуткости и справедливости, – писал Горький, – было сделано много хорошего». «У него тонкое чутье на правду», – сказал Горькому Ленин. И не случайно Маяковский написал:

Юноше, обдумывающему жизнь,
решающему – сделать бы жизнь с кого,
Скажу не задумываясь: –

«Делай её с товарища Дзержинского...».

Дорогие товарищи, продолжайте делать свою жизнь и
работу, как наш первый учитель.

* * *

Б.М. Пидемский

Выступление на научно-практической конференции в 2007 г.

«90 лет образования органов ВЧК - ФСБ»
(круглый стол на тему «Мифы о «Большом доме» и
«Лубянке»)

Мифотворчество писателей, журналистов, СМИ имеет в основе три причины: некомпетентность, распространившуюся моду и, в редких случаях, личную обиду за какую-то, кем-то учиненную, репрессию близких.

Причем, некомпетентность и возникающая мода облить помоями органы безопасности наблюдается, как правило, в комплексе.

К примеру, такой анекдотичный факт:, стоило Солженицыну назвать книгу «Архипелаг ГУЛАГ», то есть образно уподобить группу мест заключения, подчиненных Главному управлению лагерей (ГУЛАГу), как бездумно по телевидению и в печати полетело: «вся страна была в Гулагах», «их отправили в Гулаг», «он сидел в Гулаге», то есть в Главном управлении на мягком стуле. Не так уж и плохо.

То, что, подхватывая модное словечко или факт, тиражируя их, не вдаваясь в суть – объясняется недостатком культуры автора, «попугайством». Вошло, к примеру, в моду словечко «адекватен» – вот и говорят: «Этот человек вполне адекватен». И все. Чему или кому он адекватен, то есть равен? А никому. Просто адекватен и все! Зачем попугаю в словарь заглядывать?

Так и с органами контрразведки. Как почти ни одно произведение ныне не обходится без секса, так считают

модным и необходимым хоть скороговоркой лягнуть чекистов. И наблюдаем выдумку за выдумкой, миф за мифом об истории контрразведки, о ее задачах и методах, о сотрудниках, гласных и негласных, сатанински купаемых в словесной грязи.

А это далеко не безобидное явление. Оно нередко лишает органы госбезопасности содействия человека, поверившего мифам. Мешает смышленным, честным, энергичным, нравственно порядочным людям идти работать в контрразведку России. Особенно нетерпимо такое мифотворчество в произведениях литературы, претендующих на документальность.

Хочу привести характерный пример.

Недавно вышла в свет первая книга романа-двухтомника писателя Воропайкина «Жестокое время». Ее тема – фронтовой период жизни известного русского поэта Сергея Орлова - командира танка в период войны.

Автор поставил перед собой благородную задачу: художественным произведением рассказать о талантливом поэте и мужественном солдате, которого незаслуженно стали забывать.

Однако, будучи незнакомым ни с героем произведения, ни с особенностями его характера и другими чертами личности, так же, как и с условиями переднего края и танковых боев, допустил в романе ряд несуразностей, превратив Орлова из героя-танкиста, каким был намерен его показать, то ли в идиота, то ли в сумасшедшего.

То он в бою, при наличии в танке экипажа и боеприпасов, поднимается по пояс из башни и «в азарте» начинает стрелять из пистолета, убивая шесть немцев, то, в разгаре танковой атаки, увидев на опушке леса нашу замолкнувшую пушку, оставляет танк и экипаж, и бежит

под огнем выяснять причину. Конечно такие, назовем их «художественные», нелепости никому, ничему, кроме репутации автора, не вредят

Другое дело, когда в той же книге видим ряд инородных, даже теме книги, мифологических «изысков» о войсках и органах НКВД, да еще поданных с эмоциональным накалом, ненависти к ним.

К примеру, такие «перлы»:

«Заградительные отряды из частей НКВД не знали ни пощады, ни снисхождения, ибо, не сталкиваясь с противником лоб в лоб, щедро поливали свинцом своих же, принуждаемых силой обстоятельств пятиться под натиском превосходящих сил противника». Ведь любой честный солдат– фронтовик скажет, что не знает случая, когда бы заградотряды применили пулемет или автоматную очередь по отступавшим. А этот писатель, как говорится «не нюхавший пороха», поливает читателей свинцом измышлений.

Или там же:

«В зимний мороз из ближайших поселков и деревень органами НКВД было согнано все работоспособное население – старики, женщины и дети, способнее держать лопату». Речь идет о захолустной шоссейке в глубоком тылу. И это в период, когда и в областях, объявленных на военном положении, власть осуществляли военкоматы, а не органы НКВД и, конечно, ни те, ни другие не допустили бы такого «сгона».

Грустным анекдотом можно назвать попытки автора писать искаженные портреты контрразведчиков фронта, презрительно называя их «энкаведешниками» и «типами», абсолютно не понимая задач контрразведчиков, не зная их подчиненности, воинских званий, даже знаков различия. В воинской части у этого автора есть «СМЕРШ»,

«смершевцы» и «уполномоченный НКВД при штабе полка», «тип с малиновыми петлицами» – это на передовой-то(!)– занятый тем, что проверяет в редакции дивизионки: выйдет ли газета ко дню Красной Армии? Приказывает(!) поэту сесть и немедленно сочинить стихи для газеты: «И никаких «но»! Вы в армии, черт бы вас драл! Вам приказывает старший по званию! Какие могут быть разговоры?.... Такая же работа, как и любая другая»! Бедняга поэт садится и пишет. Ибо (цитирую): «Спорить с уполномоченным НКВД, да еще в такой обстановке – на передовой – дохлый номер. Не поймет. Переиначит. Придирками задолбает. А последствия.... У Сергея невольно дрожало внутри, а от затылка к пяткам поползли ледяные мурашки».

В романе сослуживцы к особисту обращаются по несуществующему званию «товарищ капитан внутренних войск». И, конечно, наряду со столь невежественными злобными пассажами, автором демонизируется и внешний облик контрразведчиков. Обязательно «с каменно-неподвижным незапоминающимся лицом», «глаза – как две льдинки», «с холодным оценивающим взглядом», «смотрит не в глаза, а куда-то в лоб», «по-барски развалился на стуле», «вкрадчивые нотки в голосе обрели угрожающий оттенок, а зрачки сузились до крохотных точек» и т.д. и т.п. Придумав конфликт контрразведчика с Сергеем Орловым, автор пишет: «У чекиста буквально чесались руки сожрать его с потрохами».

Писателю, взявшемуся за роман о поэте, было невдомек, что не в романе, а в жизни именно с контрразведчиком Сашей Коркиным – его ровесником, увлекавшимся поэзией, Орлов был особенно дружен и по окончании войны разыскивал могилу погибшего друга. Как не было известно и то, что Орлов, не будучи никогда негласным, ни негласным сотрудником органов, с

352

пониманием и уважением относился к офицерам контрразведки. Что закадычными его друзьями были чекисты Пидемский, Бурков, Быков. С глубоким почтением он относился к старшим товарищам «по цеху», бывшим особистам: писателям Александру Прокофьеву, Константину Коничеву, Федору Абрамову.

Но зачем писателю, ангажированному модой, это знать? Следуя моде «мочить» чекистов, он просто поддерживает миф об их порочности и создает дополнительно еще мифчик о преследовании контрразведкой поэта Орлова.

Как прекратить это мифотворчество, так негативно влияющее на сознание обывателя и особенно молодежи?

Во-первых – прессслужбам ФСБ, МВД, Министерства обороны и их органам на местах, отслеживая клеветнические опусы в СМИ и литературе, немедленно давать им отповедь в тех же газетах и на тех же каналах. А при клевете в отношении конкретных лиц и организаций, обращаться в коллегия по жалобам на прессу, наконец, в суд, придавая это гласности. Давать толковые острые рецензии в газетах, имеющих широкий спрос.

Во-вторых – больше публиковать правдивые материалы об органах госбезопасности, объективно рассказывая об их задачах, историческом прошлом, работе сегодня. Акцентировать внимание на отваге, мужестве, героизме, порядочности контрразведчиков, в том числе тысячах павших на фронте и в чекистских операциях.

В-третьих – сделать более доступными, в смысле тиражности и цен, печатные органы ФСБ, газету «Разведка и контрразведка».

И, наконец – начальникам органов безопасности, их эрудированным представителям чаще выступать перед

творческими работниками Союзов писателей и журналистов на те же темы.

Чем больше литераторы и журналисты будут знать правду, тем меньше станут встречаться ложь и негативные выдумки.

2007 г.

Вместо послесловия...

Борис Михайлович Пидемский прожил долгую и трудную жизнь. Но он не был несчастным человеком. По крайней мере, он таковым себя не считал.

Он более 55 лет прожил со своей женой – Верой Михайловной Пидемской (в девичестве – Тальвинская).

Вера Михайловна родилась в 1923 году в Белоруссии. Её отец – Тальвинский Михаил Игнатович был коренным белорусом и всю жизнь прожил в Полесье. Окончила среднюю школу в селе Россоны Витебской области²⁹. Перед войной здесь учительствовал Петр Машеров – молодой преподаватель физики, только что окончивший физико-математический факультет Витебского педагогического института им. С.М. Кирова.

Петр Миронович Машеров – будущий Герой Советского Союза и первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии был любимым учителем всех, кто в это время

²⁹ Россоны – поселок в Витебской области на берегу одноименного озера километрах в 10 от российской границы по прямой и в 30 км по автодорогам. Впервые упоминается в 1552 году в «Полоцкой ревизии» как деревня Ф. Корсака из 7 дымов. За первые 450 лет существования домов особенно не прибавилось: в начале XX века здесь, вокруг панской усадьбы, продолжало с горем пополам жить 50 человек, а к 1924 году, когда Россоны стали районным центром, население возросло до 120 душ.

учился в старших классах Россонской школе. Вера Михайловна очень подружилась с его сестрой Ольгой. Они были практически одноклассниками.

С местечком Россоны и его окрестностями тесно связан партизанский этап жизни П.М. Машерова³⁰

Окончив школу с золотой медалью, Вера Михайловна по рекомендации Петра Мироновича Машерова подала заявление и в 1940 году поступила в Ленинградский горный институт.

22 июня 1941 года, окончив лишь I курс, она пошла в военкомат и попросила направить ее на фронт. Пройдя краткосрочные курсы, стала фронтовой медицинской сестрой. Весь период войны и блокады служила в госпиталях Ленфронта, имела воинское звание, переносила все тяготы спасения раненых.

Награждена орденом Отечественной войны и медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией».

Борис Михайлович Пидемский пишет в своих воспоминаниях: «...не преувеличу, если скажу, что именно ей я обязан всеми успехами в жизни. Более светлого, кристально честного, человеческого человека за долгие годы жизни я не встречал. Об этом скажут все, кто с ней был знаком. Человек редчайшей души, она пронесла на своих плечах все тяготы и послевоенного времени,

³⁰ Петр Миронович Машеров, один из ключевых организаторов и руководителей партизанского и подпольного движения в Белоруссии, Герой Советского Союза (15.8.1944), Герой Социалистического Труда (1978) с 1965 года – первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС с 1966 года. Дата рождения – 13.02.1918 г. Дата смерти – 04.10.1980 г. С первых же дней за ним закрепилась слава любимого учителя. Он нравился девочкам своей подтянутостью, аккуратностью, внимательностью, обаятельной улыбкой. Ребят увлек спортивными эстафетами и походами. Сразу решил организовать кабинет физики, заказал необходимое оборудование, а по вечерам, когда на небе загорались звезды, вел кружок астрономии. Ученики Машерова уверенно поступали в ленинградские технические вузы. Не провалился ни один.

строительства благополучия в доме, воспитания троих детей, все беды и неурядицы в семье и на моей службе.

При этом, работая сама, Вера являла какой-то невиданно светлый сгусток трудолюбия, воли, скромности и терпения, любви и заботы, внимания к людям. Я, атеист, не постесняюсь назвать ее святым человеком...».

Вера Михайловна ушла из жизни от тяжелой болезни накануне дня своего 75-летия. (9 августа 1998 г.).

Они дружно и счастливо прожили в браке более 55 лет. Воспитали трёх детей: старшая дочь – Галина Борисовна, 1944 г.р., умерла в г. Санкт-Петербурге 22 августа 2015 г.; младший сын – Михаил Борисович, 1949 г.р., умер в г. Санкт-Петербурге 06 июля 2012 г.; средний сын – Олег Борисович, 1947 г.р., пенсионер, живет в г. Всеволожке Ленинградской области.

И не случайно фотография молодых Пидемских в военной форме, которая стоит у них в центральной нише серванта, вынесена нами в начало данной главы...

Это очень символично. Воинская служба, в любом виде, прошла через семью Пидемских в течении всей жизни:– сначала советско-финская война, затем Великая отечественная, «ленинградское дело» и воспитание маленьких детей...

После этого сложная послевоенная обстановка и восстановление Ленинграда, тяжелое время работы в этих условиях на невидимом фронте – в военной контрразведке...

Затем переход на абсолютно другую – гражданскую, но не менее важную работу, можно сказать, – культурно – идеологическую деятельность...

И многие годы, вновь на переднем крае, прославляя и восхищая весь мир уже в области культуры, архитектуры, изобразительного искусства. Не говоря уже о прекрасном

литературном творчестве и достижении на этом поприще...

В этом вся их жизнь, счастливая и полностью состоявшаяся...

* * *

Борис Михайлович со своей боевой подругой Верой Михайловной в последние годы жизни...

* * *

Его биография, деятельность во время службы в органах государственной безопасности и после увольнения в запас заслуживают самого пристального внимания. Воспоминания о нем родных, близких, сослуживцев, земляков будут интересны не только ветеранам, действующим сотрудникам органов госбезопасности и молодым чекистам, но и широкому

358

кругу читателей, не равнодушных к истории своей Родины и народа. Ибо Борис Михайлович Пидемский, уроженец земли Вологодской, выходец из российской глубинки являет собой пример служения Отечеству, истинного патриота...

Завершить воспоминания о моем прославленном земляке Борисе Михайловиче Пидемском мне бы хотелось следующими стихами:

* * *

Ушёл из жизни ветеран...

*Не на войне погиб и умер не от ран –
Ушёл из жизни ветеран
Борис Михайлович Пидемский!
Он был Звездой – не Вифлеемской –*

*Но яркой личностью во всем:
И как талантливый писатель,
В «Авроре» много лет издатель,
Сотрудник СМЕРШа, особист,
Поэт и киносценарист.
В войну защитник Ленинграда –
Четыре ордена в награду.*

*Под вой сирен, стук метронома
И раненых глухие стоны
Он написал правдивейшую книгу
О провалившемся блицкриге*

*Из-за боев на маленьком клочке –
Известном «Невском пятачке!»
Сражались храбро там солдаты –
Хотелось бы напомнить НАТО,*

*Что русских трудно победить –
Свободы дух нельзя убить!*

*И, в путь последний провожая,
Я думаю, никто не возражает –
Борис Михайлович – ЗВЕЗДА
И будет нам светить всегда!*

*И верю я – пока мы живы
Инсинуациям лживым
О тех боях и той войне проходу не дадим,
О павших – память сохраним!*

*04.03.2018г.
Санкт- Петербург
Н.Н Соцков*

***К 100-летию со дня рождения
Бориса Михайловича Пидемского***

*Борис Михайлович Пидемский! –
Он настоящий был солдат,
И очень жаль, что не дожил
До трёх Великих дат:
Сто лет ЧК, сто лет ему,
сто лет военной контрразведке –
Такие совпадения редки*

*И потому нам жаль втройне
И всех погибших на войне,
И тех, кто умер не от ран,
Как наш известный ветеран.*

*И вот сегодня в сотню лет
Я возлагаю к урне с прахом
Красивый траурный букет.
Сюда приходят не по спискам,*

*А по велению души
И поминают очень близких
В морозной утренней тиши.
К Душе и Богу обращаясь,
Хочу заверить, наш солдат,
Что помним всех мы не доживших
До трёх Великих этих дат!*

*Н.Н. Соцков
07 января 2018 г.
Санкт-Петербург*

Содержание

Вместо предисловия.....	7
Глава 1	11
Откуда родом и как попал в ЧК.....	11
Биографическая справка.	11
Почетные звания и награды	18
Статья «СМЕРШ» – Легенды и были»	23
Копия учетной карточки из архива КГБ СССР	26
Кусочек истории... ..	27
Глава 2	91
О службе Б.М. Пидемского из книг других авторов.	91
«В поединке с Абвером»	91
«Невидимые бои»	108
Приманка для шпиона.	111
Сохранившиеся фото Пидемского Б.М. военного времени в семейном архиве.....	117
Глава 3	119
О своей жизни и биографии... (Из интервью Бориса Михайловича)	119
Военные пути особого отдела	120
От медицины до контрразведки.	120
Критерии отбора.	123
Начало лихолетья.	127
Брать живыми.	136
От «Смерша» до «Авроры»	139
Глава 4	153
После увольнения в запас....	153
Издательская деятельность.	153
Издание книг о военной контрразведке.....	163
Некоторые альбомы Пидемского Б.М., изданные в «Авроре» в первые годы.....	165
«Аврора». Жизнь и судьба	174
Общественная деятельность	178

Работа в Комитете ветеранов войны СССР	178
Благотворитель	186
Работа на Ленфильме	192
Последние фото Бориса Михайловича, сделанные на Ленфильме	197
Глава 5	199
Литературное творчество	199
Очерк «Через всю жизнь»	199
«Поздней осенью сорок первого»	219
Послесловие автора:	220
Стихи Бориса Пидемского «Блокаднику»	222
Книга «Под стук метронома»	224
Подробная история создания и характеристика книги Б.М. Пидемского «Под стук метронома»	224
Подвиг без погонь и перестрелок	225
Стенограмма выступления Б.М. Пидемского на презентации его книги «Под стук метронома» 25.01.2008 г. в Лавке писателей на Невском	228
Церемония вручения премии ФСБ РФ Б.М. Пидемскому	239
Отзывы о книге:	244
Глава 6	249
Из архива Бориса Михайловича	249
Коротко об авторе – Пидемском Олеге Борисовиче	250
«Человек требует мира!...» Поэма	252
«Мы с товарищем бродили по Невской Дубровке ... » ..	271
Невская Дубровка	274
Память или Показуха?	277
Баллада о «Невском пяточке» или Ищем кости на погосте	283
Потери на Невском пяточке	287
Роль Пидемского Б.М. в признании «Невского пяточка» мемориальным комплексом	288
Сохранившиеся фото Пидемского Б.М. послевоенного времени в семейном архиве	292

Глава 7	297
На Невском пятачке.	297
Дубровка. 28.05.2011 г.	297
Открытие Часовни «Вечная слава Защитникам Отечества»	299
Стихи о «Невском пятачке»	302
Память вологодских воинов увековечили на «Невском пятачке»	304
Невский пятачок – 75 лет подвигу дедов.....	307
Глава 8	313
Воспоминания о Б.М. Пидемском	313
Краткие мгновения с Борисом Пидемским.	313
Один из тех, кто	319
Глава 9	329
Ушел из жизни ветеран.....	329
Церемония прощания	330
Глава 10.	333
Напутствие молодым чекистам	333
Ребята, продвигайте Дзержинского.	333
Выступление на семинаре чекистов в 1988 г.....	334
Выступление на торжественном собрании в день 85-летия военной контрразведки	344
Выступление на научно-практической конференции в 2007 г.	349
Вместо послесловия....	355
Содержание	363
Об авторе	367
Для заметок.....	368

Об авторе

Соцков Николай Николаевич – контр-адмирал в отставке, почетный сотрудник контрразведки. Окончил Высшее военноморское училище имени М.В.Фрунзе в Ленинграде. Службу проходил на Тихоокеанском флоте.

Участник четырех длительных походов в Индийский океан. Побывал в одиннадцати зарубежных портах. В военной контрразведке с 1972 г. по 2003 г. Прошел путь от оперуполномоченного до начальника Управления. Был председателем Совета ветеранов УФСБ РФ по ТОФ, заместителем председателя Союза ветеранов госбезопасности Приморского края, товарищем председателя Владивостокского морского собрания, Членом редакционного Совета журнала «Чекист Приморья». В настоящее время – заместитель председателя Лиги офицеров государственной безопасности Северо-Западного федерального округа. Проживает в Санкт-Петербурге.

Награжден орденами Почета, За Службу Родине в Вооруженных Силах III степени, холодным оружием и многими медалями.

Женат, имеет сына, дочь, двух внуков.

В 2002 году по инициативе и под редакцией Н. Соцкова издана книга «Честь и верность», посвященная 70-летию военной контрразведки ТОФ. Книге была дана высокая оценка, о чем свидетельствуют рецензии ученых историков и диплом выставки-ярмарки «Печатный двор – 2002 г.». В 2012 г. книга переиздана с дополнениями и исправлениями.

В августе 2017 г. Н.Н. Соцковым в СПб издательстве ЗАО «Полиграфическое предприятие № 3» была издана книга «Портреты друзей», посвященная различным аспектам неслужебной жизни вышедших на заслуженный отдых сотрудников военной контрразведки Тихоокеанского флота.

Литературно-публицистическое издание

Николай Николаевич Соцков

ОСОБИСТ.

Борис Михайлович Пидемский
(07 января 1918 г. – 24 августа 2017 г.)

Редактор: А.А. Чернышева

Дизайн и оформление: А.В. Чернышев

Технический редактор Е.А. Дорожкин

Корректор Л.Д. Духанина

ISBN 978-5-86247-147-2

Подписано к печати 14.08.2018. Формат 60 x 100^{1/16}. Бумага офсетная
Гарнитура «Cambria». Печать офсетная.
Усл. п. л. 23. Тираж 1000 экз. Заказ № 2199.
Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
цифрового оригинал-макета в ООО «Контраст»
192029, СПб, пр. Обуховской Обороны, д.38, литера А.
Тел.: +7 (812) 677-31-19, (812)917-17-85, Факс; +7 (812) 677-31-19
Сайт: www.ooocontrast.narod.ru, E-mail: ooocontrast@yandex.ru
Издание отпечатано на бумаге, предоставленной ООО «Контраст»